

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 4 2021 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

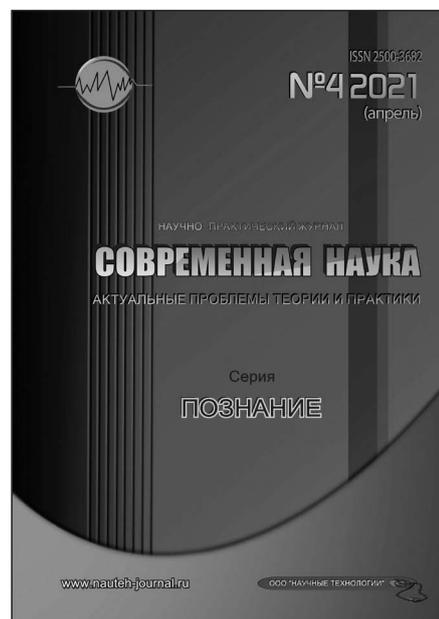
Подписано в печать 25.04.2021 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №4 (апрель) 2021 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Боровик М.В. – Обсуждение нравственных вопросов семьи и общества в искусстве и средствах массовой информации

Borovik M. – Discussion of moral issues of family and society in art and mass media 5

Крюкова Л.С. – Языковое и культурное многообразие Великобритании

Kryukova L. – Linguistic and cultural diversity of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland..... 9

Тань Яньхуэй, Чжан Ян – Фольклорные и культурные особенности этнической идентичности орохонов и маньчжуров, проживающих из поколения в поколение в провинции Хэйлуцзян

Tan Yanhui, Zhang Yang – Folklore and cultural features of the ethnic identity of the Orochons and Manchus living from generation to generation in Heilongjiang Province..... 13

Фу Чжунфэн, Цзян Дунмэй – К вопросу об особенностях и культурной ценности изобразительного искусства малых этносов, занимающихся лесной охотой в бассейне реки Амур

Fu Zhongfeng, Jiang Dongmei – On the peculiarities and cultural value of the fine arts of small ethnic groups engaged in forest hunting in the Amur river basin 16

Психология

Андреев В.С. – Двухфакторная модель счастья, взаимозависимость и динамика факторов

Andreev V. – Two-factor model of happiness, interdependence and dynamics of factors 19

Будауд К. – Построение профессиональной идентичности в сложных условиях стажировки учеников в сфере розничной торговли в Алжире

Budaud K. – Building a professional identity despite challenging working conditions: retail apprentices in Algeria 25

Валишин Е.Н. – Опыт и восприятие пожилыми людьми цифровых технологий и их адаптация в информационном обществе

Valishin E. – Older people's experience and perception of digital technologies and their adaptation in the information society 31

Ветлинская М.В. – Особенности представлений «образа Я» и «образа успешного медиатора» у специалистов с разной профессиональной ориентацией

Vetlinskaya M. – Peculiarities of the representations of "self-image" and "successful mediator image" for the specialists with different professional orientation 36

Гутова Т.С., Пидшморга Ю.В. – Специфика проявления тревожности у детей дошкольного возраста с нарушениями двигательной функции

Gutova T., Pidshmorga Yu. – The specifics of the manifestation of anxiety in preschool children with impaired motor function 42

Косолап А.В. – Особенности мотивационно-ценностных предпочтений курсантов военного института

Kosolap A. – Peculiarities of motivative-value preferences of courses of the military institute 47

Леонова Е.Н. – Перспективы изучения альтруизма: краткий обзор зарубежных исследований

Leonova E. – Perspectives for the study of altruism: a brief overview of foreign researches 53

Сорокина Е.Н. – Четыре измерения материнской сепарации внутри разных сепарационных контекстов в жизни матери

Sorokina E. – Four dimensions of maternal separation within different separation contexts in the mother's life..... 60

Сыса Н.В. – Специфика установления межличностного контакта у инспектора по делам несовершеннолетних с родителями подростков <i>Sysa N.</i> – The specifics of the interpersonal contact of the inspector of juvenile affairs with the parents of adolescents..... 65	Насиров М.Н. – Самобытность трансцендентальных теорий социального действия <i>Nasirov M.</i> – The originality of transcendental theories social action 104
Цыганенко О.С., Маркова О.А., Величко Т.И., Бидординова К.А. – Эмпирическое исследование субъективного благополучия преподавателей кафедры «физическая культура и спорт» МГТУ им. Н.Э. Баумана <i>Tsyganenko O., Markova O., Velichko T., Bidordinova K.</i> – Empirical study of the subjective well-being of teachers of the department "physical culture and sport" Bauman Moscow state technical university..... 71	Рыбакова И.А. – Рецензия на «материи не существует!» Ганса-Петера Дюрра <i>Rybakova I.</i> – Review on "matter does not exist!" Hans-Peter Durr..... 110
Философия	Скопа В.А. – Подходы к пониманию базисного интеллекта в образовании <i>Skopa V.</i> – Approaches to understanding basic intelligence in education 114
Бокачев И.А., Незнамова И.И. – От согласия к единству и консолидации российского общества <i>Vokachev I., Neznamova I.</i> – From consent to unity and consolidation of Russian society 75	Тетенков Н.Б. – Теория субъективности Р. Декарта <i>Tetenkov N.</i> – The theory of subjectivity P. Descartes 117
Булов И.Ю. – Неоэмпиризм идей в современной философии и когнитивной науке <i>Bulov I.</i> – Concept neo-empiricism in contemporary philosophy and cognitive science 80	Торубарова Т.В. – Идея космофизического порядка в контексте самоопределения человеческого бытия (античность) <i>Torubarova T.</i> – The idea of the cosmophysical order in the context of self-determination of human being (antiquity) 120
Вислова А.Д. – Искусственный интеллект как междисциплинарный феномен <i>Vislova A.</i> – Predictive significance of self-attitude in the modeling of artificial intelligence 84	Хубиев Б.Б., Атабиева З.А., Макоева З.А., Шоранова З.В. – Интеграция наук как основа достижения единства исследовательских методов <i>Hubiev B., Atabieva Z., Makoeva Z., Shoranova Z.</i> – Integration of sciences as a basis for achieving unity of research methods 126
Кононов С.В. – Концептуализация зарубежного исследовательского дискурса о проблемах социальной безопасности в российско-китайском приграничье <i>Kononov S.</i> – Conceptualization of the foreign research discourse on the problems of social security in the Russian-Chinese border area 89	Чугунов С.В. – Проблема свободы воли в философии В.С. Соловьева <i>Chugunov S.</i> – The problem of freedom of will in the philosophy of V.S. Solovyov 129
Ласточкин О.И. – Персоналистическое богословие архимандрита Софрония (Сахарова) и триадологическое учение православной Церкви <i>Lastochkin O.</i> – The personalistic theological studies of Archimadrite Sophrony (Sakharov) and the triadological teaching of the Orthodox Church..... 96	Информация
	Наши авторы. Our Authors..... 133
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 134

ОБСУЖДЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ВОПРОСОВ СЕМЬИ И ОБЩЕСТВА В ИСКУССТВЕ И СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Боровик Мария Викторовна

Аспирант, Краснодарский государственный институт культуры
borovik_maria@mail.ru

DISCUSSION OF MORAL ISSUES OF FAMILY AND SOCIETY IN ART AND MASS MEDIA

M. Borovik

Summary: The article examines the attitude to religion in modern society in the context of art and the media, provides examples of high-profile scandals on this topic. Methods of comparison and analysis of well-known news articles and public comments prove the urgent need to strike a balance between freedom of speech and freedom of conscience. The subject of the research will be articles from the official mass media, comments of public figures. The novelty lies in the use of fresh news materials on the deviant behavior of recipients on contemporary art.

Keywords: morality, religion, art, mass media, self-control in the press.

Аннотация: В статье рассматривается отношение к религии в современном обществе в контексте искусства и средств массовой информации, приводятся примеры громких скандалов на данную тематику. Методами сравнения и анализа известных новостных статей и публичных комментариев доказывается острая необходимость в установлении баланса между свободой слова и свободой совести. Предметом исследования станут статьи из официальных средств массовой информации, комментарии общественных деятелей. Новизна заключается в использовании свежих новостных материалов по девиантному поведению реципиентов на современное искусство.

Ключевые слова: мораль, религия, искусство, средства массовой информации, самоконтроль в прессе.

На протяжении многих столетий проблема нравственных вопросов семьи и общества остается **актуальной**. С постоянным техническим и научным прогрессом происходит переоценка ценностей, и порой радикальные, непринятые взгляды ученых и общественных деятелей находят отклик в сердцах людей спустя промежутки времени. Такими не признанными новаторами были Джордано Бруно и Галилео Галилей. Русский авангард XX века оказал огромное влияние на искусство всего мира. Характерными чертами этого направления можно назвать радикальный отказ от культурного наследия, принципиально новые приемы и формы в изобразительном искусстве. Однако существуют примеры современного творчества, которые откровенно переходят грань этических и нравственных вопросов, что вызывает не только недовольство общества, но и радикальные методы борьбы с творцами.

Эта тема с давних времен привлекает внимание многих исследователей, но вместе с тем ее актуальность возрастает в связи с новыми аспектами этой проблематики, проявляющихся в современной деятельности работников искусства и средств массовой информации.

Существенный вклад в изучении воздействия религии на другие сферы жизни общества внесли в своих работах Макс Вебер, Питер Бергер и Эмиль Дюркгейм. В рамках отечественной науки можно выделить научных

деятелей: Ольгу Минаеву и Юрия Борункова. В статье мы рассмотрим современное искусство с помощью социального, исторического и культурологического **подходов**. Среди основных **задач** можно выделить: анализ и сравнение реакций реципиентов современного искусства и СМИ, а также выявление граней дозволенного в творчестве.

Предметом исследования станут статьи из официальных средств массовой информации и комментарии общественных деятелей. Новизна заключается в использовании свежих новостных материалов по девиантному поведению реципиентов на современное искусство.

В демократическом обществе наряду со свободой слова неизбежен самоконтроль в искусстве, публичных высказываниях или средствах массовой информации. Иначе с появлением новых форм и выразительных средств придет нравственный упадок населения. Мораль как регуляция взаимоотношений индивидов внутри общества помогает сохранить целостность, структуру и стабильность населения. Без четкого баланса между свободой слова и свободой совести будут неизбежно появляться громкие скандалы и конфликты между творцами и реципиентами.

Нравственность – это социально-философская категория, обозначающая свод незакрепленных правил,

традиций, норм и ценностей человеческого жития, регламентирующих поведение личности в социуме и задающих его образец и идеал. Русская православная церковь играет важную роль в обсуждении нравственных вопросов семьи и общества.

Громким скандалом на религиозную тематику можно назвать случай, произошедший в Краснодаре в 2012 году. Выставка современного искусства, привезенная известным скандальным галеристом Маратом Гельманом была сорвана протестующими. Дело в том, что некоторые картины, по мнению кубанского духовенства и казаков, задевали чувства верующих. Борьба с современным искусством закончилась плевком в лицо галеристу. Прорвавшись через заслон полицейских, настоятель храма в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость» протоиерей Алексей Касатиков плюнул в лицо Марату Гельману. За это на него было наложено церковное прещение. Так борьба за нравственность и идеалы перешла невидимую черту «дозволенного», вызвала непозволительную агрессию среди реципиентов и громкий скандал в обществе.

И тут можно вспомнить другой случай, происшедший в Америке в начале XX века. Излюбленного местной публикой писателя Максима Горького не заселили в отель с Марией Андреевой, так как они не состояли в браке. В тот период в Соединенных Штатах Америки религиозные и моральные позиции горячо обсуждались как в обществе, так и среди политиков. Поэтому тот случай, что они не были женаты – вызвало отторжение у многих жителей.

Несмотря на то, что прошло более ста лет, религия в США играет очень важную роль. Взять хотя бы инаугурацию в президенты – она начинается с утренней молитвы в церкви, расположенной через дорогу от Белого дома. После чего в Капитолии будущий правитель произносит слова присяги на Библии.

В России сложилась ситуация с религией иначе: в период советского союза популяризовали коммунизм и атеизм. А после развала – церковь вновь стала обретать свою значимость. Поэтому в средствах массовой информации начали просачиваться материалы, связанные со скандальным поведением верующих.

Примером может послужить фильм «Матильда» Алексея Учителя. Ещё до выхода киноленты в прокат она стала предметом острого общественного конфликта. Причиной протестов был трейлер, который якобы искажал историческую правду и очернил память Николая II, канонизированного Русской православной церковью. После этого со стороны организации «Христианское го-

сударство — Святая Русь» появились угрозы создателям фильма и поджоги кинотеатров. Только на Кубани в Министерство культуры было направлено более 100 писем от жителей с просьбой запрета показа фильма. Конфликт разгорелся еще больше после обращения депутата Государственной Думы Натальи Поклонской в Генпрокуратуру с просьбой проверить киноленту «Матильда» на предмет оскорбления чувств верующих. Она приложила немало усилий для запрета картины и аннулировании лицензии на прокат.

Однако позже в интервью на радио «Комсомольская правда» Наталья Поклонская призналась, что совершила ошибку в истории с фильмом «Матильда». Этот конфликт привлек большой интерес у зрителей, его посмотрело более 2 млн человек. Однако кассовые сборы киноленты оказались довольно скромными – около 9 миллионов долларов. Это почти в три раза меньше бюджета картины. К слову, этот фильм снимался за государственный счет.

Другой пример вмешательства со стороны духовенства в работу культурных деятелей можно назвать закрытие оперы «Тангейзер» (2015 год), которая была поставлена в Новосибирском театре оперы и балета. В постановке был использован образ Иисуса Христа и христианская символика в неканоническом формате. Против спектакля выступил новосибирский митрополит Тихон, который получил жалобы от православных зрителей, однако сам постановку не смотрел. Митрополит не только пожаловался на театр в Министерство культуры, но и потребовал возбудить дело об осквернении предметов религиозного почитания. Дело против директора театра было возбуждено — правда, его позже закрыли, не найдя в постановке признаков правонарушения. Судьба самого спектакля оказалась печальной: директор театра Борис Мездрич был уволен, а пришедший ему на смену Владимир Кехман первым же делом снял «Тангейзер» с репертуара. Спасти постановку не смог даже митинг, прошедший в Новосибирске.

В том же 2015 году появилась статья в газете «Московский Комсомолец» в Питере», в которой говорилось о намерениях РПЦ взять во владение Исаакиевский Собор и вернуть ему статус Храма. Два года музейное общество билось за Собор, который никогда не был в собственности церкви. Более двухсот тысяч человек подписали петицию на сайте change.org против передачи Исаакиевского Собора. Причиной этому послужили опасения, что усилий РПЦ будет недостаточно для проведения масштабных реставраций уникальных объектов культурного наследия, поддержания их в надлежащем состоянии. После передачи РПЦ за содержание и реставрационные работы придется платить из бюджета. Сейчас

музей полностью на самокупаемости. В итоге Исаакий удалось отстоять. Теперь в нем проходят и богослужения, и музейные экскурсии.

В 2019 году в газете «Московский Комсомолец» появилась новая публикация под названием «Исаакий №2». Русская православная церковь попросила контроль над Спасо-Андроньевским монастырем, в том числе и над расположенным на его территории музеем Рублева. В своих требованиях РПЦ исходила из закона 2010 года «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной собственности». Этот документ позволяет церкви иметь право на религиозные объекты, находящиеся в собственности государства. Однако руководство музея такую инициативу не поддержало, заявив, что если здание будет передано церкви – то музей можно будет выкинуть на улицу. На данный момент судебные тяжбы за монастырь продолжаются.

Конфликты на религиозную тематику происходят не только в православной вере, абсолютно во всех мировых конфессиях существуют громкие скандалы реципиентов после просмотра некоторых произведений искусства и публикаций в СМИ. Так, например, в январе 2015 года случилось шокирующее на весь мир преступление – террористический акт в редакции Charlie Hebdo в Париже. Этот журнал часто попадал в конфликты своими провокационными карикатурами на религиозную тематику, многие исламские радикалы угрожали редакции, бросали в окна коктейли Молотова. Никто не подозревал, что за борьбой за свободу слово произойдет череда убийств. В результате нападения вооружённых исламских боевиков 7 января 2015 года погибло двенадцать человек, ранено одиннадцать. Это оказалось только началом череды нападений. Всего жертвами январских терактов 2015 года стали семнадцать человек. В 2020-м список жертв увеличился.

В пригороде Парижа кухонным ножом был обезглавлен учитель истории. Убийство совершено на почве религиозного конфликта. На одном из уроков учитель Самуэль Пати решил обсудить с подростками карикатуры на пророка Мухаммеда, опубликованные в Charlie Hebdo. Чтобы не задеть чувства мусульман, он предложил им отвернуться или выйти. Тринадцатилетняя девочка осталась и решила доказать учителю, что рисунок обнаженного пророка – это кощунство. Однако ее никто не услышал, и конфликт разгорелся до печальных последствий. Отец девочки Брахим Шнина записал два видео и опубликовал их в интернете, где призвал предпринять меры против педагога. Ролик разлетелся по социальным сетям, где на него наткнулся с детства живший в Париже восемнадцатилетний чеченец Абдулак Анзо-

ров. Он с Пати лично не был знаком, но готов был решить проблему радикально и по-своему.

За свободой слова общественные деятели должны понимать свою ответственность. Радикальные взгляды религиозных фанатиков зачастую к самой вере не имеют ничего общего. Однако провокационное искусство способно стать катализатором для противоправных действий. Поэтому важно стараться находить «золотую середину» между свободой совести и свободой слова. В решении этой проблемы необходимо соблюдать принципы взаимного уважения и отказа от провокационного поведения с обеих сторон. После скандальной акции Pussy Riot в Храме Христа Спасителя в 2013 году был подписан Федеральный закон № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты РФ в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». Согласно новой редакции статьи, публичные действия, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих – будут наказываться штрафом в размере до 300 тысяч рублей, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок. Панк-группа Pussy Riot продолжила свое творчество, несмотря на вышедший закон. В Сочи в 2014 году солисток этой группы казаки отхлестали нагайкой. Инцидент вызвал у жителей не только жалость к участницам панк-группы, но и поддержку казаков.

Последнее десятилетие ознаменовалось чередой громких скандалов, которые дали повод для дискуссий об отношении к религии в современном обществе. Например, убийство голландского режиссера Тео Ван Гога по религиозным мотивам в 2004 году. Он был автором документального фильма о жизни мусульманских женщин. Не менее известным стал и так называемый карикатурный скандал в Дании, который вызвал существенные политические разногласия внутри западных стран. Такие примеры лишь доказывают необходимость установления границ дозволенного в искусстве и средствах массовой информации на религиозную тематику, ведь именно сегодня эти резонансные случаи с обеих сторон порождают нетерпимость и непримиримость друг к другу.

«Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого» - в своем высказывании Михаил Бакунин лишь напоминает, что не существует абсолютной безграничной свободы. Ее рамками будет служить закон и свобода других людей. Считаю, что данную проблематику необходимо изучать более тщательно и выявить конкретные черты «дозволенного» в обсуждении религиозных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минаева О.Д. Русская журналистика в документах. История надзора / редакция Б.И. Есина, Я.Н. Засурского. М.: Аспект пресс, 2003. 5 с.
2. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм: пер. с англ. / под ред. О.В. Кольдьюшова. СПб.: Владимир Даль. 2017. 267 – 303 с.
3. Бергер П.Л. Священная завеса. Элементы социологической теории религии: пер. с англ. Р. Сафронова / под ред. С.И. Елагина. М.: Новое литературное обозрение. 2019. 346 с.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии: пер. с франц. А. Апполонова, Т. Котельниковой / под ред. А. Апполонова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2018. 736 с.
5. Патриархия.ru В.Р. Легойда: Современное состояние СМИ вызывает у наших сограждан очень серьезные вопросы // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. – 03.10.2011. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1637378.html>
6. Тихон (Шевкунов), епископ. «Матильда»: точка обратного отсчёта // Независимая газета. — 25.09.2017. URL: http://www.ng.ru/faith/2017-09-25/1_7080_matilda.html
7. Яковлева Е. Епископ Тихон Шевкунов: Вымысел и обман // Российская газета. — 14.12.2016.
8. Сапронова Ю., Ким А., Алексенко Ф. Дело «Матильды»: как фильм Учителя стал самым скандальным в России. РБК. – 15.09.2017.
9. Опера «Тангейзер»: в чем суть скандала? «Тангейзер», Вагнер // FB.ru. URL: <https://fb.ru/article/236546/opera-tangeyzer-v-chem-sut-skandala-tangeyzer-vagner>
10. Кузнецова К. Тема передачи РПЦ Исаакия и Спаса на Крови напоминает покушение на убийство музея // МК.RU Санкт-Петербург - 12.08.2015.
11. Невинная И., Райкина М., Трегубов А. Исаакий №2 // Московский комсомолец №27927 - 16.03.2019.

© Боровик Мария Викторовна (borovik_maria@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЯЗЫКОВОЕ И КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Крюкова Людмила Сергеевна

*К.филол.н., доцент, Военный университет Министерства
обороны Российской Федерации (Москва)
l.s.kryukova@mail.ru*

LINGUISTIC AND CULTURAL DIVERSITY OF THE UNITED KINGDOM OF GREAT BRITAIN AND NORTHERN IRELAND

L. Kryukova

Summary: The article deals with the linguistic and cultural diversity of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the point of view of the interaction of Standard English, World Englishes, other official languages of the country and the languages of immigrants. The author notes that the English language proficiency has become a special socio-cultural marker, the necessary condition for a successful career and social growth. However, many immigrants living in the communities often have little contact with the outside world and may have little or no use of the English language. Keeping their native language and culture in the foreign country, communicating in their own narrow circle, they are not assimilated by the local population, which causes tension in British society.

Keywords: language, culture, Standard English, World Englishes, migration processes, linguistic and cultural diversity.

Аннотация: В статье рассматривается языковое и культурное многообразие Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии с точки зрения взаимодействия стандартного английского языка, мировых английских языков (World Englishes), других официальных языков страны и языков иммигрантов. Автор отмечает, что владение английским языком стало особым социокультурным маркером, необходимым условием для успешной карьеры и социального роста. Однако многие иммигранты, проживающие на территории общин, часто имеют мало контактов с внешним миром и могут практически не пользоваться английским языком. Сохраняя родной язык и культуру в чужой стране, общаясь в своем узком кругу, они не ассимилируются с местным населением, что вызывает напряженность в британском обществе.

Ключевые слова: язык, культура, стандартный английский язык, мировые английские языки, миграционные процессы, языковое и культурное многообразие.

На протяжении длительного времени и в наши дни Великобритания остается одной из наиболее привлекательных стран для иммигрантов. Высокий уровень жизни, богатые традиции и культура, развитая социальная сфера, относительно мягкий климат являются решающими факторами для переезда в эту страну. Известно, что иммигранты привозят в новую страну свои обычаи и культуру. Но в Великобритании этот процесс отличается от других стран. Нередко английский язык благодаря его популярности и широкому распространению во всем мире сам становится причиной для выбора этого места жительства. Кроме того, среди приезжих много уроженцев бывших колоний Великобритании, которые владеют английским языком и знакомы с ее культурой. Однако есть и те, кто не владеет языком совсем, что, несомненно, вызывает ряд трудностей на этапе ассимиляции. К этому следует добавить, что английский язык не является единственным официальным языком Соединенного Королевства, и народы, проживающие на территории страны, в той или иной степени оказали влияние на язык и культуру страны. При этом следует отметить, что «как в культуре, так и в языке каждого народа присутствуют одновременно общечеловеческий и национальный компоненты. Универсальные значения, одинаково осознаваемые всеми людьми в мире или представителями отдельных культур, создают почву для

межкультурной коммуникации, без них межкультурное взаимопонимание было бы в принципе невозможно. В то же время в любой культуре присутствуют специфические культурные значения, закрепленные в языке, моральных нормах, убеждениях, особенностях поведения и т.д.» [2, с. 378].

В современной Великобритании 98 процентов населения в той или иной степени владеют английским языком [4, с. 130]. Кроме того, среди других языков, распространенных в Великобритании, часто встречаются кельтский язык, романские языки и языки иммигрантов из Азии и Европы. В связи с постоянно прибывающим в страну потоком иммигрантов особенно остро встал вопрос языковой компетентности. Иммигранты часто плохо владеют английским языком и с трудом могут читать [5, с. 87]. Об этом свидетельствуют данные, полученные Национальным фондом грамотности – организацией, отвечающей за проведение исследований и мероприятий, сбор средств для повышения уровня грамотности. Низкий уровень языковой компетентности создает препятствия для социализации иммигрантов, вызывает напряженность в британском обществе, поскольку владение английским языком является непременным условием для социализации вновь прибывших граждан. Для решения этой проблемы правительством Великобритании

созданы курсы английского языка – English for Speakers of Other Languages (ESOL). В качестве преподавателей на курсах работают волонтеры, которые помогают иммигрантам успешно интегрироваться в британское общество.

Однако на повышение языковой компетентности мигрантов оказывает влияние несколько важных факторов. Во-первых, это связь языка с социокультурной сферой. В связи с этим особую важность приобретает изучение языка в контексте истории и культуры. Обращаясь к истории английского языка, можно проследить его развитие, значительные изменения, благодаря которым из языка небольших германских племен он превратился в язык международного общения, на котором говорят около 1,5 миллиарда человек. Вбирая в себя особенности других языков и культур, а также оказывая на них влияние, английский определил свое место в мировой культуре.

Во-вторых, владение английским языком стало особым социокультурным маркером. Во многих странах знание этого языка является преимуществом для успешного продвижения по карьерной лестнице, социального роста. Японское правительство сделало английский язык обязательным предметом. В Великобритании, несмотря на более чем 100 лет, прошедших с написания пьесы «Пигмалион» Бернардом Шоу, произношение по-прежнему является маркером, отражающим принадлежность человека к определенным слоям общества. Хороший английский язык, так называемый «Standard English», распространен в среде интеллектуалов, писателей, журналистов, педагогов и государственных чиновников.

Standard English (Стандартный английский)

«Standard English» используется для того, чтобы обозначить как непосредственно использование языка, так и языковой идеал для «хороших» или «образованных» пользователей [15].

При этом стандартный английский имеет ограничения по критерию географического распространения: им владеют образованные жители северной Америки и Великобритании.

Существуют мнения о том, что Standard English используется во всем англоговорящем мире. Однако следует отметить, что стандартный английский язык в Великобритании очень сильно отличается от стандарта языка в США.

Слова и выражения британского варианта Standard English зафиксированы в «Оксфордском английском

словаре». Сохраняя стандарты английского языка, оксфордский словарь допускает заимствования, используемые для обозначения технических новинок, новых технологий и явлений. В то же время там редко присутствуют слова из языков тех стран, которые раньше были британскими колониями, как например хинди и суахили. При этом существует две точки зрения на дальнейшее развитие английских языков (World Englishes). Согласно одной из них, эти разновидности английского языка постепенно превратятся в самостоятельные языки на основе английского [4, с. 132]. Сторонники второй теории полагают, что эти варианты будут сближаться, а различия между ними исчезнут [12].

World Englishes (Мировые английские языки)

В 1980-х годах впервые появился исследовательский интерес к так называемым «разновидностям» английского языка, которые, как правило, обозначали в зависимости от их географического расположения. Например, «валлийский английский», «южноафриканский английский» и др. Описание этих разновидностей происходило с точки зрения произношения, грамматики и лексики, а полученные антологии [20, 21] внесли большой вклад в понимание того, как английский язык меняется в глобальном мире.

Типичный способ описания «разновидности» английского языка представляет собой краткий социолингвистический очерк о сообществе, в котором используется данная разновидность языка, и список ее особенностей на фонологическом, грамматическом и лексическом уровне. Обычно данные, на которых основаны эти описания, поступают из больших корпусов: ICE (International Corpus of English) – один из таких амбициозных проектов, направленный на сбор корпусных данных из большого количества географических районов, подчиняющихся одним и тем же критериям сбора, что приводит к получению массива данных, легко сопоставимых между разновидностями.

При этом следует учитывать, что данные, собираемые для таких корпусов, как правило, ограничиваются английским языком. Несмотря на то, что в центре внимания исследователей находятся разновидности английского языка, в настоящее время существует очень мало мест, где английский используется в качестве единственного языка. Чаще всего английский язык сосуществует с другими языками: например, валлийский английский – с валлийским языком, южноафриканский английский – с африкаанс, девятью другими официальными и шестнадцатью разговорными языками [14]. Исследователь сингапурского английского Дж. Леймгрубер отмечает, что этот вариант языка используется вместе с мандарином, малайским, тамильским и множеством разновидностей

китайского. Отношения между английским и этими языками никогда не сводятся к простому сосуществованию бок о бок. Скорее, говорящие используют их одновременно в большей или меньшей степени, переключаются с одного на другой и обратно и регулярно используют элементы или особенности нескольких языков, чтобы лучше передать определенные значения [13, с. 3-5]. Хотя степень многоязычия у разных носителей различна, «чистого» монолингвизма не существует, если принять во внимание даже символическое знание неанглийских слов или фраз носителями языка в таких условиях.

Феномен кодового переключения хорошо задокументирован, и предпринимались попытки создать базы данных и корпуса фактического кодового переключения: Bangor Siarad Corpus (BSC) является одним из таких примеров, где зафиксировано большое количество естественной речи и исследуется несколько переключений с валлийского на английский и наоборот [19]. Социолингвистический выбор, связанный с переключениями, и социальные значения, которые они передают, в некоторой степени могут быть исследованы на основе этих данных. Однако такой подход не дает возможности оценить их вклад в область мировых английских языков (World Englishes), где переключение кодов часто рассматривается как большая помеха для анализа одноязычных местных английских языков.

Некоторые исследователи отказываются от теории разновидностей английского языка и выделяют их в самостоятельные английские языки (World Englishes) [7, 16, 17, 18]. Смешение различных языковых особенностей из разных языков или их разновидностей является совершенно естественным способом выразить свою мысль во многих ситуациях, которые происходят в современных условиях в концептуально, традиционно и официально одноязычных странах.

При этом следует отметить наличие в самом британском английском большого количества разговорных форм (вариантов) языка. В результате этого местное население приобретает так называемое «двуязычие». Вот как описывает этот феномен исследователь английского языка М. Брэгг, рассказывая о своем детстве, проведенной на северо-западе Англии в графстве Камбрия: «Один (язык) был предназначен для дома и улицы, второй для школы, моего собственного литературного творчества, а затем для университета и для Лондона ...» [3, с. 9]. Особенно важно с его точки зрения, что они «не просто употребляли забытые или отвергнутые «образованными» (людьми) слова, но и произносили их с сильнейшим акцентом» [Там же, с. 8].

К факторам, повлиявшим на появление множества разновидностей английского языка в разных частях

мира, можно отнести широкое распространение английского языка в границах британской империи и взаимодействие с языками коренных народов. Согласно В.В. Рудневу, ученые проводят разграничение между World Englishes, активно заимствующими слова из других языков, и World English, который является средством коммуникация в дипломатии, торговле и других сферах международной деятельности [4, с. 131]. Благодаря представителям разных культур, иммигрирующим в Великобританию, английский язык пополняется словами, фразами и конструкциями из World Englishes.

Официальные и миноритарные языки

Кроме английского языка в Великобритании распространены валлийский, ирландский гаэльский и шотландский гаэльский языки. На протяжении нескольких столетий носители этих языков испытывали притеснения со стороны англичан и упорно боролись за сохранение своих языков и культуры [1, с. 118]. В результате распада Британской империи и усиления сепаратистских настроений в Уэльсе, Шотландии и Ирландии правительство страны стало проводить более мягкую языковую политику. Сначала жителям этих регионов позволили использовать родной язык в судах [22], школах и во время церковных служб [1, с. 119], а затем валлийский язык получил такой же статус, как английский [23, 24]; ирландский язык был официально признан языком Северной Ирландии [8]. Закон о статусе шотландского гаэльского языка был принят только в 2005 г. [10] и лег в основу плана по его воссозданию, принятого шотландским правительством в 2010 году [9].

Однако в настоящее время на территории Великобритании проживают не только англичане, шотландцы, уэльсцы и ирландцы, но и представители стран-бывших колоний Британской империи, государств Европы и Азии. Постоянный рост числа мигрантов, которых уже более 6 миллионов в Великобритании, остро обозначил проблему языковой компетентности для британского общества. Иммигранты, которые, как правило, проживают в общинах, часто имеют мало контактов с внешним миром. Для многих общин характерен активный, но в то же время замкнутый образ жизни. Жители общин выпускают газеты на родном языке, работают в магазинах и организациях вместе со своими соотечественниками, общаясь в своем узком кругу. В качестве примера В.В. Руднев приводит польскую общину в Великобритании, насчитывающую более 1 млн. человек [4, с. 132]. Учитывая большое число польских иммигрантов, поселившихся в Великобритании, с 2004 года некоторые британские банки (Barclays, Nat West) стали предоставлять услуги по обслуживанию банковских карт на польском языке [11, с. 49].

Кроме того, с 2007 г. в стране работают мусульманские третейские суды, которым разрешено применять нормы исламского права в случае возникновения гражданских споров между мусульманами [6, с. 149].

Таким образом, жители общин могут практически не пользоваться английским языком, проживая на территории Великобритании. Однако для полноценной интеграции в британское общество мигрантам необходим хороший уровень владения английским языком.

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – многонациональная страна, бывшая колониальная держава, обладающая многовековой историей, традициями и культурой. На протяжении

столетий страна распространяла свой язык и культуру на подвластных ей территориях. Благодаря этому в настоящее время существует такое явление как мировые английские языки (World Englishes) – отдельные языки, образовавшиеся в результате взаимодействия английского языка и языков бывших британских колоний, присоединенных стран. Многие носители World Englishes сейчас проживают в Соединенном Королевстве, в свою очередь, обогащая английский язык и культуру лексикой, обычаями, традициями своей страны. Однако серьезные опасения вызывает ситуация с мигрантами, не владеющими английским языком и проживающими в своих закрытых общинах. Владение английским языком – обязательное условие для социальной и культурной интеграции мигрантов в британское общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т.Л., Таловская Б. М. Влияние языковой политики Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии на развитие английского, валлийского и гаэльского языков // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017. №50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-zykovoy-politiki-soedinyonnogo-korolevstva-velikobritanii-i-severnoy-irlandii-na-razvitie-angliyskogo-valliyskogo-i> (дата обращения: 15.01.2021).
2. Астафьева О.Н., Грушевицкая Т.Г., Садохин А.П. Теория культуры: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Культурология», по социально-гуманитарным специальностям. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 487 с.
3. Брэгг М. Приключения английского языка. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 418 с.
4. Руднев В.В. Английский язык в мультикультурной Великобритании (к проблеме коммуникации и интеграции) // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика. – Москва: ИЭА РАН, 2019. – С. 130-133.
5. Хан А., Шиббаева Е.А. Государственные библиотеки Великобритании во времена жесткой экономики // Библиотекосведение, 2014 (1). – С. 86-91. URL: <https://doi.org/10.25281/0869-608X-2014-0-1-86-91> (дата обращения: 19.01.2021).
6. Хенкин С.М. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект / С.М. Хенкин, И.В. Кудряшова // Полис. Политические исследования, 2015. – № 2. – С.137-155.
7. Bruthiaux, P. Squaring the circles: issues in modelling English worldwide // International Journal of Applied Linguistics, 2003. – № 13. – P. 159-78.
8. Good Friday Agreement // Encyclopaedia Britannica, 2014. URL: <http://global.britannica.com/topic/Good-Friday-Agreement> (access date: 23.01.2021)
9. Gaelic Language Plan // Scottish Parliamentary. URL: https://www.parliament.scot/Gaelic/GaelicLanguagePlan_English.pdf (access date: 20.01.2021).
10. Gaelic Language (Scotland) Act 2005. URL: <https://www.legislation.gov.uk/asp/2005/7> (access date: 23.01.2021)
11. Hack-Polay D.D. Migrant Integration: Case for a Necessary Shift of Paradigm // Journal of Identity and Migration Studies, 2008. – Volume 2, №1. – P. 37-56.
12. Jenkins J. World Englishes. A Resource Book for Students. London, New York, 2003. – 256 p.
13. Leimgruber J.R. The trouble with World Englishes // English Today, 2013. – Volume 29. – P. 3-7.
14. Lewis, M.P. Ethnologue: Languages of the World. Sixteenth edition. Dallas: SIL International, 2009. URL: <https://ru.scribd.com/document/358435267/Ethnologue-Languages-of-the-World-Sixteenth-Edition-PDF> (access date: 25.01.2021)
15. Melchers G. World Englishes: An Introduction / Gunnel Melchers, Philip Shaw. – Arnold, 2003. – 229 p.
16. Park J.S.Y., Wee L. The three circles redux: a market-theoretic perspective on World Englishes // Applied Linguistics, 2009. – № 30. – p. 389-406.
17. Pennycook A. The Cultural Politics of English as an International Language. London: Longman, 2007. – 365 p.
18. Seargeant P., Tagg C. English on the internet and a “post-varieties” approach to language // World Englishes, 2011. – № 30 (4). – P. 496-514.
19. Stammers, J., Deuchar, M. Testing the nonce borrowing hypothesis: counter-evidence from English-origin verbs in Welsh // Bilingualism: Language and Cognition, 2012. – №15 (3). – P. 630-643.
20. Trudgill P., Hannah J. International English: A Guide to the Varieties of Standard English. First edition. London: Arnold, 1982. – 176 p.
21. Wells J.C. Accents of English. 3 volumes. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 228 p.
22. Welsh Courts Act 1942. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/5-6/40/enacted> (access date: 27.01.2021).
23. Welsh Language Act 1967. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/66/enacted> access date: 27.01.2021).
24. Welsh Language Act 1993. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1993/38/contents> (access date: 27.01.2021).

© Крюкова Людмила Сергеевна (l.s.kryukova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОРОЧОНОВ И МАНЬЧЖУРОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ В ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН¹

Тань Яньхуэй

Библиотекарь, Университет г. Хэйхэ

Чжан Ян

Благовещенский государственный педагогический
университет, г. Благовещенск; библиотекарь

Университета г. Хэйхэ

1684929245@qq.com

FOLKLORE AND CULTURAL FEATURES OF THE ETHNIC IDENTITY OF THE OROCHONS AND MANCHUS LIVING FROM GENERATION TO GENERATION IN HEILONGJIANG PROVINCE

**Tan Yanhui
Zhang Yang**

Summary: Ethnic identity, formed in the minds of people, includes various cultural characteristics and determines the life-affirming positions of each person (belonging to a particular people), characteristic of the entire group and transmitted from generation to generation throughout ethnic history, which is expressed in a sense of belonging to a particular community and is reflected in ethnic ties.

This article provides a theoretical analysis of the specifics of the origins of the ethnic identity of the Orochons (Orochens) and Manchus living in the lands of north-eastern China. Speaking about the historical transformations of the worldview of the indigenous population of Heilongjiang province and its leading ideas, it should be noted that the signs and evidence of the formation of the ethnic phenomenon of the described peoples are displayed mainly in the culture and, as a result, in the oral folk art of the Manchus and Orochons, as evidenced by religious-mythological, folklore-mythological and religious narratives. At the same time, the folklore traditions of the studied peoples, which since ancient times structure the ideas of the inhabitants of the Chinese province about the origin of the world and man, as well as consolidate their significant ideas about ethnogenesis, are considered by the authors in the system of the formation of their ethno-culture.

Keywords: folklore, culture, ethnic identity, Orochon (Orochen), Manchus, Heilongjiang Province.

Аннотация: Этническая идентичность, формируемая в сознании людей, включает в себя различные культуурообразующие характеристики и предопределяет жизнеутверждающие позиции каждого человека, (принадлежащего к конкретному народу), характерные для всей группы и передающиеся из поколения в поколение на протяжении всей этнической истории, что выражается в чувстве принадлежности к конкретной общности и отражается в этнических связях.

В данной статье проводится теоретический анализ специфики истоков этнического самосознания орочонов (ороченов) и маньчжуров, проживающих на землях северо-восточного Китая. Говоря об исторических трансформациях мировоззрения коренного населения провинции Хэйлуцзян и его ведущих идеях, следует отметить, что признаки и свидетельства о формировании этнического феномена описываемых народов отображаются, преимущественно, в культуре и, как следствие, в устном народном творчестве маньчжуров и орочонов, о чем свидетельствуют религиозно-мифологические, фольклорно-мифологические и религиозные повествования. При этом фольклорные традиции исследуемых народов, которые с глубокой древности структурируют представления жителей китайской провинции о происхождении мира и человека, а также закрепляют значимые для них представления об этногенезе, рассматриваются авторами в системе становления их этнокультуры.

Ключевые слова: фольклор, культура, этническая идентичность, ороконы (орочены), маньчжуры, провинция Хэйлуцзян.

Этническая идентичность личности (этнический феномен) включает в себя не только культуурообразующие характеристики (традиции, обычаи, понятия, религию, почитание и пр.), но и предопределяет «понимание человеком «правил жизни», диктуемых ему социальными и природными силами» [1, с. 28], что включает

в себя установки, особенности поведения и жизненного уклада, характерные для всей группы и передающиеся из поколения в поколение.

Дифференцируя население определенных территорий согласно их племенному родству / различию, пре-

¹ Авторы выражают благодарность проекту специального фонда университета Хэйхэ для основных научных исследований университетов в провинции Хэйлуцзян в 2020 году (название проекта: «Исследование обычаев и нравов малых народностей вдоль побережья Хэйлуцзян на примере орочонов и маньчжуров»; код: 2020-KYYWF-0876).

жде всего, обращается «внимание на язык, а затем уже – на физические свойства народа» [2, с. 37]. «Этническая картина мира, в свою очередь, отображает воззрения личности на окружающую действительность, которые характерны для него, как представителя конкретного населения» [1, с. 28].

Исходя из концепции Б.Е. Виннер (2005), С.А. Подъяпольского (2013), а также солидарных с ними Е.В. Матвеевой и Е.Б. Сергеевой (2019), «при разговоре об этносе подразумевается, что у людей, которые объединяются, выделяя себя из внешней среды, существует корреляция между этнической идентичностью и переменными («признаками» этноса)» [3, с. 143; 5, с. 665; 12, с. 5]. В данной статье речь идёт о фольклорных и культурных особенностях народов провинции Хэйлунцзян (этнонимы: орочны и маньчжуры), которые выступают в роли вышеобозначенных «этнических переменных».

Согласно научным трудам Г.М. Василевич (1969), орочны и маньчжуры входили в одну из четырёх групп тунгусских племён китайского Приамурья и составляли южную ветвь [2, с. 37]. При этом, по замечанию исследователей, маньчжуры и орочны являлись контактной группой населения, вследствие чего можно было ознакомиться и получить достоверные сведения об их фольклорных и культурных особенностях [7, с. 5].

Говоря об их этнической принадлежности, важно подчеркнуть, что до конца первой четверти XX в. наблюдалась стойкая ситуативная идентичность данных народов, а именно, свою национальность представители племён называли в зависимости от того, какую, по их мнению, могло это принести им экономическую или другую выгоду, либо, напротив, как это может уберечь их от негативных последствий [9, с. 126]. Например, буряты называли оленных эвенков-орочонов (орочонов, занимавшихся оленеводством) хамнеганями, а «баргузинские эвенки только на вопрос буряты могли назвать себя хамнеган, но сами называли себя эвенками» [8, с. 49].

Об образах мироздания народов провинции Хэйлунцзян свидетельствуют их космогонические фольклорно-мифологические повествования, формировавшие этническое самосознание орочных и маньчжуров [11, с. 47]. Согласно их дуалистическим представлениям: Вселенную, людей и животных, небесные светила и природные явления, а также духов и божеств всех объектов мироздания, сотворили два брата: Буга и Бунинка (хозяйин мира мертвых и огня) [10, с. 54 – 55; 6, с. 168]. По мнению И.Г. Георги (2005): «Верховное, или всеобщее, божество называли Боа, а дьявола – Буги» [4, с. 328]. А, например, «в маньчжурском пантеоне дух смерти Доксиньту Эндури принадлежал свите верховного владыки подземного мира Илмун хана (Захаров, 1875)» [6, с. 520].

Фундаментальнообразующим концептом самобытности и традиционной культуры, соответственно, фольклора данных племён была охотничья и животноводческая (преимущественно оленеводство или коноводство) жизнедеятельности, ввиду чего в устном народном творчестве преобладали образы животного мира, формируемые согласно тем особям, что населяли территорию провинции Хэйлунцзян и регулярно тем или иным образом взаимодействовали с людьми: собаки, олени, кони, лоси, колонки, волки, россомахи, рыси, медведи и кабаны [2].

Очень важно подчеркнуть, что в мифах данных групп населения «волк фигурирует как один из помощников творца», [2, с. 223] – данный аспект сформировал представление народов провинции Хэйлунцзян о том, что хищник стал «одним из посредников между творцом и людьми» [Там же]. Согласно этим воззрениям, слагались рассказы о волке-человеке, таким образом, к примеру, в ороchonской мифологии божества представлялись, как правило, в антропоморфном облике, включающем зооморфные компоненты.

У маньчжуров происхождение человека фигурирует в тотемистических мифах об иве и женском божестве Фото-маме (Фохэ-маме), в которых она описывается в роли первотворца и объекта почитания детородной силы [12, с. 18].

Говоря о фольклоре орочных, отображающих культуру народа, следует отметить, что для них было несвойственно охотиться на волка. Как отмечает К. Рычков в своих записях, собранных благодаря рассказам илимпийских эвенков (эвенков-орочонов): пути к верхнему божеству (хэвэки) знают только волк и ворон: «волк считался помощником, вместе с вороном верхнего духа *Сэвэки*» [2, с. 230 – 231; 8, с. 506], чьё имя запрещалось произносить вслух, в противном случае мог появиться волк. По мнению забайкальских орочных, как подчеркивает в своих исследованиях Малых, «волк все равно, что ороchon», т.е. «все равно, что брат». Также в фольклорных записях Г.М. Василевич (1969) от алданских орочных имеется запись о том, что «волк был раньше человеком». А орочны с Чары не били волка из страха его мести. Такое представление о волке, по-видимому, появилось от монголов, когда орочны жили с ними по соседству [2, с. 61].

При этом *Сэвэки* сопоставляли с образом молодого солнца. Помимо которого орочны верили в бабушку-солнце (Энекан Сигун), светившее на протяжении всей зимы и накапливавшее на протяжении всего сезона в своей юрте тепло, которое по весне изливалось на Землю [7, с. 109].

В обоих исследуемых нами народах существовал культ предков и императоров. Говоря о происхождении последних, следует подчеркнуть превалирование тотем-

мистических мифов, повествующих о происхождении властителей (например, у маньчжуров известен миф о рождении императорского клана Айсинь Гиёро) [12, с. 18]. Также к устному народному творчеству маньчжуров и ороочонов целесообразно отнести сказки, легенды, предания и пр., «объясняющие» существование окружающего мира и его законы.

Выводы: культура и, как следствие, образы устного народного творчества ороочонов и маньчжуров складывались согласно природно-ресурсному потенциалу провинции Хэйлунцзян.

Этногенез и историческая судьба исследуемых народов, соответственно, их этническая идентичность, опирались на космогонические фольклорно-мифологические повествования, в которых отображались концепты бытия человечества, начиная с мироздания, оканчивая

принципами взаимоотношений «современных» людей с божествами, духами, природным и животным мирами.

Дикие звери и домашние животные в фольклоре возникли в зависимости от местности и природообразующих компонентов, для которых было свойственно их проживание (тайга или степь). Взаимодействие людей с природой описывалось в тотемистических мифах, которые слагались, опираясь на промыслы древних поселений Хэйлунцзян (охота и животноводство).

Таким образом этническая идентичность ороочонов и маньчжуров прослеживается в фольклоре и культуре народов сквозь призму почитания природы и корреляции человека и животных, от которых зависела жизнь, судьба и благополучное существование жителей провинции Хэйлунцзян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабунова, Е.С. Основы этнопсихологии и этнопедагогики [Текст]: учебное пособие / Е.С. Бабунова. – 2-е издание, стереотипное. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 152 с.
2. Василевич, Г.М. Эвенки [Текст]: Ист.-этногр. очерки (XVIII – начало XX в.) / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1969. – 304 с.
3. Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. – Т. 8. – № 2. – С. 143.
4. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб.: Русская симфония; Библиотека АН, 2005. – 816 с.
5. Подъяпольский С.А. Понятие этноса: социально-философская дефиниция // М.: Современные проблемы науки и образования. – 2013. – №5. – С. 665.
6. Сем, Т.Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи): историко-этнографические очерки. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – 626 с.
7. Сем, Т.Ю. Верховный пантеон тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока (XIX-XX вв.): типология и семантика образов: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.07 / Сем Татьяна Юрьевна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. – СПб., 2007. – 245 с.
8. Сирина, А.А. Проблемы типологии и преемственности этнических культур эвенков и эвенов: конец XIX – начало XXI веков: дис. ... доктора исторических наук: 07.00.07 / Сирина Анна Анатольевна; [Место защиты: Ин-т этнологии и антропологии РАН]. – М., 2011. – 608 с.
9. Сирина, А.А. Эвенки и эвены в современном мире [Текст]: Самосознание, природопользование, мировоззрение / А.А. Сирина; Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Восточная лит., 2012. – 604 с.
10. Спасский Г. Забайкальские тунгусы // Сибирский вестник. СПб., 1822. С. 54–55.
11. Чжан Линьбэй. Исторические трансформации и современное состояние религиозных традиций маньчжуров северо-восточного Китая: дис. ... кандидата философских наук: 09.00.14 / Чжан Линьбэй; [Место защиты: Амур. гос. ун-т]. – Благовещенск, 2011. – 179 с.
12. Этнокультурные технологии: учебное пособие по направлению подготовки 51.03.03 Социально-культурная деятельность, уровень подготовки – бакалавриат / ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»; [сост.: Е.В. Матвеева, Е.Б. Сергеева]. – Улан-Удэ: ФГБОУ ВО ВСГИК, 2019. – 86 с.

© Тань Яньхуэй, Чжан Ян (1684929245@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ И КУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА МАЛЫХ ЭТНОСОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ЛЕСНОЙ ОХОТОЙ В БАССЕЙНЕ РЕКИ АМУР¹

Фу Чжунфэн

Профессор, Хэйхэский университет, провинция
Хэйлуунцзяна, КНР
fzfart@vip.qq.com

Цзян Дунмэй

Старший преподаватель, Хэйхэский университет,
провинция Хэйлуунцзяна, КНР
174580767@qq.com

ON THE PECULIARITIES AND CULTURAL VALUE OF THE FINE ARTS OF SMALL ETHNIC GROUPS ENGAGED IN FOREST HUNTING IN THE AMUR RIVER BASIN

**Fu Zhongfeng
Jiang Dongmei**

Summary: The purpose of this article is to characterize the fine arts of small ethnic groups engaged in forest hunting in the Amur River basin. The author of the work pays special attention to the nature of the national cultures of the three tribes (Evenks, Daur and Ooken), which has a number of individual differences in the ethnicity of the carriers, but at the same time reveals universal features dictated by the general living conditions, way of life and religion of the representatives of all three considered small nationalities. The article concludes that the study and popularization of the peculiarities of the visual arts of hunters in the Amur region will have a positive impact on the preservation of consistency in the study of issues of Chinese culture in general.

Keywords: small ethnos, fine arts, peoples of the Amur river basin, Evenks, Ooken, Daur, forest hunter culture, Chinese fine arts.

Аннотация: Целью настоящей статьи является характеристика изобразительного искусства малых этносов, занимающихся лесной охотой в бассейне реки Амур. Автором работы обращено особое внимание на природу национальных культур трех племен (эвенков, даур и ороконов), которая имеет ряд индивидуальных различий по этнической принадлежности носителей, но в то же время обнаруживает универсальные черты, продиктованные общими условиями жизни, бытом и религией представителей всех трех рассматриваемых малых народностей. В статье сделан вывод о том, что изучение и популяризация особенностей изобразительного искусства охотников Приамурья окажет положительное влияние на сохранение системности в исследовании вопросов китайской культуры в целом.

Ключевые слова: малый этнос, изобразительное искусство, народности бассейна реки Амур, эвенки, ороконы, дауры, культура лесных охотников, китайское изобразительное искусство.

Малый этнос – лесные охотники, проживающие в бассейне реки Амур, – является важной частью китайской нации в целом. В ходе многолетней производственной практики и длительного процесса развития народности сформировалась своеобразная культурная система с уникальными национальными чертами и региональными особенностями. Одним из таких специфических признаков рассматриваемого малого этноса оказывается изобразительное искусство.

Образ жизни лесных охотников имеет сходство с тем, который присущ кочевым народам, что неизбежно находит своё художественное воплощение в особенностях культуры и языках малого этноса. Поэтому образ жизни охотников стал главной характеристикой национальной идентичности исследуемого социума, ведущего свою практическую деятельность в бассейне реки Амур.

Рассмотрим конкретные примеры. Одними из пред-

ставителей малых народностей, занимающихся лесной охотой, оказываются эвенки. Олень занимает важное место в развитии названной народности, что и определило статус данного животного в качестве эвенкийского символа [2]. Как единственная этническая группа в Китае, которая разводит и использует в хозяйственной деятельности оленей, народ эвенки особенно трепетно относится к этим животным (неслучайно существует ещё одно «неофициальное» наименование данного этноса – «племя оленей»). Как тотемный символ олень широко используется в различных изобразительных искусствах. Например, его изображение встречается на этнических костюмах, в орнаментах и узорах, и даже резьба по дереву, кости и изделия из кожи также нередко сопровождаются иллюстрированием главного зооморфного символа народности. В ходе длительного художественного развития родилось большое количество различных способов отображения оленя, таких как силуэт, абстракция, рисование линий, и т.д.

¹ Данная статья является результатом научно-исследовательского проекта провинциальных вузов Хэйлуунцзяна. Номер проекта: 2018-KYYWF-1274.

Кроме того, ещё одним символом этнических меньшинств бассейна Амура является белая береза. Это разновидность лиственного дерева с чрезвычайно высокой способностью приспосабливаться к внешним условиям, что позволяет назвать данное дерево особенно «живучим». Это одна из основных пород деревьев в горах Большого Хингана. Лесные охотники, в частности народность орокены, испытывают особые чувства к березам, что также сформировало уникальные особенности в области традиционной культуры данного этноса. Берестяная культура является национальной символикой, существует множество видов изделий из бересты, таких как лодки, чаши, шкатулки и т. д. Береста также является важнейшим материалом пластического искусства: представители ороконов широко используют иглы из костей животных для гравировки узоров.

Этносы, занимающиеся лесной охотой в бассейне реки Амур, являются многоэтническими племенами. Племена эвенков, даур и ороконов имеют тесные взаимоотношения, которые возникли и укрепились в течение длительного периода их культурного развития, в частности за счёт развития торговых отношений между народностями. И сходства эти проявляются в том числе и на культурном уровне. Изобразительное искусство народностей, занимающихся лесной охотой, имеет ярко выраженный национальный характер. На макроуровне художественное искусство лесных охотников бассейна реки Амур имеет кардинальные отличия от искусства других китайских этнических общностей. Однако на микроуровне, лесная охота как ведущий вид практической деятельности объединяет несколько малых народностей, в изобразительном искусстве которых также наблюдаются определенные различия. Это объясняется несколькими факторами. Во-первых, с макроэкономической точки зрения, все три охотничьи этнические группы произошли от этнической группы сяньбэй (обитавшие на территории Центральной и Восточной Азии [1, с. 321]) и, соответственно, имеют определенное кровное родство. Среди них этнические группы эвенков и ороконов долгое время были одной и той же этнической группой. 70% их этнических языков почти одинаковы. Симптоматично, что они имеют некоторое сходство в изобразительных искусствах и даже в национальной культуре. Кроме того, все три вышеупомянутые этнические группы верят в шаманизм. Религиозная культура, соответственно, также оказало влияние на особенности национального характера, а следовательно, и на изобразительное искусство. Во-вторых, с микроскопической точки зрения, хотя народы, охотящиеся в лесах бассейна реки Амур, живут в непосредственной близости друг к другу, их территории обитая имеют различия: большинство эвенков живут в горах, в то время как орокены в основном населяют склоны гор, дауры – на предгорьях. Таким образом, условия обитания обуславливают тот факт, что эвенки и орокены занимаются перегонном скота, а на-

род даур – сельскохозяйственной практикой. Различные методы производства являются основными факторами, оказывающими огромное влияние на формирование национальной культуры. Приведём в пример архитектуру этносов. Здания, сооружаемые эвенками и ороконами обнаруживают сходства, в том числе и потому, что являются жилищами кочевников, в то время как архитектурное моделирование даур представляет собой традиционную центральную ось, которая является типичным символом земледельческого этноса.

Народы, занимающиеся лесной охотой в бассейне реки Амур, связаны культурно, и наиболее важным из них является общность веры. Шаманизм – примитивная религия, сформированная на основе народных верований. Он широко популярен на северо-востоке и даже северо-западе Китая. Однако особо широкое распространение получил в среде охотников. Одни и те же религиозные верования определяют наличие схожих черт в изобразительном искусстве рассматриваемых этнических групп, в том числе и на религиозное искусство. Жертвоприношения шаманизма являются наиболее торжественными действиями всех трех народностей. Одной из отличительных черт шаманских ритуалов жертвоприношения – это обязательное ношение шаманских костюмов во время самой церемонии [3]. Однако следует отметить, что состав и оформление шаманских костюмов у разных этнических групп отличается: в шаманских костюмах эвенков присутствуют «шляпы богов», а также священная специфическая одежда, маски и т.д. Священная шляпа – самая важная часть костюма эвенкийского шамана: она имеет форму двойных рогов. Наличие данного элемента в предмете ритуальной одежды обусловлено тем, что в сознании представителей названного этноса боги живут на возвышенностях: горных вершинах, кронах деревьев. Кроме того, рога северного оленя – главного символа этноса – устремлены вверх, подобно ветвям деревьев, и в силу особого отношения людей к этому животному являются божественными.

Этническое название костюмов даурских шаманов – «каменные доспехи Сама». Они относятся к костюмам, используемым в крупномасштабных этнических церемониях, в частности, в целительских обрядах. Они состоят из мантий, жилетов богов. Что касается костюмов, то шаманские костюмы изготавливаются более изощренно. Все платья, шали и ленты имеют разный цвет фона и расшиты цветами, птицами, рыбами и животными с использованием характерных религиозных оттенков.

Отдельно следует сказать и о воплощении национальной эстетической ценности в искусстве рассматриваемых этнических групп.

Как особая этническая группа племен, люди, охотящиеся в лесах бассейна реки Амур, имеют совершенно

особую культуру, следовательно, и формы выражения, и характеристики изобразительного искусства оказываются продиктованными особенностями национальной культуры народности.

Хэйлунцзян – приграничная провинция на северо-востоке Китая. Он всегда был важным поселением этнических меньшинств. Большое количество северных кочевников живут в бассейне реки Амур. Они внесли огромный вклад в формирование и развитие региональной культуры Хэйлунцзяна. Этническая группа лесных охотников бассейна реки Амур является важным участником формирования региональной культуры провинции Хэйлунцзян. Ее изобразительное искусство имеет характеристики национальной и религиозной идентичности. Данный факт находит своё подтверждение в наличии характерных узоров, украшений, качественном составе эксплуатируемых материалов. Например, современное искусство характеризуется широким использованием различных узоров и орнаментов, а также украшений, связанных с национальными тотемами (этническими символами) и шаманизмом.

Таким образом, этническая идентичность изобразительного искусства этносов, занимающихся лесной охотой в бассейне реки Амур, чрезвычайно ярка и разнообразна. Национальное изобразительное искусство представителей охотничьих племен охватывает все аспекты жизни этноса. Кроме того, оно находится под сильным влиянием шаманизма. Не вызывает сомнения тот факт, что изобразительное искусство эвенков, даур и ороконов имеет важное эстетическое значение, позволяя рассматривать созданные ими образцы как органичную часть китайского искусства в целом, и как примеры воплощения национальной культуры, которая призвана подчеркнуть региональные культурные особенности названных племен. Более детальное изучение изобразительного искусства народностей, занимающихся лесной охотой в бассейне реки Амур, таким образом, позволит оказать необходимую поддержку на пути сохранения и популяризации культуры национальных меньшинств, что, несомненно, окажет положительное влияние на развитие и процветание национальной китайской культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миклашевич Е.А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической научной конференции. – СПб, 2004. – С. 320-325.
2. Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях / АН СССР; Предисл. канд. геогр. наук Е.Е. Сыроечковского; Отв. ред. д-р ист. наук В.А. Александров. – М.: Наука, 1969. – 216 с.
3. Noll Richard, Kun Shi. The Last Shaman of the Oroqen People of Northeast China // Journal of Korean Religions, 2009. – Vol. 17. – No. 1-2. – P. 117-140.

© Фу Чжунфэн (fzfart@vip.qq.com), Цзян Дунмэй (174580767@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДВУХФАКТОРНАЯ МОДЕЛЬ СЧАСТЬЯ, ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ И ДИНАМИКА ФАКТОРОВ

Андреев Владимир Сергеевич

Аспирант, Институт психологии творчества

9979549@gmail.com

TWO-FACTOR MODEL OF HAPPINESS, INTERDEPENDENCE AND DYNAMICS OF FACTORS

V. Andreev

Summary: This article is devoted to the clarification of the two-factor model of happiness (hedonia-eudaimonia), formulated in antiquity. A detailed description of two factors of consideration of the state of happiness proposed by Daniel Kahneman is given - experienced well-being and remembering of well-being; adequate, in the author's opinion, translations of these terms into Russian are offered. The article also analyzes in detail the structure of the factors of happiness, their nature and the specificity of the experience, analyzes the dynamics of changes in the factors of happiness over time and their interdependence. The introduced concepts of situational and integral tone, reflecting the factors of happiness, initially assume a certain dimension and modality of the corresponding characteristics of happiness. which makes it possible to characterize much more accurately both the current state of a person (hedonistic factor) and the general level of a person's happiness-unhappiness (eudemonic factor). A situational tone (high or low) characterizes the momentary, predominantly emotional perception of the feeling of happiness. Integral tone (high or low) characterizes the general feeling of a person - his success, characteristics of his environment, accumulated benefits, health status, formed skills and personal characteristics, confidence in the future and other objective characteristics of life. The modalities of the situational and integral tone (high-low) make it possible to accurately describe the current state of a person in the coordinates happiness - unhappiness. It also analyzes the degree of dependence and at the same time the relative independence of changes in the two factors of happiness and the possibility of influencing them, both in the process of personal work on oneself and in the future, helping relationships - psycho-counseling or coaching.

Keywords: happiness, two-factor model of happiness, hedonia, eudaimonia, experienced well-being, remembering of well-being, situational tone, integral tone, emotional background, low-tone and high-tone states, positive psychology.

Аннотация: Данная статья посвящена уточнению двухфакторной модели счастья (гедония-эвдемония), сформулированной еще в античности. Дается детальная характеристика двух факторов рассмотрения состояния счастья, предложенных Дениэлем Канеманом - experienced well-being и remembering of well-being, предлагаются адекватные, по мнению автора, переводы этих терминов на русский язык. Так же в статье детально анализируется структура факторов счастья, их природа и специфика переживания, анализируется динамика изменения факторов счастья во времени и их взаимозависимость. Введенные понятия ситуативного и интегрального тона, отображающих факторы счастья, изначально предполагают определенную мерность и модальность соответствующих характеристик счастья. что позволяет гораздо более точно характеризовать как текущее состояние человека (гедонистический фактор), так и общий уровень счастья-несчастья человека (эвдемонический фактор). Ситуативный тон (высокий или низкий) характеризует сиюминутное, преимущественно эмоциональное восприятие ощущения счастья. Интегральный тон (высокий или низкий) характеризует общее ощущение человека – его успешность, характеристики его окружения, накопленные блага, состояние здоровья, сформированные навыки и личностные характеристики, уверенность в будущем и другие объективные характеристики жизни. Модальности ситуативного и интегрального тона (высокий-низкий) позволяют достаточно точно описывать текущее состояния человека в координатах счастье – несчастье. Так же анализируется степень зависимости и одновременно относительной самостоятельности изменения двух факторов счастья и возможности воздействия на них, как в процессе персональной работы над собой так и в перспективе помогающих отношений – психо-консультирования или коучинга.

Ключевые слова: счастье, двухфакторная модель счастья, гедония, эвдемония, experienced well-being, remembering of well-being, ситуативный тон, интегральный тон, эмоциональный фон, низко-тональные и высоко-тональные состояния, позитивная психология.

Неоднородность интерпретации понятия счастья осознавалась с момента зарождения европейской гуманитарной мысли. Так, еще философами до-сократиками оно, с одной стороны, «ассоциировалась с такими понятиями как «наслаждение», «длительное состояние удовольствия», «веселое настроение безмятежности», «ощущение полноты бытия и радости», «блаженство» [3, с.12], то есть с позитивными субъективными переживаниями. Но с другой, уже Демокрит (5 в до н.э.)

понимал счастье как «состояние эвтюмии, характеризующее всем достигнутым в результате правильно организованной жизни. Благодушный человек, согласно учению об эвтюмии, не завидует чужому богатству и славе, но стремится к совершению честных добрых поступков, от чего он счастлив и здоров» [3, с.13]. Так же Демокрит считал обязательным атрибутом счастья атараксию, т.е. бесстрашие, невозмутимость. То есть определял счастье не как определенное сиюминутное состояние, но как

результат определенного развития и обладание определенными характеристиками личности.

Эту идею двухфакторности счастья в античной мысли окончательно закрепил Аристотель [2], сформулировав два истолкования понимания счастья как гедонистическое (ориентированное на получение максимального количества удовольствий в жизни) и эвдемоническое («которое связано с реализацией человеком собственных уникальных достоинств и добродетелей («дэймона») в соответствующей ему деятельности» [4, с.56])

Идею Счастья как реализации определенного набора личностных качеств в дальнейшем активно развивали древнеримские философы, принадлежавшие к кругу поздних стоиков. Так, например, по мнению Марка Аврелия умение быть счастливым заключается в умении стойко переносить невзгоды «во всем, что наводит на тебя печаль, надо опираться на такое положение: не это – несчастье, а мужественно переносить это – счастье» [1, с. 15].

В современной научной психологии уже в конце 20 века к идее двух способов рассмотрения понятия счастья возвращается Даниэл Канеман. В своей работе посвященной исследованию феномена Счастья [12] он фиксирует, что при оценке уровня счастья оно интерпретируется двумя совершенно различными способами.

Первый способ (получивший название, *experienced well-being*) – связан с оценкой сиюминутного состояния, как физиологических ощущений (удобно - неудобно, тепло - холодно, болит - не болит), так и испытываемых эмоций (позитивные – негативные). Именно о подобной интерпретации понятия счастья говорится в теории «объективного счастья» Канемана [13, с. 254], работах Дэвиса [9], Самнера [16].

Второй способ (*remembering of well-being*) базируется на оценке объективных фактов жизни – уровня благосостояния, семейного положения, удовлетворенности от работы, наличия круга друзей, социального статуса, наличия практических навыков и умений и множества других вполне параметров, наличие которых приносит человеку общее удовлетворение. Данный способ рассмотрения счастья включает, как вполне объективируемые параметры, так и исключительно субъективные, связанные с личными интерпретациями тех или иных событий жизненной истории, а также индивидуальными характеристиками личности. Если первый способ интерпретации счастья является комплексом сиюминутных переживаний, то второй — это скорее история (нарратив), характеризующая жизнь во всей ее совокупности, хранящаяся в индивидуальном сознании субъекта.

Прежде чем продолжать детальное рассмотрение этих двух аспектов счастья необходимо дать им адекват-

ные переводы на русский язык. К сожалению, устойчивых трансляций данных понятий в русскоязычной литературе не имеется. Прямой перевод как «испытываемое благополучие» и «воспоминание о благополучии» очевидно абсолютно не адекватны и не передают сущности феномена. Само слово благополучие в русском языке не ассоциируется напрямую со словом счастье, а подчас даже противопоставляются ему.

П.М. Пискарев в своей диссертационной работе «Метамодерн и интегративная методология гуманитарного знания» переводит данные термины как «счастье испытывающего Я» и «счастье помнящего Я» [5, с.248]. Данные переводы куда более адекватны, но также имеют определённые недостатки. С одной стороны они требуют предварительного рассмотрения концепция «помнящего и испытывающего Я», а с другой ни первый, ни второй аспект рассмотрения не дают собственно толкования счастья как комплексного феномена, а обозначают лишь один из аспектов его рассмотрения, не передающих феномена счастья во всей его полноте. Так, например, человек переживающий ощущение сильного удовольствия в определенный момент времени, которое можно было бы характеризовать как переживание «счастья» в контексте *experienced well-being*, может быть в целом абсолютно не удовлетворен своей жизненной ситуацией и испытывать огромные проблемы в жизни. И с этой точки зрения (*remembering of well-being*) его можно охарактеризовать как абсолютно несчастного. Примеров подобных ситуаций можно привести множество, например, человек, проживающий в нищете и испытывающий продолжительное состояние голода, получивший пищу будет испытывать сиюминутное ощущение «полного счастья», при этом оставаясь абсолютно несчастным.

С другой стороны, два обсуждаемых аспекта рассмотрения счастья изначально подразумевают вариативность. И переживание в настоящий момент, и накопленные блага, и благодетели могут носить как положительный, так и отрицательный характер. В то время как использование слова счастье в выражениях «счастье испытывающего Я» и «счастье помнящего Я» - скорее фиксирует некоторый эталон позитивного состояния.

Таким образом, перевод термина «*well-being*» словом «счастье» в рассматриваемом контексте не может считаться адекватным. Вообще английскому слову *well-being* достаточно трудно подобрать адекватный перевод, хорошо передающий контекст обсуждения.

Например, термин «удовлетворённость» в отличие от терминов счастье или благополучие изначально отражает вариативность переживания. Удовлетворённость может быть высокой и низкой, человек может быть более или менее удовлетворенным. Но в то же время в российском менталитете удовлетворённость и счастье отнюдь не воспринимаются как синонимы. Счастье как духов-

ная и динамичная сущность подчас противопоставляется удовлетворенности как чему-то приземленному и инертному.

В последнее время в психологии для выражения уровня удовольствия/неудовольствия в текущий момент стал применяться термин «эмоциональный тон» [6, с. 6]. На наш взгляд именно это словосочетание является достаточно неплохим смысловым аналогом англоязычного термина *experienced well-being*, применяемого в контексте рассмотрения одного из факторов счастья. Однако степень удовольствия и неудовольствия, испытываемые в конкретный момент времени, характеризуется не только эмоциональным компонентом, но и другими составляющими, такими как наличие или отсутствие физической боли или тех или иных позитивных или негативных физиологических ощущений (тошнота, ощущение насыщения). Поэтому мы предлагаем в качестве перевода понятия *experienced well-being* использовать русскоязычный термин «ситуативный тон» (или уровень ситуативного тона). Слово тон применяется в различных контекстах именно для акцентирования на вариативности описываемой сущности и изначально подразумевает динамичность характеристики объекта (высокий – низкий музыкальный тон, дурной-возвышенный тон общения, яркий-бледный тон красок).

Соответственно ситуативный тон характеризует степень положительности-отрицательности сиюминутного переживания. Тон может быть как высоким – когда человеку хорошо в настоящий момент, так и низким, когда ему плохо. При этом ситуативный тон будет характеризовать не только эмоциональный тон, но и все составляющие степени сиюминутного удовольствия/неудовольствия.

Соответственно для перевода *remembering of well-being* предлагается использовать термин «интегральный тон» (или уровень интегрального тона). Слово интегральный в данном контексте является синонимом слова суммарный (итоговый) – счастье, как некоторый объективный итог прожитой жизни, приобретенных объективных достижений и качеств, и субъективных характеристик, а также перспектив и видения будущего.

Интегральный тон, также может быть положительным (высоким), в том случае, если человек доволен собой, своим жизненным положением и перед ним открываются богатые перспективы в будущем, или негативным (низким) в обратном случае.

Введенные понятия ситуативного и интегрального тона позволяют гораздо более точно характеризовать состояние человека, во-первых, вводя определенную мерность (можно говорить о высоком, среднем или низком ситуативном и интегральном тоне и даже различать более тонкие количественные различия), а с другой раз-

делять контекст обсуждения (говорим мы о сиюминутном состоянии ощущения счастья или об интегральном ощущении жизни как результата).

Целью данной статьи является рассмотрение взаимозависимости и взаимовлияния двух факторов счастья (ситуативного и интегрального тона), а также характера динамики их изменения. Данный анализ, по мнению автора, позволит более системно и точно определять и описывать текущее состояние человека и его динамику, как для целей терапии, так и в процессе коучинга и самокоучинга.

Взаимовлияние ситуативного и интегрального тона

Ощущение счастья конкретного индивидуума в этих двух аспектах совершенно различны, как по характеру переживания, так и по динамике изменения. Прежде всего, они могут не совпадать в конкретный момент времени и могут даже быть прямо противоположны по модальности. Так, например, в жизни человека объективно все может быть во всех отношениях хорошо, и в целом полностью его удовлетворять. То есть человек в целом очень счастлив – его интегральный тон достаточно высокий. Но с ним может случиться какое-то неприятное событие – случайный конфликт, неудачные переговоры, потеря крупной суммы денег, травма и тому подобные относительно случайные негативные события. В этот момент человек испытывает отрицательные эмоции, а возможно и физические страдания, ни о каком переживании счастья в настоящий момент не может быть и речи – его ситуативный тон крайне низок. Подобная ситуация не может быть охарактеризована в целом как счастье или несчастье. Но ее достаточно точно можно охарактеризовать как локальное понижение ситуативного тона при достаточно высоком интегральном тоне.

Возможны и обратные ситуации. Объективно жизнь конкретного человека может характеризоваться как несчастная – материальное неблагополучие, неустроенная личная жизнь, отсутствие достижений и перспектив, постоянно негативное настроение и болезни. История жизни объективно не выглядит позитивной – интегральный тон находится на очень низком уровне. Однако, случаются какие-то пусть небольшие, но приятные события – хорошая погода, небольшая сумма свободных денег, неожиданная приятная компания и т.п. Человеку удается забыть про жизненные невзгоды, и он просто наслаждается текущим моментом – ситуативный тон его достаточно высокий. Опять же охарактеризовать ситуацию как счастливую невозможно, но она хорошо описывается как достаточно высокий ситуативный тон, на фоне низкого интегрального тона. Таким образом, можно говорить об относительной независимости интегрального и ситуативного тона.

Однако, с другой стороны совершенно очевидно, что между этими характеристиками имеется достаточно четкая зависимость. Так, например, у человека с высоким интегральным тоном, очевидно, сформирован набор личных качеств, социальных связей и контактов, а также определенная материальная база, которые позволили ему достигнуть, удовлетворяющего его уровня жизни. Но эта база обеспечивает и более простое воспроизводство позитивных переживаний, по крайней мере, в материальной и социальной сфере. В частности, его личные размышления по поводу собственной жизни, прошлого и будущего, а также представление другим результатов своего жизненного пути, в том или ином контексте, и планов на будущее будут сопровождаться позитивными эмоциональными переживаниями (формировать состояние высокого ситуативного тона).

В то время, как человек с низким интегральным тоном, неудовлетворенный общим положением вещей в своей жизни, будет с высокой вероятностью чаще испытывать негативные переживания (состояния низкого ситуативного тона), в частности рефлексируя свое текущее жизненное положение.

Безусловно, проследить эту корреляцию интегрального и ситуативного тона можно только в контексте конкретной личности, с учетом ее жизненных устремлений и представления о желаемых жизненных достижениях и обстоятельствах. Разные люди могут совершенно по-разному оценивать конкретные обстоятельства своей жизни и оценивать значения тех или иных достижений и других характеристик своей жизненной истории. Так, например, можно привести множество примеров [11], людей достаточно успешных и преуспевающих, при этом совершенно не удовлетворенных своей жизнью, страдающих от хронической депрессии (имеющих устойчиво низкий ситуативный тон). Но также имеется множество примеров людей, по общим меркам не особо преуспевающих в общепринятом смысле [15], но при этом жизнерадостных и оптимистичных (имеющих устойчиво высокий ситуативный тон). Все это указывает на то, что интегральный тон нужно оценивать во всей полноте жизненных обстоятельств, и с учетом индивидуальных особенностей каждой конкретной личности.

Однако, можно выделить и общие универсальные корреляты, вносящие вклад в уровень интегрального тона, присущие всем людям. Так, например, хорошее состояние физического и психического здоровья, безусловно, будет иметь непосредственную прямую корреляцию с интегральным тоном и обеспечит более устойчивое воспроизводство позитивных ситуативных состояний. «Состояние счастья в значительной степени зависит от того, как респондент оценивает состояние своего здоровья: чем выше оценивается состояние здоровья, тем чаще респонденты относят себя к категории счастливых людей». [7, с. 22]

С другой стороны, физическая деградация работы дофаминовой и эндорфиновой компонент системы позитивного подкрепления (двух основных источников позитивных эмоциональных состояний) приведет к сложности воспроизводства состояний высокого ситуативного тона, и к безусловному снижению тона интегрального [10].

В общем, делая вывод о соотношении интегрального тона личности (тех или иных качеств и навыков, текущего материального и социального положения) и воспроизводством ситуаций, характеризующихся высоким или низким ситуативным тоном, можно сказать следующее. Имеется набор объективных универсальных коррелятов интегрального тона присущих всем людям (например, состояние физического здоровья, жизненный оптимизм, стрессоустойчивость и пр.), которые однозначно будут способствовать формированию более позитивного ситуативного фона (увеличивать процент ситуаций высокого ситуативного тона). С другой стороны, можно выделить и другие составляющие интегрального тона (конкретные знания, умения и навыки; характеристики внешнего окружения и материального благополучия), которые будут специфичны для конкретной индивидуальной личности. В частности, определенные характеристики могут повышать интегральный тон у одного человека и никак не влиять, а возможно и понижать на интегральный тон другого. По мнению автора, анализ этих характеристик интегрального тона (объективно-универсальных и субъективно-индивидуальных) может внести существенный вклад в дальнейшее понимание феномена счастья.

Динамика изменения ситуативного и интегрального тона

Ситуативный и интегральный тон имеют совершенно различную динамику и скорость изменения. Очевидно, что ситуативный тон может меняться практически мгновенно в зависимости не только от внешних обстоятельств, но и от собственных мыслей человека. Например, негативное воспоминание, или предвкушение негативных событий может резко понизить ситуативный тон, а приятное воспоминание наоборот. Несмотря на то, что изменения ситуативного тона часто имеют исключительно субъективную причину, они имеют совершенно конкретную объективную природу. Изменения ситуативного тона объективируются в изменении текущего эмоционального фона, которые отражаются в состоянии нервной и эндокринной систем и активизации тех или иных гормональных и нейромедиаторных подсистем. Так, например, предвкушение опасного события может вызвать повышение уровня кортизола, а воспоминание о конфликте – уровня адреналина.

С другой стороны, при достаточной степени натренированности, человек в состоянии управлять изменениями ситуативного тона. С применением тех или иных

физических упражнений и психотехник предупреждать негативные изменения и формировать оптимальный текущей задаче ситуативный тон. И эти изменения могут происходить практически мгновенно, за считанные секунды. Изучение данных психотехник и формирование навыков в их применении в конкретных жизненных ситуациях, представляется еще одним крайне перспективным направлением развития научных исследований.

В отличие от изменения ситуативного тона, интегральный тон меняется крайне медленно, ведь он связан с формированием личностных характеристик и навыков, а также структуры материального и социального окружения. Очевидно, что это процессы достаточно инертны. Конечно, возможны различные катастрофы и случайные успехи, которые могут вносить резкие изменения в обстоятельства жизни. Но даже такие радикальные изменения не затрагивают всего комплекса обстоятельств жизни человека и не меняют его интегральный тон моментально, хотя и могут послужить причиной постепенного его изменения. Но подобные, даже самые радикальные изменения все-таки, как правило, не приводят к столь же существенному изменению интегрального тона. Как показывают, например, исследования изменений происшедших в жизни людей, выигравших крупные суммы в лотерею [14], такие изменения в уровне материального благополучия могут приводить к усилению ощущения одиночества. И резко изменив стиль жизни сразу после получения выигрыша, получившие его, в большинстве случаев, постепенно возвращаются к своему привычному образу жизни, как правило, утратив случайно обретенные богатства. Известны и обратные примеры [8], когда люди с высоким интегральным тоном, демонстрировали высокую продуктивность даже с существенными физическими повреждениями, которые, казалось бы, не совместимы с активным творческим образом жизни.

Зависимость диапазона изменения ситуативного тона от уровня интегрального тона

Помимо отмеченной нами ранее прямой зависимости частоты воспроизводства ситуаций высокого или низкого ситуативного тона от общего уровня интегрального тона личности, так же можно сделать предположение и о зависимости диапазона изменения ситуативного тона от уровня интегрального тона человека. Так, например, человек, имеющий крайне низкий интегральный тон, не имеющий необходимых личностных ресурсов и соответствующего материального и социального окружения, будет преимущественно испытывать низкотональные состояния. Это касается как возможности удовлетворения базовых физиологических потребностей, потребностей в общении, так преимущественно негативных эмоциональных переживаний, порождённых негативными обстоятельствами жизни. И диапазон изменений ситуативного тона будет достаточно низкий, в районе мини-

мальных значений. Конечно, это не касается тех случаев, когда человек осознанно выбирает аскетический способ существования, порожденный стремлением к духовному совершенству или какими-то иными стимулами, и обладает всеми необходимыми личными ресурсами и навыками.

В то же время, диапазон колебаний ситуативного тона человека с предельно высоким уровнем интегрального тона, обладающего всеми необходимыми для нормального существования и развития навыками, личностными, материальными и социальными ресурсами, так же будет относительно небольшим. Он преимущественно будет находиться в ровном позитивном настроении, адекватно реагируя на изменения внешних обстоятельств, оптимально дозируя конструктивный стресс (эустресс). Как в предельно низком, так и в предельно высоком интегральном тоне диапазон колебаний ситуативного тона будет минимальным, хоть и на разных границах спектра эмоционального тона. В то время как человек со средним интегральным тоном, которому «ни что человеческое не чуждо» с высокой вероятностью будет испытывать самые разнообразные эмоциональные состояния как позитивные (в моменты откровения, творчества, влюбленности), так и негативные (в моменты обиды, гнева, страха и пр.). У человека со средним интегральным тоном, с одной стороны, уже достаточно ресурсов чтобы не испытывать беспробудного горя и физического страдания, то есть не испытывать непрерывно воспроизводящегося состояния крайне низкого ситуативного тона, но с другой, ему еще недостаточно ресурсов, личностных характеристик и навыков, чтобы преодолевать все жизненные трудности и негативные обстоятельства, с которыми любому живущему человеку приходится постоянно сталкиваться.

Итоги

В данной работе мы сделали попытку развить идеи двухфакторной модели счастья Даниэла Канемана, которая базируется на традиционном двухфакторном подходе к рассмотрению счастья получившему начало еще в древнегреческой философии. Предложили варианты адекватного перевода терминов *experienced well-being*, *remembering of well-being* используемых Канемана для обозначения двух этих факторов, а также провели анализ степени взаимозависимости этих факторов, динамики и диапазона их изменения.

Очевидно, что в данной работе мы только наметили общий контур рассуждений и дальнейших исследований в области, как более четкого определения феномена ситуативного и интегрального тона, их характеристик, способов оценки их уровня и главное методов их повышения, как инструментов повышения счастья индивидуума, как в терапии, так и в коучинге, а также в самокоучинге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврелий М. Размышления. Л.: Наука, 1985. 246 стр.
2. Аристотель. Никомахова этика. «ЭКМО-Пресс», Москва, 1997. 496 стр.
3. Королева, М. Н. Счастье как социокультурный феномен. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Москва 2013. 166 стр.
4. Левит Л.З. Индивидуальный потенциал и его реализация. Минск: РИВШ, 2014. 661 стр.
5. Пискарёв Павел Михайлович. «Метамодерн и интегративная методология гуманитарного знания». диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук (2019). 461 стр.
6. Рыжов Б.Н., Смоловская Л.Б.. Методика самооценки эмоционального тона и активности СЭТА. Системная психология и социология, 2018, № 3 (27).
7. Черныш М.Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе. Социологическая наука и социальная практика. № 2(26), 2019.
8. 25 вдохновляющих примеров людей, которые добились успеха, несмотря ни на что. – [Электронный документ]. – Режим доступа: <https://coolday.today/25-vдохnovlyayush-ih-primerov-lyudej-kotorye-dobilis-uspeha-nesmotrya-ni-na-cto.html>
9. Davis W. A theory of happiness / W. Davis // American Philosophical Quarterly. 1981. Vol. 14. № 1. P. 111-120
10. Esch T, Stefano GB. The neurobiology of pleasure, reward processes, addiction and their health implications. Neuro Endocrinol Lett. 2004 Aug;25(4):235-51.
11. Gartner, John D. The Hypomanic Edge: The Link Between (A Little) Craziness and (A Lot of) Success in America. Simon & Schuster (June 18, 2011), 368 pages.
12. Kahneman, D., Diener, E., & Schwarz, N. (Eds.). (1999). Well-being: The Foundations of Hedonic Psychology. New York: Russell Sage Foundation.
13. Kahneman D. Objective happiness. 1999 / D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz // Well-being: The foundations of hedonic psychology. Russell Sage Foundation Publications, 2003. 605 pages.
14. Kathleen D. Vohs, Nicole L. Mead, Miranda R. Goode. The Psychological Consequences of Money. Science 314, 1154 (2006);
15. Sonja Lyubomirsky. The How of Happiness: A New Approach to Getting the Life You Want. Penguin Books (December 27, 2007), 380 pages.
16. Sumner L.W. Welfare, happiness, and ethics/ L.W. Sumner. Oxford University Press, USA, 1999, 256 pages.

© Андреев Владимир Сергеевич (9979549@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОСТРОЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ СТАЖИРОВКИ УЧЕНИКОВ В СФЕРЕ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ В АЛЖИРЕ

Будауд Карим

Аспирант, Казанский федеральный университет, Казань
K-Budaud@stud.kpfu.ru

BUILDING A PROFESSIONAL IDENTITY DESPITE CHALLENGING WORKING CONDITIONS: RETAIL APPRENTICES IN ALGERIA

K. Budaud

Summary: This article analyzes the working conditions experienced by retail trainees during their education and how these working conditions influence the formation of professional identity. We propose to explore, through qualitative survey based on observations, interviews and group discussions, how students learn and what role working conditions play in their identification with work. The analysis identified four aspects that the students faced: work intensity, time availability combined with socioeconomic insecurity, company social relationships, and customer relationships.

Keywords: professional education, working conditions, socialization, vocational identity.

Введение

Профессия продолжает играть определенную роль в социализации индивидов (Дармон, 2016; Dubar, 1998b), хотя это уже не считается уникальной и стандартизированной социальной моделью. Опыт, приобретенный, в частности, во время обучения, трансформирует не только знания, но и личность обучаемых. Таким образом, процесс обучения - это не просто приобретение профессиональных ноу-хау и навыков межличностного общения, но также процесс конструирования смысла своего опыта и самого себя (Kaddouri, Lespessailles, Maillabouis, & Basconcellos, 2008; Zittoun, 2016). В этом контексте профессиональная идентичность - это как индивидуальный, так и социальный проект (Dubar, 1998b), который развивается в соответствии не только с собственными интересами и ресурсами, но также с требованиями и ограничениями, встречающимися в мире труда.

Эта статья, основанная на социологическом исследовании с участием стажёров в розничной торговле в Алжире, предлагает проанализировать предпосылки построения профессиональной идентичности, обсудив роль условий труда. Как показал опрос, эти условия оказались одной из основных проблем определения профессиональной идентичности для учеников. Такой под-

ход позволяет ставить под сомнение хорошие и плохие условия на основе субъективных точек зрения тех, кто сталкивается с ними ежедневно, облегчая или препятствуя построению их профессиональной идентичности. Таким образом, вопрос анализа того, как ученики развивают профессиональную идентичность в текущем рабочем контексте, отмеченном гибкостью занятости и часто индивидуализированной профессиональной карьерой, остается центральной проблемой, особенно для их будущего на рабочем месте в профессиональном мире.

Мы предлагаем теоретическое размышление и эмпирический анализ связи между началом построения профессиональной идентичности и условиями работы в розничном секторе. Для этой профессии характерны довольно сложные условия труда - продолжительный и ненормированный рабочий день, работа в выходные и в вечерние часы, постоянный контакт с клиентами и нестабильность, в частности, из-за довольно низкой заработной платы и неполной занятости. Принимая во внимание эти характеристики, будет показано, что ученики развивают амбивалентные отношения со своей профессией, колеблющиеся между приверженностью-проекцией и стремлением к профессиональному дистанцированию-переориентации.

В первую очередь будет определена теоретическая основа данного исследования. Затем будут кратко представлены ученичество менеджера розничной торговли в Алжире в рамках подготовки работы-исследования, а также методы сбора и анализа используемых данных. Наконец, будут проанализированы условия труда учеников, чтобы показать их влияние на развитие профессиональной идентичности.

Формирование профессиональной идентичности через условия труда

Знакомство с профессиональной средой в рамках производственного обучения подразумевает эволюцию учеников, в частности, трансформацию их знаний в новые знания, которые они приобретают в своей профессиональной деятельности и их профессиональной идентичности. Дубар (1998b) предлагает для изучения карьерного пути и профессионального развития принимать во внимание двойной компонент профессиональной идентичности. По его словам, это определяется биографическим компонентом: человек конструирует свою идентичность в соответствии со своим прошлым, ожиданием будущей траектории занятости и, в более широком смысле, своими прогнозами на будущее; Каддури (2006) говорит об унаследованных идентичностях и предлагаемом проекте идентичности. Другой, так называемый, реляционный компонент, напоминающий идентичности, полученный от Каддури (там же), возникает в результате взаимодействия с социально-профессиональной средой и формами идентичности, предлагаемыми другими участниками в профессиональной сфере, а также связанными с ними властными отношениями.

Эти разные характеристики означают, что профессиональная идентичность не фиксирована. Он меняется в зависимости от опыта и социального положения, которое может иметь человек, требуя постоянных корректировок, чтобы он мог найти определенный баланс между идентичностью для себя и для других (Jenkins, 2008). Kaddouri (2006, стр. 122) говорит о динамике идентичности в том смысле, что идентичность - это «процесс в постоянном строительстве, деконструкции, реконструкции», относящийся к прогрессу, а не к «закрытию». В самом центре отношений на рабочем месте (Fray & Picouleau 2010) предлагает в своей концепции профессиональной идентичности принимать во внимание три основных элемента, через которые будут играть роль условия труда:

- жизненный мир труда - это объективная рабочая ситуация;
- рабочие отношения, воспитывающие чувство принадлежности к неформальным группам;
- профессиональные траектории, связанные с восприятием будущего.

Анализ условий труда оказался подходящим подходом для понимания развития профессиональной идентичности в конкретной работе и рабочем контексте. В формировании профессиональной идентичности условия труда играют преобладающую роль, особенно в начале профессиональной карьеры. Условия труда заставляют человека подвергнуть сомнению свою идеальную профессиональную модель и познакомиться с реальным профессиональным контекстом, подразумевая корректировку самой концепции своей личности в процессе конструирования (Dubar, 1998a). Однако основная проблема идентичности для человека заключается в нахождении баланса (Kaddouri, 2006) между его собственными профессиональными ожиданиями (идентичность для себя) и ожиданиями рабочего мира (идентичность для других). Если баланс остается труднодостижимым, под сомнение ставится построение позитивной профессиональной идентичности.

Чтобы провести собственное исследование роли условий труда в развитии идентичности, мы использовали материалы исследований, проведенных в области розничной торговли (Alonzo, 1998), а также, в целом условий труда (Gollac, Volkoff, & Wolff, 2014), и, в частности, с категоризацией психосоциальных рисков (Mercure, Wultur, 2010). При анализе выделены шесть параметров:

- требования и интенсивность работы, которые объединяют количество и сложность работы, нехватку времени и ритм (Charmaz K, 2010, p. 2);
- эмоциональные требования, вынуждающие служащего контролировать и формировать свои собственные эмоции, одновременно принимая на себя эмоции бенефициаров их работы (Hochschild, 1983);
- социальные и рабочие отношения, которые могут вызвать признание и чувство полезности для проделанной работы;
- социально-экономическая незащищенность, ставящая под угрозу устойчивость положения в сфере занятости;
- непостоянный рабочий график (переработка или неполный рабочий день), характерный для розничной торговли.

Двойное обучение по методологии розничной торговли и опросов

В Алжире обучение менеджеров розничной торговли является вторым по важности (в 2016 году обучение прошли 4083 слушателя из 70 148 человек). Основное внимание в трехлетней программе обучения уделяется продажам, консультированию клиентов и управлению продуктами. Он проводится в профессионально-техническом училище в течение 30 месяцев, и студенты проходят обучение параллельно в компании один день в неделю в течение 6 месяцев. Обучение дополняется

10-дневными межфирменными курсами, организуемыми профессиональными ассоциациями, целью которых является передача и получение базовых знаний.

Из-за изменений в отрасли, таких как разработка новых методов продаж или покупки в Интернете, будущее профессии остается неопределенным. За последние два десятилетия произошло резкое усиление конкуренции, что вынудило компании сокращать расходы в ответ на эту экономическую неопределенность. Таким образом, часто вводится неполный рабочий день, чтобы более гибко реагировать на потоки потребителей. К этому добавляется давление на законодательные ограничения на часы продаж, которые становятся все более гибкими. Эти различные характеристики подразумевают необходимость адаптации обучения, особенно к цифровым технологиям, и могут нарушить построение личности ученика во время обучения.

Результат нашей работы основан на исследовании, проведенном в трех профессиональных школах с четырьмя классами, три из которых находятся на первом курсе, а один - на третьем. Он основан на качественных методах с фокус-группами (4), наблюдениях в классе и во время перерывов (примерно 12 дней в классе), что позволило углубить опрос полуструктурированными интервью, проведенными с 25 учениками в возрасте от 16 до 22 лет (11 мужчин и 14 женщин). В конце исследования были организованы новые фокус-группы в 6 классах 3-го года обучения (включая 3 класса, за которыми следовали первоначально) с целью обсуждения результатов анализа с будущими выпускниками.

Опрос учеников об их обучении и опыте работы в компании, их имидже профессии или даже их карьерных планах позволил провести критический анализ ситуаций, возникающих в ходе их обучения (Mercure & Vultur, 2010). Эмпирический материал был полностью переписан. Для обработки опроса была выбрана методология, представленная в работе «Обоснованная теория» (Charmaz, 2001), чтобы быть ближе к интересам учеников. В процессе обработки было выявлено, что условия работы представлялись ученикам как реальные проблемы с идентификацией.

Влияние условий труда на построение профессиональной идентичности

В зависимости от сектора продаж (пекарня, магазины одежды, спорт и т.д.) или типа бизнеса (независимый бизнес, сеть магазинов и т.д.) условия труда могут восприниматься учеником по-разному. Однако мы не будем принимать во внимание эти различия, поскольку данные не отражают четко тенденций по отраслям продаж, типу или размеру бизнеса. Вот почему этот анализ в основном фокусируется на сходстве опыта, чтобы понять, как эти

молодые люди чувствуют и переживают свои условия работы в компаниях, обстановку, в которой они формируют свою идентичность.

Анализ позволил выявить четыре аспекта, с которыми сталкиваются ученики, которые облегчают или препятствуют построению их профессиональной идентичности:

- потребности и интенсивность работы;
- временные ограничения в сочетании с социально-экономической незащищенностью;
- социальные отношения и поддержка внутри компании;
- отношения с клиентами.

Требования и интенсивность работы: ставка на признание ученика

Ученики считают, что они должны быть чрезвычайно разносторонними и гибкими в выполнении своих задач, а также в управлении многими ситуациями в чрезвычайных обстоятельствах. Несмотря на наличие иногда свободного времени, работа обычно воспринимается как стрессовая, особенно в определенные периоды, такие как выходные или в конце года, или в периоды сильной загруженности. Если место работы расположено далеко от дома, то ежедневные поездки «туда-обратно» подвергают работника ежедневному стрессу от дороги, будь то в общественном или личном транспорте.

Первокурсница Кахина на стажировке в супермаркетах DIY в отделе садоводства, изначально мотивированная своим профессиональным выбором, демонстрирует негативное отношение к профессии при сильной загруженности: «Да, сначала у меня было радостное чувство, я была очень сильно мотивирована и действительно приступила к работе с улыбкой. Но сейчас, весной, я работаю в стрессовой ситуации, когда все бросились в магазины, готовясь к летнему сезону, я не думала, что это будет настолько экстремально. Имея одновременно много дел, я вынуждена работать без перерыва».

Реальность работы в этом секторе продаж вызывает демотивацию или даже дистанцирование, но в данном случае это не препятствует идентификации с профессией. Скорее всего, Кахина будет рассматривать возможность смены компании после стажировки, чтобы улучшить условия труда.

Хотя интенсивность и тяжесть физического труда часто упоминаются и критикуются учениками, они не всегда воспринимаются отрицательно. Это также, в определенной степени, средство ознакомления с реальностью мира труда, тем самым укрепляя их чувство принадлежности или даже идентификации с профессиональной сферой.

Временная доступность и социально-экономическая незащищенность: проблема признания частной жизни и профессионального статуса

Часто работодатели и работники называют ограничивающими и сложными условиями труда, ненормированный рабочий день или гибкий график работы регулируются по-разному, в зависимости от компании. Некоторые ученики сильно напрягаются от ненормированного графика, работая по субботам или поздно ночью, иногда с ощущением того, что работодатель их эксплуатирует. Кахина, несмотря на свое призвание к профессии продавца в секторе DIY и садоводства, не хочет оставаться в своем бизнесе и подчеркивает отсутствие признания ее доступности и приверженности:

«Иногда я действительно работаю... с 9:45 до 22 часов. Так быть не должно. Но никто не проверяет, это нормально, и никто не скажет: «О, спасибо, что задержались вчера еще немного». Всегда оценивается немного меньше, чем я сначала думала об этом».

Конфронтация с профессиональным миром через гибкий график может быть трудной для учеников, особенно в начале обучения, потому что это означает определенный разрыв с их прежней жизнью. Ещё больше негативное влияние гибкий график оказывает на личную жизнь, подрывая социальную и семейную жизнь из-за отсутствия свободного времени. Самоидентификация, которая не только профессиональна, но и связана с семьей, друзьями или отдыхом, также трудно согласовать с ожиданиями профессионалов в сфере продаж.

Условия оплаты труда – фактор риска, поскольку в случае незащищенности они снижают чувство контроля над ситуацией, а также самооценку – не воспринимаются положительно, учитывая, среди прочего, трудность задачи делать прогноз об оплате труда в сфере розничной торговли. Таким образом, профессиональная идентичность окажется под угрозой, потому что под сомнение будут поставлены будущая возможность трудоустройства и прогноз будущей жизни.

Цилия, ученица третьего курса, резюмирует это следующим образом: «Люди не понимают, что психологически это ограничивает, возможно, даже потребуются, чтобы заработная плата была выше, потому что таких людей, которые захотят выполнять эту работу, будет меньше».

Иногда встречаются ученики с высшим образованием, или имеющие родителей с высшим образованием, которые критикуют соотношение между работой и заработной платой. Янис, например, проходит первый год стажировки в телефонном магазине, он убежден, что не топ-менеджеры, а служащие на нижних уровнях иерархии в основном формируют оборот компании, но не по-

лучают адекватной зарплаты. Янис, как и многие другие ученики, рассматривает социальную мобильность внутри или за пределами своей компании для улучшения своего материального положения. Таким образом, тяжелые условия труда делают эту профессию, даже если ученики любят и ценят её, проблемным профессиональным контекстом.

Поддержка и социальные связи внутри компании: вопрос признания полноправным членом

Позитивная атмосфера в компании, которую иногда называют «семьей», играет решающую роль в отношениях, которые ученик устанавливает с профессией. Сплоченная команда, способствующая взаимопониманию, позволяет ученику занять своё место в компании и, следовательно, чувствовать себя полезным и привязанным к организации, что способствует формированию его идентичности, а также принятию других условий работы, таких как интенсивная загрузка и решение трудных задач. Таким образом, хороший коллектив становится убежищем или даже защитой от трудовых ограничений.

Салим, ученик первого курса, работающий в магазине крупного спортивного бренда, явно ценит качество этих отношений: «Мне нравится команда и люди, с которыми я работаю, потому что здесь действительно отличная атмосфера; это действительно команда, где мы можем помогать друг другу, где, если у нас есть вопросы, по крайней мере, сотрудники на них отвечают, они помогают нам».

Кроме того, хорошие отношения с тренером в компании обнадеживают и мотивируют. Напротив, отсутствие признания и внимания может породить разочарование с риском нарушения контракта. Билал, ученик 3-го курса, работающий в киоске, попал в очень трудные условия обучения, в том числе из-за плохого надзора и смены компании до такой степени, что в конце обучения у него возникли смешанные чувства к своей профессии. Возможно, если бы он попал в более дружелюбную учебную среду, он смог бы оценить положительные стороны своей профессии. Во время 2-й фокус-группы он не решился сменить работу, проходя обучение в качестве сотрудника отдела продаж. Его новая, более благоприятная учебная среда побудила его продолжать работать по профессии.

Сложность часто возникает, когда тренер присутствует недостаточно или личность тренера четко не определена. Сабрин, ученица первого курса, проходящая стажировку в отделе парфюмерии, испытывающая дискомфорт от плохой организации в своей компании, часто сама должна решать трудности в своей повседневной работе. Она страдает от недостатка руководства своей работой и говорит, что ей «нужны четкие инструк-

ции», особенно когда её коллеги добавляют задачи, и ей трудно расставлять приоритеты. Сабрин была одной из самых молодых учениц, и до обучения у неё было очень мало опыта работы. К тому же она не представляет своего профессионального будущего в профессии.

Отсутствие признания навыков ученика может даже привести к заниженной самооценке у некоторых. Это случай Али, ученицы 3-го курса ювелирного дела, которой трудно справиться со своей деловой ситуацией: «Так что, чувствуя себя учеником, мы на самом деле чувствуем себя более или менее ниже других, иерархически мы выше разве только дворника».

Коэн-Скали иллюстрирует этот парадокс: «Переключенные между своей ролью ученика, но также и производственного агента, практиканты имеют особый и часто неоднозначный статус в компании. Расположенные по большей части на самом нижнем уровне корпоративной иерархии, они кажутся особенно уязвимыми. Их позиция открывает двери для форм стигматизации и дисквалификации, которые часто являются источниками страданий, которые могут оказаться особенно катастрофическими в тот период, когда построение идентичности представляет собой серьезную проблему для развития» (Cohen-Scali, 2001, с. 217).

Хотя анализ показывает важность социальной поддержки и надзора, его отсутствие парадоксальным образом позволяет в определенных ситуациях развивать профессиональную идентичность, поощряя принятие ответственности и инициативу. Таким образом, это стремление к самостоятельности укрепляет оценку своих навыков и имидж себя как профессионала.

Отношения с клиентами: ставка на признание себя как профессионала в области продаж

Отношения с клиентами, относящиеся к эмоциональным требованиям, кажутся важными для развития профессиональной идентичности. Работник сферы услуг должен контролировать и формировать не только свои собственные эмоции, но и эмоции бенефициаров их работы. Любые служебные отношения связаны с проблемами власти и признания, которые иногда превращаются в борьбу (Gadrey et al., 2005). Неприятное отношение со стороны клиентов может особенно повлиять на ощущение тяжелой работы и нарушить идентификацию с работой.

Опрошенные ученики отмечают иногда противоречивые отношения с клиентами и их невнимание, что может быть одной из причин профессиональной перерождения. Камел, ученица третьего курса ювелирного дела, столкнувшись с роскошной клиентурой, которая часто обращается с ними как с подчиненными, говорит

об этом так: «Если бы не было клиентов, это была бы лучшая работа в мире!».

Эти результаты напоминают классические исследования эмоциональной работы в сфере обслуживания, которые показывают, что управление эмоциями может вызывать отчуждение от работы или даже выгорание (Hochschild, 1983). Тем не менее, анализ также согласуется с современными исследованиями, которые подчеркивают, что женщины-служащие в службе также могут ценить отношения с клиентами, позволяя им не только поднять самооценку, но и развивать личные навыки, важные для этой службы. Контакт с клиентами становится важным условием работы, потому что ученики получают здесь признание как профессионалы в области продаж, что укрепляет их в их выборе и, в более общем плане, в открытии бизнеса.

Обсуждение

Вопрос о формировании профессиональной идентичности в процессе обучения профессии, характеризующейся сложными условиями труда, показал, насколько важен аспект отношений. Социальное признание - источник смысла и удовольствия от работы (Dejours, 2000) - ключевое слово в этом анализе, поощряет конструирование личности ученика, который ощущает свою ценность в коллективе. Таким образом, идентичность для себя и идентичность для других неизбежно переплетаются и зависят друг от друга. Мы согласны с Fray & Picouleau (2010), которые отводят важное место работе в определении идентичности, поскольку оно обеспечивает признание, которое позволит определить место, которое человек отводит работе в определении себя.

Таким образом, смысл работы заключается в отношениях, которые ученик устанавливает со своими коллегами, и в чувстве коллективной принадлежности, которое он или она разовьет во время обучения. Социальные отношения внутри компании, таким образом, являются фактором поддержки в профессии не только из-за необходимости признания в качестве полноправных членов, но и для получения поддержки и совета в качестве ученика. Таким образом, хорошее качество этих отношений сделало бы профессиональные трудности более терпимыми. В большинстве случаев условия труда определяются иерархией в компании и коллегами, даже если последние недостаточно осознают потребности ученика. Это во многом связано с сильной конкуренцией в сфере продаж, которая часто оказывает давление на руководителей и сотрудников.

Отношения с клиентами - реальный вопрос признания профессионала в области продаж и внедрения в торговлю - также играет роль в развитии профессиональной идентичности. Эмоциональные требования

этих отношений представляют собой серьезную проблему для учеников, которая иногда позволяет им почувствовать себя ценными экспертами по продажам, а иногда побуждает их переориентироваться в профессиональном плане, если эти отношения становятся слишком унижительными.

Другие факторы, такие как напряженное рабочее время, как правило, осложняют отношения с работой, создавая напряженность в личной и профессиональной сферах. Отсутствие внимания к частной жизни особенно трудно для учеников, впервые вступающих в мир труда и в секторе, который требует большой гибкости. Кроме того, рабочее время в сочетании с низкой заработной платой и неполной занятостью затрудняет внедрение в профессию. Страх перед социально-экономическим будущим присутствует и иногда даже ставит под сомнение ценность обучения.

Требования и интенсивность работы также могут поставить под угрозу профессиональную идентификацию. Слишком большая интенсивность в сочетании с непризнанием своих усилий может привести к ощущению эксплуатации и, следовательно, угрозы своей идентичности. Те, кому удастся взять на себя ответственность благодаря доверию коллег, чаще воспринимают условия труда как средство обучения, позволяющее им ценить

себя как профессионалов, развивая при этом чувство уверенности в себе. Обретение автономии и пространства для маневра, по-видимому, способствует облегчению тяжелых условий труда, если учеников добиваются признания в компании.

Эти различные факторы характеризуют хрупкое равновесие, на котором ученики в сфере розничной торговли строят свою профессиональную идентичность. Но в любой момент легко можно переключиться с идентификации на дистанцирование от профессии, что может привести к смене карьеры. На рабочем месте не всегда легко найти баланс. Сохраняется заблуждение относительно реального статуса ученика, который иногда считает себя полноценным сотрудником, а иногда - человеком, проходящим обучение. Этот феномен отражает всю сложность учёбы и практики, которая имеет тенденцию открывать двери для использования учеников как дешевой рабочей силы, посвященной выполнению самых неблагодарных задач. Если этот баланс имеет тенденцию к смещению в отрицательную сторону, то развитие профессиональной идентичности учеников ставится под угрозу. Результаты этого исследования также показали, что ученики часто проявляют инициативу и применяют стратегии адаптации, чтобы улучшить свою профессиональную жизнь и, конечно, своё обучение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алонзо, П. (1998). Отношение к работе и занятости кассиров в большом количестве. Маленькие стратегии для большой добродетели. Работа и занятость, 76, 37-51.
2. Голлак, М., Волков, С., Рай Вольф, Л. (2014). Условия труда (3-е изд.). Пэрис: открытие.
3. Гэдри, Н., Джани-Катрис, Ф., и Перно-Лематтр, М. (2005). Условия труда неквалифицированных сотрудников. В Д. Меда и Ф. Веннат (ред.), Неквалифицированный труд. Перманансы и парадоксы (стр. 182–196). Париж: Открытие.
4. Дармон, М. (2016). Социализация. Париж: Арман Колин.
5. Дежур, К. (2000). Работа, умственный износ: от психопатологии к психодинамике труда. Париж: Баярд.
6. Дженкинс, Р. (2008). Социальная идентичность. Лондон: Рутледж.
7. Дубар, К. (1998а). Социализация. Построение социальной и профессиональной идентичности. Париж: Арман Колин.
8. Каддури, М., Леспессаль, К., Майлебу, М., Басконселлос, М. (2008). Проблема идентичности в работе и обучении. Материалы исследований, состояние практики и библиографические исследования. Париж.
9. Коэн-Скали, В. (2001). Профессиональная социализация и трансформации личности среди молодежи // Психология труда и организации, 7 (3-4), 257-276.
10. Меркюр, Д., Вултур, М. (2010). Смысл работы. Новая производственная модель и рабочий дух в Квебеке. Квебек: Издательство Лавальского университета.
11. Фрей, А.-М., Пикуло, С. (2010). Диагностика профессиональной идентичности: важный аспект качества в работе. Обзор менеджмента, 8, 72-88.
12. Хохшильд, А.Р. (1983). Управляемое сердце: коммерциализация человеческого чувства. Беркли: Калифорнийский университет.
13. Чармаз, К. (2001). Качественное интервьюирование и анализ обоснованной теории. В Ж.Ф. ГУБРИМ и др. Ж.А. Гольштейн (ред.), Справочник по интервью исследованиям. Контекст и методы. (стр. 675-694).

© Будауд Карим (K-Budaud@stud.kpfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПЫТ И ВОСПРИЯТИЕ ПОЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ АДАПТАЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Валишин Евгений Николаевич

*К.псх.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
ewgeni-v@rambler.ru*

OLDER PEOPLE'S EXPERIENCE AND PERCEPTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND THEIR ADAPTATION IN THE INFORMATION SOCIETY

E. Valishin

Summary: Today, in most developed nations are the following important social trends observed: an aging population and the introduction of digital technologies into the life of society. However, research shows, that older people use digital technology less often compared to other age groups. The article deals with the use and non-use of digital technologies (Internet, computers, mobile phones) by older people. The author make an attention to the reluctance of using the capabilities of digital technologies and how it may be associated with the functional characteristics of these technologies and social attitudes, and not only with the age characteristics of older people. The age, education, attitudes and personal characteristics of older people influence how they relate to digital technology. The author's analysis allows us to combine behavioral, functional and physical factors with socio-demographic indicators to assess the use and non-use of digital technologies by older people.

Keywords: elderly people, «third age», digital technologies, social attitudes, usage of digital technologies.

Аннотация: В настоящее время в большинстве развитых стран наблюдаются следующие важные социальные тенденции: старение населения и внедрение цифровых технологий в жизнь общества. Однако, исследования показывают, что пожилые люди используют цифровые технологии реже по сравнению с другими возрастными группами. В статье рассматриваются вопросы использование и неиспользование цифровых технологий (Интернет, компьютеры, мобильные телефоны) пожилыми людьми. Автор считает, что нежелание использовать возможности цифровых технологий может быть связано с функциональными особенностями данных технологий и социальными установками, а не с возрастными особенностями пожилых людей. Возраст, образование, установки и личностные особенности пожилых людей влияют на то, как они относятся к цифровым технологиям. Проведенный автором анализ позволяет объединить поведенческие, функциональные и физические факторы с социально-демографическими показателями для оценки использования и неиспользования цифровых технологий пожилыми людьми.

Ключевые слова: пожилые люди, «третий возраст», цифровые технологии, социальные установки, использование цифровых технологий.

Пожилые люди (люди «третьего возраста») - это самая быстрорастущая демографическая группа во всех странах, и не только в Российской Федерации, но и в развивающихся странах. В то же время недостаточно исследованным остается вопрос об особенностях адаптивного поведения людей пожилого возраста при использовании и неиспользовании цифровых технологий. Использование цифровых технологий может быть использован как своеобразный ресурс при адаптации к изменениям в обществе пожилыми людьми.

Анализ качественных данных показывает всеобщее положительное восприятие цифровых технологий, а также влияние отношений между разными возрастными группами и семейных отношений для использования цифровых технологий. Лица в возрасте 65–70 лет с высшим образованием и / или проживающие с супругом / партнером чаще использовали цифровые технологии. Напротив, использование информационных и коммуникационных технологий (цифровые технологии) пожилыми людьми находится на значительно низком уровне, что

приводит к возрастному цифровому разрыву.

В настоящее время проведенные исследования в различных странах обращают свое внимание на «цифровой разрыв» (Digital Divide), который означает, что доступ к Интернет-технологиям (виртуальному пространству) и наличие (или отсутствие) цифровых компетенций дает возможность индивиду присутствовать в определенной точке виртуального пространства. Исследования показывают, что «пожилые люди, по сравнению с более молодыми, чаще используют устаревшие технологии, сложнее принимают новые» [1].

Например, в 2017 году в 27 странах Европейского Союза только 20% людей в возрасте от 64 до 74 лет использовали Интернет достаточно часто (то есть каждый день или почти каждый день), по сравнению с 81% людей в возрасте от 16 до 64 лет. 24 года и 63% лиц в возрасте от 25 до 54 лет [6]. Более того, 65% пожилых людей в странах ЕС никогда не пользовались Интернетом.

Для анализа имеющиеся трудности у людей «третьего возраста» (пожилых) при использовании цифровых технологий мы исследовали ряд социально-демографических показателей и набор факторов, найденных в литературе. Эта ассоциация помогла нам понять, почему и как пожилые люди используют информационные технологии и почему они этого не делают, что в конечном итоге способствует их принятию технологий.

Однако, предоставляемые посредством Интернета информация может помочь снизить социальную изоляцию пожилых людей, тогда как услуги такие как поиск, онлайн-банкинг и покупки помогут сделать реальную жизнь пожилых людей более качественной. Конечно, цифровые технологии приносят не только положительные результаты для пожилых людей, они могут иметь и обратные стороны, исследования показывают, что Интернет оказывает преимущественно положительное влияние на общительность, социальный капитал и благополучие.

Проведенные в настоящее время исследования показывают позитивное действие цифровых технологий в процессе социализации людей «третьего возраста» (пожилых) к современному обществу: формируется достаточно стабильное чувство достижения определенного результата, повышается уровень знания собственных правовых возможностей для создания необходимого уровня социальных отношений, возрастает степень удовлетворенности и самостоятельности, оптимизация финансовых средств и более содержательное использование имеющегося временного ресурса. Использование цифровых технологий дает возможность пожилым людям быть более мобильными, повышаются их возможности в процессе делового и личного общения, приобретаются новые знания, умения и навыки необходимые для социализации в современное общество.

Однако, сегодня необходимо решать вопрос адаптации людей «третьего возраста» в новую для них реальность, которая связана с цифровыми технологиями. Необходимо уточнить позитивные и негативные последствия, возникающие при адаптации данной категории населения к инновациям в цифровых технологиях. Опросы показывают, что, большинство пожилых людей («третьего возраста») не изменили еще, в полной мере, своего отношения к использованию цифровых технологий, хотя и указывают на преимущества, которые они дают. Отрицательное отношение людей «третьего возраста» (пожилых) к новым технологиям зачастую связано с опасениями по изменению повседневного образа жизни и низким уровнем мотивации (желания) к освоению чего-то нового. На степень доверия к новым технологиям пожилых людей и желание их использовать достаточно сильное влияние оказывает оценка того как эти технологии используются другими и насколько они не противоречат

мотивационно - потребностной сфере данной категории людей. Кроме этого, прослеживается определенная взаимосвязь с особенностями образа жизни, социальным статусом, накопленным опытом (например, нежелание что-то менять, изменяться), полученным образованием, финансовым положением и т.д., что может повлиять на их отношение к цифровым технологиям.

Также и внешние факторы влияют на отношение людей «третьего возраста» к цифровым технологиям: «сложность и высокая стоимость оборудования, отсутствие поддержки во время учебного процесса, несоответствующие дидактические подходы в формировании необходимых навыков, высокая скорость инструкций, сложность пользовательского интерфейса, отсутствие поддержки со стороны семьи и др. Все это негативно сказывается на самооценке и осознании своих возможностей пожилыми людьми.

При этом следует учесть, что, во-первых, пожилые люди уже испытывают на себе социально-экономическое неравенство в силу своего возраста, а во-вторых, определенные госуслуги переводятся только на онлайн-доступ, так например, многие НПФ реализуют свои программы корпоративного пенсионного обеспечения через услуги личного кабинета, на сайте mos.ru люди так же могут ознакомиться с информацией связанной с посещением социальных служб, поликлиник, институтов власти, не имея доступа к ним или испытывая недостаток в них - цифровая грамотность в использовании электронных услуг может способствовать усилению возрастного неравенства. Сегодня, как никогда стали актуальными вопросы связанные с цифровизацией повседневных необходимых процессов, таких как получение и оформление пенсий, пособий, ряда социальных услуг.

На сегодняшний день, важнейшим приоритетом в работе клиент ориентированных НПФ (негосударственных пенсионных фондов) становится цифровизация, которая предполагает существенный рост доли диджитал коммуникаций с клиентами, а также перевод в цифровой формат внутренних процессов бизнеса.

С учетом этих возможностей и ограничений, а также пересечения двух социальных тенденций - старения населения и медленного освоения цифровые технологии этим стареющим, мы рассмотрели использование и неиспользование мобильных телефонов, компьютеров и Интернета среди пожилых людей, а так же людей среднего возраста. Несмотря на то, что в литературе показано, что возраст является основным для использования цифровых технологий пожилыми людьми, так же другие факторы могут играть роль в использовании и неиспользовании цифровых технологий. В частности, можно рассмотреть факторы, которые отличают активных пользователей от людей не использующих данные техноло-

гии. Использование цифровых технологий пожилыми людьми за последнее десятилетие увеличилось, но использование компьютеров и Интернета по-прежнему отрицательно коррелирует с возрастом, его социальным статусом до выхода на пенсию, образованием, доходом. Это также означает, что использование цифровых технологий различается и у самих пожилых людей: 65-летний с большей вероятностью будет использовать цифровые технологии, чем 80-летний.

Однако использование мобильных телефонов не зависит в такой степени от возраста; скорее это связано с характеристиками работы (полный рабочий день, неполный рабочий день), доходом, образованием и семейным положением. По сравнению с пользователями мобильных телефонов, люди, не пользующиеся мобильными телефонами, с большей вероятностью работали неполный рабочий день, имели более низкий доход и уровень образования, были одинокими или бездетными. Помимо этих социально-демографических показателей, можно говорить о ряде факторов, объясняющих использование и неиспользование цифровых технологий пожилыми людьми. В то же время недавние исследования показывают, что пожилые люди не страдают технофобией, хотят использовать цифровые технологии и часто делают это с умением.

Основными причинами отказа от использования мобильных телефонов, указанными в опросе, были: «Не нужно» (34,2%), «Не знаю, как им пользоваться» (21,7%) и «Это дорого» (17,4%). В качественных интервью участники сообщили о трудностях с такими функциями, как отправка текстовых сообщений или более сложные функции. Острота зрения и физические характеристики мобильных телефонов, такие как маленькие экраны и маленькие кнопки, были основными причинами ограниченного использования. Только один из респондентов в полной мере использовал мобильный телефон: «Я почти все делаю с его помощью, даже оплачиваю свои счета онлайн. Отрицательные аспекты, указанные в интервью, касались затрат как для пользователей мобильных телефонов, так и для тех, кто не пользуется ими.

Нежелательные последствия использования цифровых технологий людьми «третьего возраста» (пожилыми людьми). Возрастают угрозы, которые связаны с процессом социализации: снижение времени контактов личностного общения и увеличение времени общения в виртуальном пространстве (Интернете) и по мобильному телефону. Недостаточная компьютерная компетентность снижают стоимость людей «третьего возраста» (пожилого человека) на рынке труда. Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровые технологии, при всей неоднозначности их использования людьми «третьего возраста» позволяют увеличивать личные ресурсы, которые необходимы для адаптации к инноваци-

ям в обществе.

Можно выделить три группы факторов, которые влияют на принятие решение о неиспользовании цифровых технологий:

1. Установочные: они хотят попробовать, но не особо заинтересованы; или они не чувствуют себя уверенно, используя цифровые технологии; или они не полностью осознают преимущества технологий.
2. Функциональные: у них отсутствует домашний компьютер с доступом в Интернет и/или отсутствуют необходимые навыки (цифровая грамотность).
3. Физические: они ограничены физически или умственно, а это означает, что использование компьютера нецелесообразно или даже не стоит того. Эти ограничения обычно связаны с возрастом.

В случае установочных факторов - это компьютерная тревожность и интерес к цифровым технологиям, тесно связаны с использованием данных технологий. С одной стороны, низкая уверенность в способности пожилых людей овладеть цифровыми технологиями может объяснять непринятие или низкий уровень использования. С другой стороны, пожилые люди сообщают об отсутствии интереса и потребности к технологиям. Но «для многих респондентов отсутствие интереса вызвано неправильным представлением о компьютерах - о том, что они не подходят для пожилых людей, слишком сложны или бесполезны» [7].

Что касается функциональных факторов, отсутствие компьютера и / или Интернета и / или отсутствие цифровой грамотности также являются одной из наиболее часто упоминаемых причин неиспользования цифровых технологий. Отсутствие доступа к компьютеру и / или Интернету также может быть связано с финансовыми условиями, поскольку экономические факторы играют роль в усвоении цифровых технологий пожилыми людьми.

Что касается физических факторов, физические проблемы могут положительно или отрицательно повлиять на использование компьютера и Интернета. Если проблема носит визуальный характер или связана с артритом, ожидается, что использование цифровых технологий пострадает от этого. Но если проблема связана с мобильностью, пользователи могут проводить больше времени в сети, чем те, кто не привязан к дому. В случае мобильных телефонов пожилые люди сообщают, что их использование мобильных телефонов ограничено некоторыми функциями, такими как маленькие кнопки, использование ватсап и т.п. не возможно на старых моделях телефонов, а новые смартфоны требуют обучения другим расширенным функциями, а учиться уже нет желания. Эти функции обычно воспринимаются как не-

удобные для пользователя из-за возрастных физических ограничений.

Некоторые возрастные слабости влияют на внедрение цифровых технологий, особенно среди пожилых людей. Например, когнитивные изменения могут повлиять на принятие и использование технологий: увеличение возраста связано с некоторыми потерями когнитивных функций, в частности, общего подвижного интеллекта (Gf) - критического фактора в обучении. Тем не менее, некоторые исследования показывают, что производительность Gf можно улучшить тренировкой [4]; и что кристаллизованный интеллект, связанный с опытом и приобретенными знаниями, увеличивается или стабилизируется с возрастом.

Основными причинами принятия и использования цифровых технологий в основном являются отношение, а именно интерес и предполагаемая полезность. Эти факторы связаны с использованием компьютеров для обработки текстов, доступа в Интернет, а также для электронной почты и социальных сетей. Эти три основных фактора - поведенческий, функциональный и физический - дают нам более полную картину отказа от цифровых технологий и их принятия. Модели внедрения цифровых технологий включают ряд переменных от отношения к ним и социально-демографических до компонентных способностей; или конкретные индикаторы, такие как предложенные моделью принятия технологий, а именно: воспринимаемая полезность, воспринимаемая простота использования и приписывание к использованию. Несмотря на то, что данная модель стала ведущей моделью для прогнозирования использования системы, она столкнулась с рядом критических замечаний - от слабой теоретической основы до простых детерминистских отношений. В нашей стране люди «третьего возраста» пользуются Интернетом значительно меньше, чем в западных странах. Количество людей «третьего возраста» как пользователей Интернета значительно меньше, чем у более молодого поколения пользователей. Выявлено, что компьютер и Интернет дают для пожилого человека новые возможности для его социализации в современном обществе. Новые цифровые технологии служат средством для делового и личного общения (коммуникации), позволяют разнообразить проведения досуга, поиска применения своих умений и знаний для работы, осуществления покупок услуг и товаров. В то же время, прослеживается и некоторый негативная сторона в связи с доступом к виртуальному пространству: повышается вероятность рисков, связанных с уязвимостью пользователей, которая может привести к нежелательным последствиям [4]. Проведенный анализ показал, что только 25% респондентов дома имеют цифровую технику, это могут быть планшеты – 2,7%, смартфона, коммуникатора, i-phone – 6,5%, переносного компьютера (ноутбук, лэптоп, нетбук) – 10,3%. А вот мобильные теле-

фоны у 81,3% [8]. За частую, пожилые люди, проживающие совместно с родственниками, пользуются их компьютерами и устройствами, но доля их мала всего 8,8% общего числа опрошенных пожилых россиян. Так же пожилые люди используют интернет и подключение к нему в основном дома приблизительно 94,2%, в других местах (7,0%) и пользовались Интернетом в кафе с Wi-Fi – 2,2%.

По данным Федеральной службы государственной статистики, «численность населения старше трудоспособного возраста, постоянно проживающего в России, по состоянию на 01.01.2016 составляла около 36 млн чел. Пожилые респонденты, которые используют виртуальное пространство (глобальная сеть), отвечали на вопрос об устройствах, которые они используют для выхода в Интернет: 58,3% респондентов используют персональный компьютер, 49,7% для выхода в Интернет пользуются ноутбуком, лэптоп Мобильный Интернет, который подключен через телефон или смартфон используется 23,8% пользователей сети» [5].

Возможности и угрозы при использовании цифровых технологий для людей «третьего возраста» (пожилых людей) требует пристального внимания и исследования положительного эффекта и рисков, которым они подвергаются при использовании данных технологий.

Выше проведенный анализ позволяет объединить поведенческие, функциональные и физические факторы с социально-демографическими показателями для оценки использования и неиспользования цифровых технологий пожилыми людьми. Проведенный анализ проблемы можно резюмировать тремя исследовательскими вопросами:

1. Какие факторы (установочные, функциональные и физические) связаны с использованием и неиспользованием цифровых технологий пожилыми людьми?
2. В чем различия между пожилыми пользователями цифровых технологий и не пользователями?
3. Какие социально-демографические показатели позволяют прогнозировать использование цифровых технологий пожилыми людьми?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует решить следующие задачи: во-первых, проанализировать использование (и неиспользование) цифровых технологий, используя выборки людей старше 65 лет. Во-вторых, изучить причины, по которым пожилые люди используют и не используют цифровые технологии. В-третьих, разработать профиль для пользователей и непользователей, чтобы исследовать различия между ними; в-четвертых, проверить, какие социально-демографические показатели могут предсказывать использование цифровых технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всемирный доклад о старении и здоровье // who URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10 (дата обращения: 10.03.2021).
2. Л.А. Даринская, Г.И. Молодцова, Н.Л. Москвичева Пожилые человек и цифровое пространство: точки соприкосновения? Человек и образование (3), 151-158. <http://obrazovanie21.narod.ru/>
3. Каждый пятый пенсионер НПФ «САФМАР» подает заявление на накопительную пенсию онлайн // САФМАР пенсионный фонд URL: <https://www.npfsafmar.ru/press/news/21121> (дата обращения: 01.03.2021).
4. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ // RLMS HSE URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> (дата обращения: 01.03.2021).
5. Раздел «Демография». Численность и состав населения. Распределение населения по возрастным группам. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 01.03.2021).
6. Тенденции развития интернета в России и зарубежных странах : аналитический доклад / Г.И. Абдрахманова, О.Е. Баскакова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Координационный центр национального домена сети Интернет, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 144 с. – 300 экз.
7. Хорошо быть старым. О преимуществах пожилого возраста // BBC News, Русская служба URL: https://www.bbc.com/russian/society/2015/11/151127_vert_fut_benefits_of_getting_older (дата обращения: 10.03.2021).
8. Корнилова Марина Владимировна Компьютерные и интернет-технологии в жизни пожилых людей: возможности и риски // Власть. 2018. №6.

© Валишин Евгений Николаевич (ewgeni-v@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ «ОБРАЗА Я» И «ОБРАЗА УСПЕШНОГО МЕДИАТОРА» У СПЕЦИАЛИСТОВ С РАЗНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ

Ветлинская Мария Викторовна

аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова

m.vetlinskaya@gmail.com

PECULIARITIES OF THE REPRESENTATIONS OF "SELF-IMAGE" AND "SUCCESSFUL MEDIATOR IMAGE" FOR THE SPECIALISTS WITH DIFFERENT PROFESSIONAL ORIENTATION

M. Vetlinskaya

Summary: The article describes the results of an empirical study, which is a comparative analysis of mediator image representations among two professional groups. Significant correlations were obtained between assessments of one's personality and that of a «successful» mediator. In contrast to professionals with different professional orientations, the group of mediators tends to identify themselves with the image of a «successful» mediator to a greater extent, which allowed us to identify three trends between the studied indicators, which can be associated with the formation of their professional identity.

Keywords: mediation, mediator's image, mediator's qualities, professional identity, self-determination.

Аннотация: В статье описаны результаты эмпирического исследования, которое представляет собой сравнительный анализ представлений образа медиатора среди двух профессиональных групп. Были получены значимые связи между оценками своей личности и личности «успешного» посредника. В отличие от специалистов с разной профессиональной ориентацией, группа медиаторов склонна идентифицировать себя с образом «успешного» посредника в большей степени, что позволило выделить три тенденции между исследуемыми показателями, которые могут быть связаны с формированием их профессиональной идентичности.

Ключевые слова: медиация, образ медиатора, качества посредника, профессиональная идентичность.

Введение

Изучение представлений об альтернативных методах урегулирования конфликтов в психологии является важной и необходимой задачей. Считается, что в широком понимании проблема конфликтов относится к группе актуальных социально-психологических проблем, которые остаются мало исследованными. В отечественной и зарубежной литературе можно найти различные позиции на природу конфликтов. Часть специалистов придерживаются теории бесконфликтного, гармоничного развития социальных групп, другие авторы полагают, что конфликт является естественным, необходимым и неизбежным явлением развития общества [8].

В рамках современной действительности можно смело отметить высокую значимость понятия конфликта. Исследования в данной области прошли долгий путь от полного игнорирования данного термина до оценки конфликтов как неотъемлемого явления, требующего детального изучения [8]. Однако, стоит также отметить тенденции в изучении не только самого термина «конфликт», но и перенос интереса на ракурс разрешения

проблемных ситуаций. Известно, что в истории большинство разногласий находили свое разрешение путем применения силы, что, безусловно, являлась нормой того или иного времени. В нынешнюю эпоху все больше набирают популярность альтернативные методы урегулирования конфликтов, в частности, к которым относится процедура под названием «медиация». За последние несколько лет можно увидеть преобразование данной процедуры из малоизвестной области в предмет многочисленных обсуждений. В данном исследовании мы опираемся на позицию одного из ведущих экспертов О.В. Аллахвердовой, согласно которой медиация определяется как процесс переговоров с участием третьей нейтральной стороны и представляет собой особый социально-психологический процесс, ведущую роль в котором играет посредник – медиатор [2].

Идея обращения к «третьей нейтральной стороне», выступающей в роли посредника в спорах между людьми, существует на протяжении долгого времени. Как указывают многие авторы, история медиации берет свое начало с древнейших цивилизаций, однако, как самостоятельная процедура выделилась лишь во второй половине двадцатого века. Отравной точкой развития

медиации в России считают принятие ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27. 07. 2010. [11]. Следует отметить, что юридическая общественность неоднозначно оценивала данную инициативу [7]. Наблюдая за становлением института медиации в России, можно встретить различные точки зрения относительно данного вопроса: часть специалистов придерживаются мнения, согласно которому медиация пока не получила широкого распространения и признания, вторая половина говорит о стремительном развитии обсуждаемого способа разрешения конфликтов в нашей стране. Несмотря на противоречивость представленных позиций, можно также увидеть их взаимосвязь между собой. Иными словами, медиация как относительно новая область общественной жизни столкнулась с многочисленными трудностями, связанными как с законодательной стороной вопроса, так и с социально-психологической, однако, с другой стороны, в настоящее время мы можем наблюдать ее активное преобразование в самостоятельную сферу профессиональной деятельности [6]. Таким образом, исходя из вышеизложенных положений, можно рассматривать медиацию как особую деятельность по разрешению конфликтов, которая регулируется правом. Иными словами, под процедурой медиации мы понимаем способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения взаимовыгодного соглашения. [9] Поэтому в целом о медиации можно сегодня говорить, как о развивающемся социально-правовом институте. Принято считать, что профессиональную медиационную деятельность можно рассматривать не только как социальный институт, но и как профессию, специальность и в результате конкретного применения как должность [6]. Медиация как профессия находится на стадии становления, предпосылки ее появления связаны с развитием в России системы альтернативного разрешения споров и судебной реформой.

Учитывая рассмотренные предпосылки, мы поставили следующую **цель исследования**: сравнить представления об образе медиатора как специалиста новой отрасли в области разрешения конфликтов у двух профессиональных групп (медиаторов и специалистов из различных практических сфер), а также выявить связи между особенностями представлений своей личности и образа успешного посредника.

Методы исследования

Выборка исследования. В исследовании приняло участие 77 человек в возрасте от 21 года до 65 лет: 52 специалиста (представители различных специальностей) и 25 медиаторов. В группу специалистов входили представители следующих областей знаний: врачи (6 человек),

психологи (6 человек), экономисты (8 человек), юристы (16 человек), менеджеры (7 человек), филологи (3 человека) и представители технической сферы (6 человек). В группу медиаторов (экспертов), согласно первому образованию, входили представители следующих профессиональных сфер: психологии, философии, юриспруденции, экономики.

Схема исследования. В начале респондентам была предоставлена специализированная анкета, затем список качеств, умений и навыков, характерных для личности, способной быть посредником между двумя сторонами (список предоставлялся в двух вариантах: оценить себя и оценить «успешного медиатора») с точки зрения выраженности представленных характеристик. Данный список критериев был составлен на основе теоретического анализа отечественной и зарубежной литературы и выступал в качестве одного из методов исследования - состоял из 24 личностных и профессиональных особенностей медиатора. Для оценки критериев была использована шкала Лайкерта (5 градаций): «совсем не согласен», «слабо выражено», «средняя выраженность», «сильно выражено», «очень сильно выражено».

Качества, умения и навыки мы разделили на шесть содержательных групп:

- **Навыки 21 века:** нестандартное мышление, критическое мышление;
- **Коммуникативные качества:** умение слушать, умение понимать эмоции, умение управлять эмоциями, умение аргументировать, коммуникабельность;
- **Интеллектуальные качества:** умение прогнозировать ситуацию, умение обозначить проблему в сложных ситуациях, умение работать с информацией, эрудированность;
- **Качества адаптации к ситуации:** способность принять другие точки зрения, умение посмотреть на ситуацию со стороны (особенности восприятия), способность расположить к себе человека (вызвать доверие), психологическая устойчивость, самоконтроль;
- **Когнитивные качества:** хорошая память, внимательность, наблюдательность, интуиция;
- **«Отношение к другим»:** доброжелательность, беспристрастность, нацеленность на улучшение ситуации для всех, репутация.

Результаты исследования

Данное эмпирическое исследование представляет собой сравнительный анализ представлений образа медиатора среди двух профессиональных групп, которые занимаются практической деятельностью в сфере медиации и тех, кто занимается другой профессиональ-

ной деятельностью. Важным вопросом в изучении представлений является образ медиатора, как специалиста в области переговоров и урегулирования конфликтных ситуаций, который может восприниматься по-разному, не только с точки зрения профессиональных особенностей, но и с позиции личностных качеств.

Обращаясь к данным содержательного анализа анкеты, мы выявили, что большая часть респондентов не много знакома с процедурой медиации. В рамках данной работы медиаторы относятся к группе экспертов, которые хорошо осведомлены в процедуре, в свою очередь, группу специалистов по данным критериям можно рассматривать как контрольную. Представители юридического профиля являются более осведомленными в процедуре медиации среди группы специалистов, что может быть связано с их профессиональным опытом. Отметим, что большинство специалистов узнали о процедуре медиации от друзей и знакомых. Примечательно, что они не хотели бы получить дополнительное образование в области медиации. В группе медиаторов не было выявлено людей, которые планировали бы уйти из данной сферы, что говорит об их профессиональной заинтересованности. Большинство специалистов разных профилей склонны считать, что медиаторами должны быть люди, имеющие как юридическое, так и психологическое образование. В свою очередь, среди группы экспертов-медиаторов большая часть респондентов считают, что для деятельности медиатора не имеет значение базовое образование, однако они также полагают, что для наиболее эффективной работы медиатор должен обладать знаниями как в психологии, так в юриспруденции. Однако, вне зависимости от принадлежности к той или иной группе, респонденты склонны полагать, что деятельность медиатора – это прежде всего призвание.

В рамках данного исследования нами также был проведен сравнительный анализ выбора личностных и профессиональных качеств посредника среди двух профессиональных групп - проверяется основная гипотеза, согласно которой существуют различия в представлениях об образе медиатора среди групп респондентов.

Рассмотрим результаты количественной выраженности отдельных качеств, согласно данным второго списка критериев, направленного на изучение особенностей личности «успешного» медиатора. Было выявлено, что среди группы специалистов из разных областей знаний выделяются следующие наиболее значимые качества: умение слушать, способность расположить к себе, умение понимать эмоции, умение управлять эмоциями, психологическая устойчивость, умение посмотреть на ситуацию со стороны, умение аргументировать. Ниже всего оцениваются следующие утверждения: нестандартное мышление, доброжелательность, эрудированность,

интуиция. Можно заметить примечательный факт, согласно которому медиаторы, в отличие от специалистов разного профиля, присваивают качествам наиболее высокие значения. В их группе самые высокие оценки были получены по качествам «умение слушать» и «умение понимать эмоции». Также в категорию наиболее значимых качеств, умений и навыков можно выделить следующие утверждения: самоконтроль, умение работать с информацией, умение управлять эмоциями, способность расположить к себе, беспристрастность, коммуникабельность. Низкие значения были выявлены по следующим показателям: критическое мышление, эрудированность, интуиция, умение аргументировать. Анализируя полученные данные, можно предположить, что медиаторы выбирают качества в соответствии со своими знаниями и опытом в данной сфере деятельности, так как те качества, которые были выбраны в этой группе сильно отличаются от других респондентов. Однако мы также можем заметить, что в двух профессиональных группах такие качества как «интуиция» и «эрудированность» оцениваются одинаково низко.

Для подтверждения полученных результатов нами был проведен сравнительный анализ между двумя профессиональными группами - для проверки использовался статистический критерий U Манна-Уитни. Так, между группой медиаторов и специалистов были выявлены значимые различия лишь по следующим критериям: умение прогнозировать ситуацию ($p=0,03$), умение понимать эмоции ($p=0,027$), критическое мышление ($p=0,042$), умение аргументировать ($p=0,001$), самоконтроль ($p=0,019$). Исходя из полученных результатов мы можем увидеть, что в группе медиаторов способность в самоконтроле и умение понимать эмоции являются приоритетными в отличие от группы специалистов, которые выделяют другие значимые утверждения, к числу которых относятся в первую очередь умение прогнозировать ситуацию и умение аргументировать.

Нами также были проанализированы результаты по первому списку качеств, умений и навыков, целью которого являлась оценка собственных психологических характеристик. Известно, что изучение профессионального становления человека, включающее в себя особенности представлений об «образе Я» является необходимым в деятельности специалистов, работа которых связана с обеспечением благополучия людей [1]. Таким образом, согласно средним значениям, специалисты оценивают себя как людей, для которых наиболее характерны утверждения: коммуникабельность, умение аргументировать, умение посмотреть на ситуацию со стороны, эрудированность. В свою очередь, как видно из рис.1, медиаторы выделяют в себе следующие наиболее выраженные критерии: умение слушать, нацеленность на улучшение ситуации для всех, способность располо-

Рис. 1. Профиль оценки своей личности в группе медиаторов

жить к себе, способность принять другие точки зрения. Иными словами, в группе медиаторов мы можем увидеть яркую ориентированность на отношения с другими людьми и желание создать благоприятную атмосферу для взаимодействия.

Как отмечалось ранее, в ходе исследования мы также преследовали цель, согласно которой предполагалось найти связи между оценками своей личности и «личности успешного медиатора». Для выявления взаимосвязи между двумя вариантами списков («качества-Я» и «качества-М») использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. По результатам корреляционного анализа в группе специалистов из разных областей знаний была выявлена лишь одна значимая связь между качествами «Я-самоконтроль» и «М-эрудированность» ($r=0,517$, $p=0,001$). Это может говорить о том, что специалисты, приписывающие своей личности качество самоконтроля, считают, что медиатор должен обладать высокими значениями по показателю эрудированности. Как видно из табл.1, в группе медиаторов, были выявлены значимые различия по большим заданным параметрам.

Интерпретируя полученные связи, можно выделить три тенденции по данным показателям, согласно первой, медиаторы могут полагать, что те качества, которые не выражены у них и не выражены с точки зрения их оценок образа успешного медиатора, не будут важны с точки зрения показателя успешности деятельности ме-

диатора. В связи с полученными данными, можно предположить, что медиаторы не считают важными для образа успешного медиатора в первую очередь качества, связанные с критическим мышлением. Мы видим связь между умением посмотреть на ситуацию со стороны и способностью к критическому мышлению, однако, полагаем, что развивая в себе это умение медиаторы не будут приближаться к успешной деятельности в работе посредника, в связи с низкой выраженностью данного качества в образе успешного медиатора.

Согласно второй тенденции, медиаторы могут полагать, что те качества, которые слабее выражены у них, но выражены с точки зрения их оценок образа успешного медиатора, могут быть связаны с успешностью их работы в будущем. Иными словами, развивая в себя способность, связанную с психологической устойчивостью, медиаторы могут проявлять доброжелательность в своей работе в большей степени. Аналогичный вывод можно предположить относительно полученных корреляций, связанных с умением аргументировать. Развивая в себе этот навык, медиаторы будут приближаться к более доброжелательному общению и умению нестандартно решить конфликтную ситуацию. На последнее также может оказывать влияние способность в умении посмотреть на ситуацию со стороны. Таким образом, развив в себе эти навыки и умения, они смогут приблизиться к своему личному представлению об образе успешного медиатора.

Показатели корреляционного анализа по группе медиаторов

Качества-Я	Качества-М	Показатель коэффициента ранговой корреляции Спирмена	Значимость
Умение прогнозировать	Нестандартное мышление	$r=0,528$	$p=0,007$
Умение прогнозировать	Критическое мышление	$r=0,574$	$p=0,003$
Критическое мышление	Критическое мышление	$r=0,585$	$p=0,002$
Психологическая устойчивость	Доброжелательность	$r=0,588$	$p=0,002$
Репутация	Доброжелательность	$r=0,539$	$p=0,005$
Репутация	Репутация	$r=0,707$	$p=0,001$
Умение аргументировать	Доброжелательность	$r=0,557$	$p=0,004$
Умение аргументировать	Нестандартное мышление	$r=0,519$	$p=0,008$
Умение посмотреть на ситуацию со стороны	Коммуникабельность	$r=0,526$	$p=0,007$
Умение посмотреть на ситуацию со стороны	Доброжелательность	$r=0,527$	$p=0,007$

Согласно третьей тенденции, медиаторы, приписывающие своей личности высокие значения по качествам своего образа и высокие значения по образу успешного медиатора, склонны идентифицировать себя с ним. Мы можем предполагать, что высокие значения, полученные по оценкам, связанным с умением посмотреть на ситуацию со стороны в своем образе, будут отражаться в работе медиатора, когда речь идет о доброжелательности и коммуникативных способностях. Иными словами, умение посмотреть на ситуацию со стороны будет связано с успешной работой медиатора в сфере межличностного взаимодействия. Похожий вывод можно сделать о качестве, связанным с репутацией посредника, который определяет его профессиональный образ и статус. Если медиатор будет положительно оценивать свою роль, тем более доброжелательным он будет в глазах других и обладать более высокой репутацией. Вероятно, что подобные результаты свидетельствуют о том, что выраженность данных качеств может быть связана с важными умениями и навыками в образе успешного медиатора, которые присутствуют в структуре их профессиональной идентичности.

Заключение

Медиация как способ урегулирования конфликтов в различных формах существует на протяжении долгого времени, однако она никогда не имела правовую базу, и все конфликты разрешались по правилам того или иного времени. С развитием общества медиация приобрела законодательную основу, которая способствовала ее внедрению в разные страны. Можно с уверенностью сказать, что процедура получила широкое распространение и популярность на Западе, в России медиация находится на стадии становления. Особое внимание

в развитии процедуры уделяется вопросу подготовки квалифицированных специалистов в данной области: существует множество вопросов, связанных с базовым образованием посредника, его профессиональной ориентацией, личностными особенностями. В рамках данного исследования мы попробовали изучить формирующий образ медиатора среди практикующих медиативную деятельность специалистов и тех, кто занимается другой профессиональной деятельностью, а также затронули тему профессиональной идентичности респондентов. Иными словами, нами были получены результаты, согласно которым мы смогли получить данные в пользу основных гипотез исследования. Особенно важным представляются результаты, согласно которым специалисты из разных областей знаний не идентифицируют себя с образом «успешного медиатора» и строят свой образ профессионала, чего нельзя сказать о группе практикующих специалистов-медиаторов. Вероятно, полученные тенденции при исследовании корреляционных связей, могут быть связаны с формированием профессиональной идентичности посредников как людей, которые развиваются в рамках новой «помогающей» профессии.

Подводя итоги исследования, можно еще раз отметить, что в России институт медиации только зарождается, к сожалению, многие специалисты даже не осведомлены о существовании данной процедуры и принципах ее работы. Как уже было сказано ранее, работа посредников является сердцевинной данной деятельности, поэтому представляется актуальным развивать исследование по данной теме и внедрять их в общественное сознание людей с целью популяризации новой значимой для общества профессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева М.М. Особенности «образа Я» профессиональных юристов // Прикладная юридическая психология. – 2008. – №2 – С.108-121.
2. Аллахвердова О.В., Медиация. Пособие для посредников, - СПб: СПб, 1999.
3. Ветлинская М.В. Анализ отечественных и зарубежных представлений о роли личностных и профессиональных качеств успешного посредника // Сборник материалов Международной научно-практической конференции (2-3 ноября 2020 г.) под редакцией Н.И. Гайдаенко Шер. – Иваново. – С.16-24.
4. Бегичев М.М., Власов А.В. Проблемы противодействия экономическим преступлениям в современных условиях. Путеводитель предпринимателя. 2020. Т. 13. № 1. С. 108-117.
5. Иванова Е.Н. Методы эффективной работы медиатора в разных сферах практики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. - №4. – С. 131-136.
6. Карпенко А.Д., Осинский А.Д. Медиация: учебник. – М.: Статус, 2016.
7. Лазарев С.В. Основы судебного примирения. – М: Инфотропик Медиа, 2011.
8. Леонов Н.И. Конфликтология: учебное пособие – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МО-ДЭК», 2006.
9. Мельниченко Р.Г. Медиация: учебное пособие для бакалавров. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2014.
10. Пряжников Н.С. Активизирующая профконсультация: теория, методы, программы. Методические пособие. – М.: Издат. Центр «Академия», 2014.
11. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС КонсультантПлюс

© Ветлинская Мария Викторовна (m.vetlinskaya@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С НАРУШЕНИЯМИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ

THE SPECIFICS OF THE MANIFESTATION OF ANXIETY IN PRESCHOOL CHILDREN WITH IMPAIRED MOTOR FUNCTION

**T. Gutova
Yu. Pidshmorga**

Summary: The article analyzes the features of the manifestation of the level of anxiety in children with motor impairments in comparison with children with normal development. The reasons that increase the level of anxiety in children with cerebral palsy were revealed: not only physical limitations leading to the social isolation of the sick child's personality, but also an incorrect attitude towards such a child on the part of family members and the immediate environment. Thus, the child's feeling of his own uselessness and uselessness, both physical and social, naturally increases his level of anxiety, irritability and even hostility towards the outside world. The ways of solving this problematic situation are proposed: psychological counseling of families with a child with impaired motor functions, creating in such a child a sense of social value and equality, compensating for his physical imperfections.

Keywords: anxiety, diagnosis of anxiety, impaired motor function, infantile cerebral palsy.

Гутова Тамара Сергеевна

*К.псх.н., доцент, Кубанский государственный медицинский университет, Краснодар
zhurzhu@mail.ru*

Пидшморга Юлия Владимировна

*К.культурологии, Кубанский государственный медицинский университет, Краснодар
ypidshmorga@yandex.ru*

Аннотация: В статье проанализированы особенности проявления уровня тревожности у детей с нарушениями двигательной функции в сравнении с детьми, имеющими нормальное развитие. Выявлены причины, повышающие уровень тревожности у детей, больных ДЦП: не только физические ограничения, приводящие к социальной изоляции личности больного ребенка, но и некорректное отношение к такому ребенку со стороны членов семьи и ближайшего окружения. Таким образом, формируемое у ребенка чувство собственной бесполезности и ненужности, притом как физической, так и социальной, закономерно повышают у него уровень тревожности, раздражительности и даже враждебности по отношению к внешнему миру. Предложены пути решения данной проблемной ситуации: психологическое консультирование семей, имеющих ребенка с нарушением двигательных функций, создание у такого ребенка чувства социальной полноценности и равенства, компенсирующих его физические несовершенства.

Ключевые слова: тревожность, диагностика тревожности, нарушение двигательной функции, детский церебральный паралич.

В настоящее время, характеризующееся существенными социо-культурными и экономическими преобразованиями, возданы все условия для роста уровня волнений и тревоги у представителей социума. Увеличилось количество неблагополучных в психологическом, педагогическом и экономическом аспектах семей. Также отмечается тенденция роста семей, имеющих ребенка с таким заболеванием как детский церебральный паралич (ДЦП). Именно дети, имеющие данные отклонения в развитии, в наибольшей степени подвержены развитию тревожности, становясь при этом, центром родительских забот и тревог [1,2,4].

Церебральный паралич занимает особое место в систематизации нарушений опорно-двигательного аппарата у детей, так как он выступает первопричиной психоэмоционального дисбаланса личности больного ребенка, разрешение которого – задача работы не только специалистов в области физиологической коррекции, но и семейных психологов.

Коррекционная работа с детьми, больными ДЦП,

очень многоаспектна, так как нарушения касаются не только двигательных, но и мыслительных, речевых и коммуникативных аспектов их деятельности. Отмечается так же проблема самоидентификации личности, снижении самооценки, ослабление волевых усилий, угасание психо-эмоциональной сферы [1,3].

С целью выявления специфики проявления специфических проявлений тревожности у детей старшего дошкольного возраста, имеющих двигательные патологии при их сравнении с детьми без отклонений, авторами было организовано исследование в виде проведения экспериментальной диагностики. В данную программу вошел анализ медицинских документов и графических продуктов наблюдаемых детей – рисунков, а так же анкеты-опросники и проективные тесты.

Предлагаемые к выполнению задания были подготовлены с учетом возрастных особенностей испытуемых, сопровождалась подробной инструкцией к выполнению и содержали демонстративное подкрепление для более точного выполнения. Высокопрофессиональ-

ная подготовка исследователей позволила установить прочный психо-эмоциональный контакт с испытуемыми, гарантирующий их вовлеченность и настрой на продуктивную работу с исследователем. Таким образом, отклонений предложения принять участия в исследовании выявлено не было.

Обследование детей с двигательными нарушениями проводилось в кабинете социального педагога на базе ГБУЗ «Краевой детский центр медицинской реабилитации» Министерства здравоохранения Краснодарского края с отрывом от проведения занятий. Эмпирическое исследование проходило в два этапа, по 20-25 минут каждый. В свою очередь, обследование детей с нормой развития проводилось в кабинете психолога в городе Крымске в МАДОУ Детском саду № 3 «Росинка». Психологическая диагностика проводилась в специально подготовленной для этого комнате, без присутствия посторонних, что поддерживало чистоту проводимого эксперимента и гарантировало исключение участия сторонних лиц – воспитателей, психологов, родителей – на детей в процессе проведения эксперимента. Данная работа строилась на всестороннем учете методических требований, описывающих правомерность психологического исследования. Игровой формат и эмоциональный и зрительный контакт экспериментатора с наблюдаемыми детьми обеспечивали атмосферу сотрудничества и доверия между участниками эксперимента.

На протяжении всего исследования экспериментатор проявлял высокий уровень эмпатии по отношению к испытуемым детям, хвалил их за вовлеченность и искренность в процессе участия в эксперименте. Последовательность демонстрации изображений на картинках определялась рамками используемой методики. Не применяемым в данный момент стимулирующий материал хранился вне поля внимания участников эксперимента, чтобы не происходило рассредоточения внимания детей на несколько картинок одновременно.

Отвлечение на посторонние манипуляции, не предусмотренные диагностической методикой, отслеживались и исключались экспериментатором. Экспериментатор в процессе исследования придерживается политики невмешательства в процесс расположения ребенком изображений по приоритетности (при конструировании «паровозика»).

Для испытуемых в ходе эксперимента для детей с нарушением двигательных функций были созданы все необходимые психологические и средовые условия, способствующие их комфортному участию в эксперименте. Учитывались также рекомендации ортопеда и невропатолога посредством предварительного анализа медицинских карт детей. В течение всего эксперимента велось наблюдение за состоянием мышечного тонуса

испытуемых, при необходимости исследование носило сессионный характер в зависимости от степени утомляемости испытуемого.

Рассмотрим результаты комплексного обследования по каждой методике более подробно.

Уровень тревожности дошкольников с ДЦП, связанный с эмоциональной приспособленностью к социальным ситуациям, с характером взаимоотношений со сверстниками и взрослыми в семье и в коллективе, авторы изучали с помощью применения методики, направленной на диагностику уровня тревожности (предложенной авторами В. Амен, М. Дорки, Р. Тэмпл) [5]. Детский тест тревожности позволил собрать результаты, описывающие специфику состояний тревожности у детей старшего дошкольного возраста, страдающих нарушениями двигательной функции, в сравнении с аналогичными проблемами у детей в детском возрасте.

Аналитическая работа подразумевала обработку собранных в ходе исследования данных количественным (выявление общих закономерностей уровня тревожности у испытуемых обеих групп) и качественным (вычисление индекса тревожности – ИТ – как процентного отношения эмоционально негативного выбора к количеству изображений) способами.

Высокий уровень тревожности (ИТ выше 50%) отмечается у 33 участников эксперимента в группе №1. Такой показатель проявляется в высоком уровне конфликтности в процессе коммуникации с ровесниками, психоэмоциональной нестабильностью и высоким уровнем раздражительности. Условия семейного воспитания таких детей оцениваются как неблагоприятные, на каждого 4-го испытуемого приходился один родитель-инвалид; у 7 испытуемых в составе семьи отмечается наличие младшего брата (сестры) без патологий здоровья. Средний уровень тревожности (ИТ в диапазоне 20-50%) выявлен у 15 испытуемых (30% от общего числа участников эксперимента), имеющих нарушение двигательных функций, которое отягощает процесс социальной адаптации для таких детей. Только 2 человека (4%) имеют низкий уровень тревожности, то есть проблемы с состоянием здоровья не мешают им гармонично развиваться.

В экспериментальной группе №2 отмечается более позитивный результат, характеризующий уровень тревожности испытуемых. У 6 человек (а это около 13% от общего числа испытуемых) выявленный уровень тревожности описывается как низкий – ИТ менее 20%. У 39 человек отмечается средний уровень тревожности (77% испытуемых). И только 5 человек характеризуются достаточно высоким уровнем тревожности (10% от общего числа испытуемых). Отсюда следует, что средним уровнем тревожности описывается состояние большинства

испытуемых детей: ИТ колеблется в диапазоне 20-50%, тогда как средним уровнем тревожности описывается состояние 30% испытуемых с ДЦП.

У испытуемых группы №1 повышенный уровень тревожности отмечается чаще, ориентировочно у 67% испытуемых. На контрасте с приведенными данными, в группе №2 такой уровень отмечается лишь у 10% испытуемых. Сравнительный анализ тревожности у детей с ДЦП и детей с нормальным развитием представлен на рисунке №1.

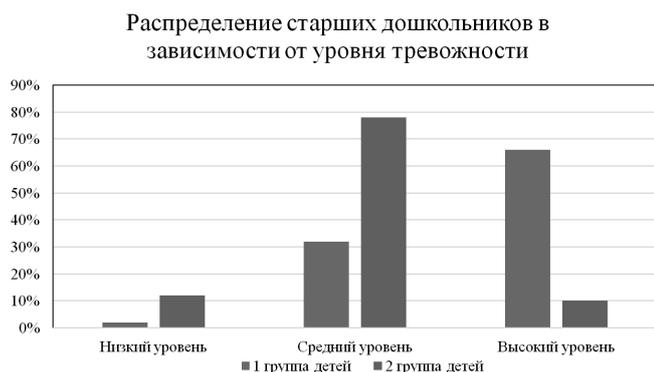

Рис. 1. Распределение старших дошкольников 1 и 2 экспериментальных групп по уровню тревожности (%)

Выраженность степени позитивного и негативного психического состояния дошкольников с ДЦП авторы изучали с помощью методики «Паровозики», предложенной С.В. Велиевой [5]. В таблице 1 представлены краткие результаты методики.

Таблица 1.

Выраженность тревожности дошкольников с ДЦП по методике С.В. Велиевой «Паровозики»

Уровень тревожности	1 (количество детей)	2 (количество детей)
Высокий	36	5
Средний	12	34
Низкий	2	4
Позитивное психическое состояние	-	7

Старшие дошкольники первой экспериментальной группы демонстрировали в ходе эксперимента показатели как высокого уровня тревожности, так и низкого. Большая часть испытуемых (72% – 36 чел.) в первой группе проявляют высокий уровень тревожности, характеризующийся как негативное психическое состояние высокой степени. В этой подгруппе исследуемых внутри-семейное воспитание характеризовалось неблагоприятными и удовлетворительными условиями социального и психологического взаимодействия. У некоторых испытуемых (24% – 12 чел.) первой экспериментальной группы отмечался средний уровень тревожности (негативное

психическое состояние средней степени). И лишь у 4% дошкольников (2 чел.) наблюдался низкий уровень тревожности, позволяющий этим детям успешно адаптироваться в различных ситуациях. Схематично это можно изобразить следующим образом (рис. 2).

По результатам проведенного исследования в экспериментальной группе №2 уровень тревожность испытуемых характеризуется как более низкий. Он свойственен четырем испытуемым, что составляет 8% от общего числа участников эксперимента.

Показатели среднего уровня тревожности, который необходим ребенку для эффективной адаптации в социальной среде, преобладали в данной группе и наблюдались у 68% дошкольников (34 чел.). Высокий уровень тревожности наблюдался у 10% детей (5 чел.). Схематично это можно изобразить следующим образом (рис. 2-3).

Тест «Дом. Дерево. Человек» (ДДЧ) Дж. Бака [5], позволяющий выявить следующие симптомокомплексы: чувство незащищенности, тревожность, неуверенность в себе, чувство неполноценности, враждебность к окружающим, наличие конфликтной (фрустрирующей) ситуации в жизни ребенка, трудности в общении и установлении контактов, депрессивные тенденции. По завершению работы над первым рисунком, испытуемого просили изобразить дерево, а после – еще и человека. Условия работы были таковыми, что задание по изображению заданных образов озвучивалось сразу, а не по мере выполнения каждого из 3-х рисунков. В процессе выполнения данного задания, психолог осуществляет непрерывное наблюдение за испытуемым, отмечая для себя важные аспекты его поведения.

Для реализации методики ДДЧ использовался светлый и просторный логопедический кабинет, в котором отсутствовали какие бы то ни было необычные, способные отвлечь ребенка, предметы – книги, рисунки, карточки, фигуры.

Кратко результаты применения данной методики представлены на рисунках 4 и 5.

Старшие дошкольники первой экспериментальной группы демонстрировали в ходе эксперимента показатели преимущественно высокого уровня тревожности. Большая часть испытуемых (72% – 36 чел.) в первой группе проявляют высокий уровень тревожности, у некоторых испытуемых (22% – 11 чел.) первой экспериментальной группы отмечался средний уровень тревожности. И лишь у 6% дошкольников (3 чел.) наблюдался низкий уровень тревожности.

Во второй экспериментальной группе показатели уровня тревожности были значительно ниже. У 14%

Рис. 2. Результаты методики «Паровозик» С.В. Велиевой (дети с двигательной патологией)

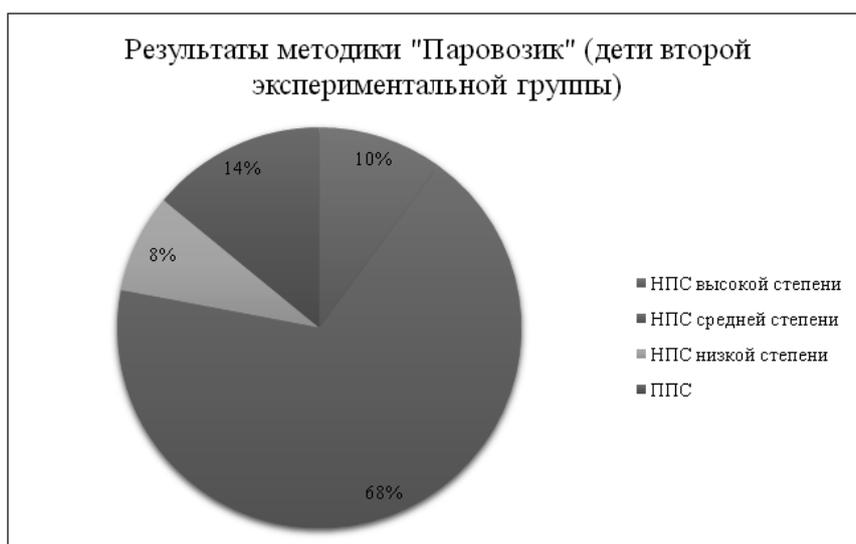

Рис. 3. Результаты методики «Паровозик» С.В. Велиевой (дети с нормальным развитием)

обследуемых тревожность не была выявлена (7 чел.). Низкий уровень тревожности был отмечен у 12% детей (6 чел.). Показатели среднего уровня тревожности преобладали в данной группе и наблюдались у 64% дошкольников (32 чел.). Высокий уровень тревожности наблюдался у 10% детей (5 чел.).

Анализируя полученные в ходе проведения психологической диагностики детей старшего дошкольного возраста данные можно сделать вывод о том, что между первой и второй группой существуют достоверные различия по всем представленным методикам.

В первой экспериментальной группе было 50 детей с двигательной патологией, во второй группе 50 детей

с нормой развития, которые имели высокий, средний и низкий уровень тревожности.

Выводы.

В заключении отметим, что основным результатом исследования авторы отмечают специфические формы проявления тревожности у детей, больных ДЦП. К ним можно отнести: эмоциональную напряженность и нестабильность, низкий уровень решительности и активности, боязливость, раздражительность, повышенный уровень беспокойства. Среди причин, объясняющих данную специфику, авторами были отмечены не только физические ограничения и сложности социального взаимодействия детей с ДЦП с представителями раз-

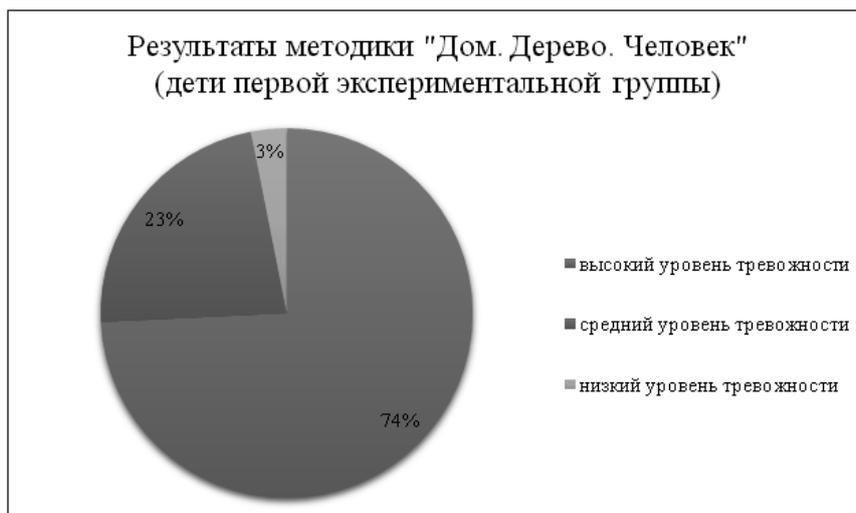

Рис. 4. Результаты методики «ДДЧ» (дети с нарушением двигательной сферы)

Рис. 5. Результаты методики «ДДЧ» (дети с нормальным развитием)

личных социальных групп, но и сложности внутрисемейной ситуации: сами родители не могут обеспечить комфортный режим взаимодействия с большим ребенком. Применение в практике семейного воспитания эф-

фективных методов психологической поддержки с целью выработки у ребенка чувства собственной важности, уважения, принятия себя, компенсируют его физические несовершенства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесникова Г.Ю. Субъективный мир личности с нарушениями двигательной сферы: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.10 / Г.Ю. Колесникова. М.: РГБ, 2012. 189 с.
2. Колесникова Г.Ю. Изучение когнитивного и эмоционально-ценностного компонентов Я-концепции молодых людей с нарушением двигательной сферы // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 49-1. С. 45-50.
3. Овчинникова И.В., Пчелинцева Е.В. Особенности когнитивного и эмоционально-ценностного компонентов Я-концепции у лиц с нарушениями функций двигательной сферы на этапе ранней реабилитации // Вестник Ивановской медицинской академии. 2016. Т. 21. № 3. С. 14-19.
4. Калижнюк Э.С. Психические нарушения при ДЦП. Киев: Высшая школа. 1987. 309 с.
5. Семаго Н.А., Семаго М.М. Теория и практика психического развития ребенка. Дошкольный и младший школьный возраст. – СПб.: Речь, 2006. –384 с.

© Гутова Тамара Сергеевна (zhurzhu@mail.ru), Пидшморга Юлия Владимировна (ypidshmorga@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА

Косолап Андрей Владимирович

Новосибирский военный институт
имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации
kossolap_galina@mail.ru

PECULIARITIES OF MOTIVATIVE-VALUE PREFERENCES OF COURSES OF THE MILITARY INSTITUTE

A. Kosolap

Summary: The article describes the results of a theoretical and empirical study of the peculiarities of the motivational and value preferences of cadets of a military institute. Traditionally, value and motivation are studied as interrelated concepts that ensure successful performance and professional development of an individual. A detailed assessment of the structure of relationships and the determination of dynamic trends in the correlation of values and characteristics of motivation make it possible to reach a new level of understanding of the value-motivational sphere as the basis for the success of the professionalization of a serviceman.

Keywords: peculiarities of motivational-value preferences, cadet of a military institute, profession, military specialist.

Аннотация: В статье представлено описание результатов теоретического и эмпирического исследования особенностей мотивационно-ценностных предпочтений курсантов военного института. По традиции ценности и мотивация изучаются как взаимосвязанные понятия, которые обеспечивают успешную деятельность и профессиональное становление личности. Детальная оценка структуры взаимосвязей и определение динамических тенденций соотношения ценностей и особенностей мотивации дают возможность выйти на новый уровень понимания ценностно-мотивационной сферы как основы успешности профессионализации военнослужащего.

Ключевые слова: особенности мотивационно-ценностных предпочтений, курсант военного института, профессия, военный специалист.

Актуальность исследования. Современность характеризуется тенденцией того, что у молодежи снижается значимость ценностей, связанных с духовными интересами и на первое место становятся ценности социального удовлетворения и материального благополучия. Конечно же, такие изменения влияют и на выбор профессии. Этот факт оказывает влияние и на интеллектуальные возможности личности.

Реализация военной реформы, проводимой в Российской Федерации, подразумевает под собой формирование Вооруженных Сил принципиально нового качества. Результаты военной реформы, ее успех будет зависеть от создания эффективной системы профессиональной подготовки, обеспечивающей формирование и развитие высокопрофессиональных навыков и умений, духовно-нравственных и морально-психологических свойств и качеств у военных специалистов.

Неоспорим факт того, что человек осознает окружающий его мир через призму ценностей. В литературе существует множество определений понятия «ценности». Так же в исследованиях данной проблематики отмечается, что причины многозначности понятия «ценности» заключаются в том, что ценности являются частью когнитивной структуры личности, а также элементами мотивационно-потребностной сферы человека. Ценности человека связывают когнитивную и мотивационную сферы.

В своих работах Д.А. Леонтьев [2] рассматривал несколько трактовок понятия «ценности». Ценности рассматривались им, как мнение, убеждение или представление человека, как социальные установки, как побудительная сила. [2]. Г. Оллпорт, полагая, что источником большинства ценностей личности является мораль общества, выделяет также ряд ценностных ориентации, не продиктованных моральными нормами, например, любознательность, эрудиция, общение и другое. Моральные нормы и ценности формируются и поддерживаются посредством внешнего подкрепления [7]. Ш. Шварц разработал теорию динамических отношений между ценностями. По его мнению, «...существуют еще два мотивационных блока – универсализм и безопасность, которые выражают как индивидуальные, так и групповые интересы» [9].

В австрийской психологической школе (А. Мейнонг, Х. Эренфельс, И. Крейбиг) ценности понимаются как исключительно субъективный феномен. По Х. Эренфельсу «...ценность объекта определяется его желаемостью, которая, в свою очередь, определяется возможностью получения удовольствия. Иерархия ценностей, таким образом, выстраивается, исходя из способности объектов приносить удовольствие, либо неудовольствие» [10]. Как пишет Г. Оллпорт, «...ценность, в моем понимании – это некий личностный смысл. Ребенок осознает ценность всякий раз, когда смысл имеет для него принци-

альную важность» [7].

В. Франкл понимал под ценностями личности «... смыслы, присущие большинству членов общества, всему человечеству на протяжении его исторического развития» [4]. Развитие личности, по Л.С. Выготскому, «... обусловлено освоением индивидом ценностей культуры, которое опосредовано процессом общения» [1]. По его словам, «...значения и смыслы, зарождаются в отношениях между людьми, в частности, в прямых социальных контактах ребенка со взрослыми, затем посредством интериоризации «вращиваются» в сознание человека» [1]. С.Л. Рубинштейн пишет, что «...ценности производны от соотношения мира и человека, выражая то, что в мире, включая и то, что создает человек в процессе истории, значимо для человека.» [8]. Статус, роли и ценностные ориентации, по словам Б.Г. Ананьева, «...образуя первичный класс личностных свойств, определяют особенности структуры и мотивации поведения и, во взаимодействии с ними, характер и склонности человека.» [10].

Известный американский психолог А.Х. Маслоу в 1954 г. создал иерархическую модель мотивации («Мотивация и личность»), предложив классификацию человеческих потребностей. По его мнению, «...мотивы, потребности и цель являются основными составляющими мотивационной сферы человека. Мотивы напрямую связаны с ценностями, поэтому каждый человек имеет разные мотивы для своей деятельности, работы, творчества» [5].

В современной отечественной психологической науке мотивационно-ценностные предпочтения личности определяются как: интегративная динамическая система свойств человека, включающая взаимосвязанные мотивы, интересы, цели, ценностные ориентации, установки, убеждения, идеалы, обеспечивающие его активность в жизнедеятельности и профессиональной деятельности.

Таким образом, теоретический анализ работ, посвященных изучению представления, понимания и определения сущности мотивационно-ценностных предпочтений личности и ее структуры, позволили составить характеристику профессионально - ценностных ориентаций будущих военных специалистов.

В психологии и педагогике проблеме изучения ценностных ориентаций студентов уделяется особое внимание, так как это сенситивный период для развития и принятия ценностей профессиональной деятельности.

Анализ теоретических источников по изучаемой нами проблематике показал, что различные условия влияют на формирование профессиональных ценно-

стей: возрастные изменения, способы осуществления профессиональной деятельности, погружение в социальную и профессиональную среду, социально-экономические условия жизни.

В исследованиях по психологии труда отмечается, что «...профессиональное самоопределение, выражающееся в ценностном выборе основных научных и профессиональных идей, подразумевается под профессионально ценностями ориентациями студентов» [2]. М.С. Яницкий в своих исследованиях указывает на то, что «... именно в студенческом возрасте осуществляется формирование профессиональных ценностных ориентаций. Студент в процессе обучения в институте становится субъектом и объектом профессиональной социализации и адаптации, в процессе которой он усваивает главный компонент профессионального мировоззрения, а также ценности профессионального сообщества. Развитие личности как профессионала содержит в себе отношение к профессии, склонности и способности, мотивы выбора, профессиональные интересы [10].

В системе индивидуальных ценностных ориентации одно из основных мест занимают ориентации на профессиональные ценности, исследователи считают их формирование важнейшим условием не только профессионального самоопределения, но и становления личности в целом [2].

По мнению Р.В. Овчаровой «... ценностные ориентации являются неотъемлемой составляющей структуры личности, являющихся осью сознания, вокруг которой вращаются Действия и чувства человека из точки зрения, которых решаются многие жизненные вопросы, поэтому профессионально ценностная ориентация должна быть системной на протяжении всего профессионального обучения будущих офицеров. Такой подход к организации военно-профессионального образования требует, чтобы методы профессионально-ценностной ориентации пронизывали весь образовательный процесс. В таком смысле военная педагогика является объединяющим, интегрирующим компонентом всей профессиональной подготовки будущих офицеров, позволяющим понять военное образование и его отдельные компоненты» [6].

Экспериментальной базой нашего исследования послужил Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. В исследовании приняли участие курсанты 1 курса Новосибирского военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. Выборка исследования составила 60 респондентов, в возрасте от 18 до 20 лет.

На первом, организационном этапе, нами был осуществлён подбор диагностического инструментария для исследования особенностей мотивационно-ценностных предпочтений курсантов. Для проведения эксперимента были выбраны следующие диагностические методики:

1. Методика «Определение сформированности ценностных ориентаций» (Б.С. Круглов).
2. Мотивационный тест Герцберга (Тест Херцберга).
3. «Мотивы выбора профессии» (Р.В. Овчарова.) [6].

Для изучения особенностей мотивационно-ценностных предпочтений обучающихся военного института были применены следующие методы исследования:

1. Теоретические методы: анализ источников мотивационно-ценностных предпочтений обучающихся военного института.
2. Эмпирические методы: тестирование.
3. Методы обработки: количественные и качественные методы обработки результатов.

На втором этапе был осуществлен эксперимент посредством тестирования курсантов.

На третьем этапе осуществлялась обработка, количественный и качественный анализ полученных диагностических данных.

Результаты исследования. Результаты исследования курсантов по методике «Определение сформированности ценностных ориентаций» Б.С. Круглова. У курсантов военного института выявлено, что 47% респондентов составляют группу ценности-цели, это свидетельствует о том, что у них преобладают терминальные ценности, которые отражают долговременную жизненную перспективу, то, к чему человек стремится сейчас и в будущем. У 53% респондентов преобладают инструментальные цен-

ности, которые составляют группу ценности-средства. Инструментальные ценности характеризуют средства, которые выбираются для достижения целей жизни. Они выступают в качестве инструмента, с помощью которого можно реализовать терминальные ценности.

Наглядно рассмотрим результаты ценностных ориентаций по методике «Определение сформированности ценностных ориентаций» Б.С. Круглова на рисунке 1.

Исходя из данных, представленных на рисунке 1 можно сделать вывод, что у курсантов военного института преобладают терминальные ценности, которые отражают долговременную жизненную перспективу, то, к чему человек стремится сейчас и в будущем. Ценности-цели и ценности-средства должны согласовываться между собой. Благородную цель, например, нельзя воплощать никакими средствами, а если для её утверждения нужны именно такие средства, то она не является благородной.

Согласно результатам изучения терминальных и инструментальных ценностей были получены следующие результаты: 74% курсантов терминальные ценности являются более значимыми, в частности, такие ценности как: материальная обеспеченность, здоровье, хорошие и верные друзья, познание, интересная работа, уверенность в себе.

Инструментальные ценности являются значимыми 77% курсантов, это такие ценности как: воспитанность, эффективность в делах, широта взглядов, честность, ответственность.

Проанализируем результаты исследования курсантов по методике Р.В. Овчаровой «Мотивы выбора профессии».

Внутренние мотивы выбора той или иной профес-

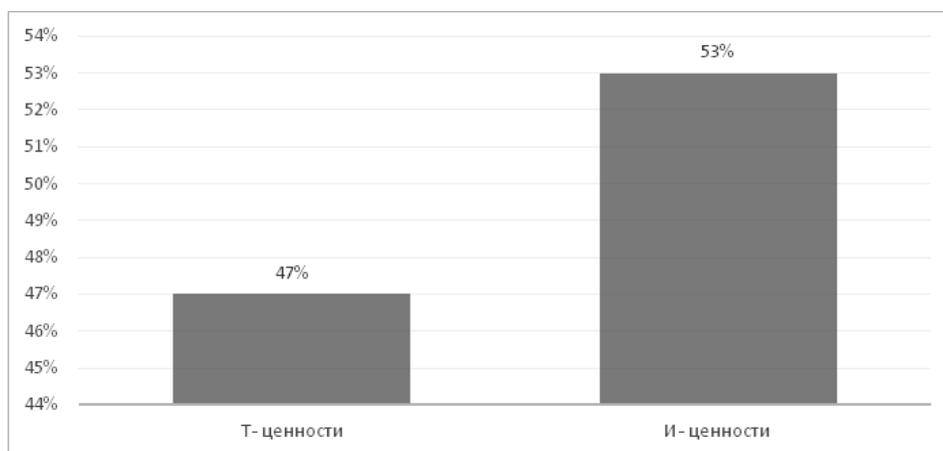

Рис. 1. Диагностические результаты ценностных ориентаций курсантов по методике «Определение сформированности ценностных ориентаций» Б.С. Круглова

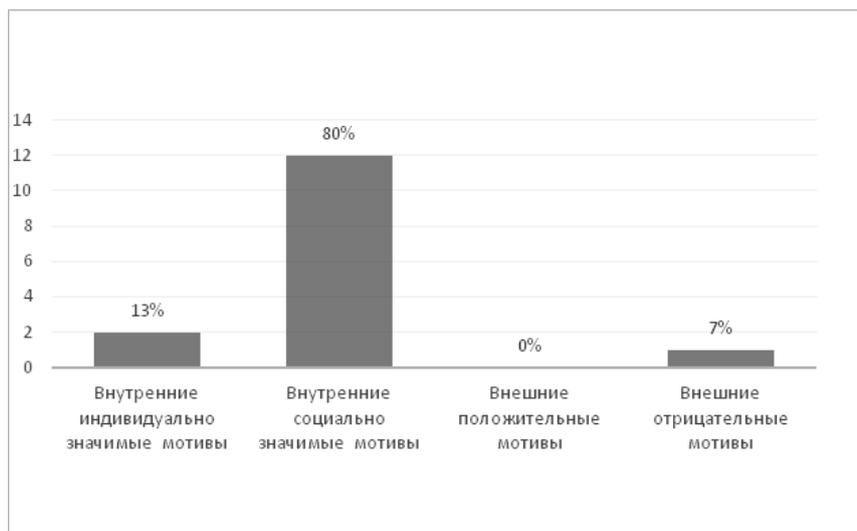

Рис. 2. Диагностические результаты курсантов по методике Р.В. Овчаровой «Мотивы выбора профессии»

сии – её общественная и личная значимость; удовлетворение, которое приносит работа благодаря ее творческому характеру; возможность общения, руководства другими людьми. Внутренняя мотивация возникает из потребностей самого человека, поэтому на ее основе человек трудится с удовольствием, без внешнего давления. У 13% курсантов преобладают внутренние индивидуально значимые мотивы. Внутренние социально значимые мотивы преобладают у 80% курсантов. Внешняя мотивация – это заработок, стремление к престижу, боязнь осуждения, не удачи. Внешние мотивы можно разделить на положительные и отрицательные. К положительным мотивам относятся: материальное стимулирование, возможность продвижения по службе, одобрение коллектива, престиж, то есть стимулы, ради которых человек считает нужным приложить свои усилия. К отрицательным мотивам относятся воздействия на личность путем давления, наказаний, критики, осуждения и других санкций негативного характера. Внешних положительных мотивов у курсантов не выявлено. Наглядно представим результаты по методике Р.В. Овчаровой «Мотивы выбора профессии» курсантов рис. 2.

Опираясь на данные гистограммы, мы можем сделать вывод, что у курсантов преобладают внутренние социально значимые мотивы, которые составляют 80%. Преобладание внутренних мотивов наиболее эффективно с точки зрения удовлетворенности трудом и его производительности. То же самое можно сказать и относительно положительной внешней мотивации.

Герцберг выделил две категории, которые он назвал гигиеническими факторами и факторами мотивации. Результаты исследования курсантов по тесту Герцберга определено, что всего у 27% респондентов ярко выражен компонент – достижение личного успеха, и у 7% компонент – ответственность работы, больше ярко вы-

раженных компонентов не выявлено, большая часть шкал находится в категории среднего значения. Диагностические результаты курсантов по тесту Герцберга. Анализируя данные, можно заметить, что у 47% курсантов средне выражен мотивационный фактор, и у 53% ярко выражен. У 93% средне выражен гигиенический фактор, и у 7% слабо выражен.

Гигиенические факторы – внешние факторы неудовлетворенности по отношению к работе, которые снимают неудовлетворенность работой. Их еще называют факторами здоровья. Они связаны с окружающей средой, в которой осуществляется работа. У курсантов 93% средне выражен данный фактор, и у 7% слабо выражен.

Мотиваторы – это внешние факторы удовлетворенности, направленные на успех, продвижение по службе, признание и одобрение результатов работы, высокая степень ответственности за выполняемое дело, возможность творческого и делового роста. У курсантов фактор слабо выражен у 13%, средне выражен у 80%, и ярко выражен у 7%.

С целью выявления взаимосвязей между изучаемыми характеристиками мотивационно-ценностных предпочтений курсантов военного института данные исследования были обработаны нами с помощью программы «STATISTICA – 16.0». Для выявления взаимосвязей между изучаемыми характеристиками мы использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Данный метод позволяет определить степень тесноты связи порядковых признаков. В результате были получены взаимосвязи между шкалами «Внутренние социально значимые мотивы» положительно коррелирует со шкалами: «Ценности-цели» (0,71 при $r^* \geq 0,5$); «Ценности-средства» (0,68 при $r^* \geq 0,5$); «Гигиенические факторы» (0,66 при $r^* \geq 0,5$); «Мотивационные факторы» (0,68 при $r^* \geq 0,5$).

Выводы. На современном этапе развития общества, в условиях его глубокого реформирования, все больше уделяется внимания разработке эффективных психолого-педагогических механизмов, способных оказывать положительное воздействие на развитие личности будущих специалистов, на её формирование в коллективе, социуме. Рассмотренные аспекты анализа формирования ценностных ориентаций курсантов военных вузов, результаты констатирующего эксперимента позволяют сделать вывод, что изучать их довольно сложно.

Раскрыв смысл, и сформулировав определение ценностных ориентации и предпочтений курсантов, можно сделать акценты на содержательные аспекты компонентов установок. Можно, пожалуй, сказать, что личностная система ценностной ориентации формируется под влиянием сложных взаимодействующих между собой, различных факторов и компонентов.

Военная сфера деятельности накладывает особый отпечаток на формирование ценностных ориентации и предпочтений личности курсанта – будущего офицера. Специфика армейского образа жизни активизирует определенные компоненты системы мотивационно-ценностных предпочтений, влияющих на различные аспекты развития индивида в социуме.

В результате проведенного исследования мотивационно-ценностных предпочтений курсантов первого курса обучения, было выявлено, что у 74% курсантов доминируют терминальные ценности и являются более значимыми, в частности, такие ценности как: материальная обеспеченность, здоровье, хорошие и верные друзья, познание, интересная работа, уверенность в себе. У 20% терминальные ценности имеют среднее значение, это такие ценности как: удовольствия, красота, любовь, творчество, активная деятельная жизнь.

Инструментальные ценности являются значимыми 77% курсантов, это такие ценности как: воспитанность, эффективность в делах, широта взглядов, честность, ответственность. У 23% инструментальные ценности имеют среднее значение, в частности это ценности: высокие запросы, чуткость, нетерпимость к недостаткам в себе и в других, рационализм.

Исходя из данных исследования можно сделать вывод, что для курсантов военного института, более значимы такие ценности как: хорошие и верные друзья и уверенность в себе, воспитанность и эффективность в делах. Эти ценности будут выступать особенностью ценностных предпочтений курсантов военного института.

Еще одной особенностью курсантов военного института является мотив выбора профессии, где 80% респондентов имеют внутренние социально-значимые мотивы. Данные результаты говорят о том, что для курсантов является важным возможность принести своим трудом пользу обществу, достигнуть хороших результатов.

Также было выявлено, что у 53% респондентов ярко выражен мотивационный фактор, что говорит о том, что курсанты направлены на успех, продвижение по службе. Они мотивированы работать, когда видят цель и считают возможным её достижение.

Следовательно, гипотеза о том, что курсанты военного института обладают такими мотивационно-ценностными особенностями как: возможность принести своим трудом пользу обществу; возможность добиться успеха и продвигаться по службе; возможность быть эффективным в делах; возможность иметь хороших и верных друзей, находит свое подтверждение в результатах нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский, Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский // под ред. В.В. Давыдова. – Москва : Педагогика-Пресс, 1996. – 189 с.
2. Леонтьев, Д.А. От социальных ценностей к личностным: социогенез и феноменология ценностной регуляции деятельности / Д.А. Леонтьев // Вестник МГУ.– Сер.14.Психология.–1996. – № 4. – С. 22-25.
3. Леонтьев, Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций / Д.А. Леонтьев. – Москва, 1992. – 120 с.
4. Макклелланд, Д. Мотивация человека / Д. Макклелланд.–Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 672 с.
5. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург: Питер, 2014. – 290 с.
6. Овчарова, Р.В. Практическая психология образования / Р.В. Овчарова. – Москва: «Академия», 2003. – 446 с.
7. Оллпорт, Г. Личность в психологии / Г. Оллпорт. – Москва: Ювента, 1998.– 133 с.
8. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Москва, 2015. –143 с.
9. Шварц, Ш. К теории универсального содержания и структуры ценностей: расширения и кросс-культурные репликации / С.Х. Шварц, В. Билски // Журнал личности и социальной психологии. – 1990. – № 58. – 879 с.
10. Яницкий, М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.
11. Adams, D.P. The stories we live by: Personal myths and the making of the self. – New York-London: The Guilford press, 2010. – P. 27–37.
12. Brewer, M.B. The Social Self: On being the same and different // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2001. – 17. 5. 475-487. – P. 475–487.

13. Erikson, E.H. Life cycle. In *International Encyclopedia of the Social Sciences* // New York: Crowell Collier & Macmillan. – 1968. – P. 286–292.
14. Jung, C. *Analytical Psychology: Its Theory and Practice (The Tavistock Lectures)* // Ark Paperbacks, 1990. – 242 p.
15. Kelly, G.A. *The psychology of personal constructs*. – N.Y.: Norton, 1999 – 234 p.
16. Klochko, Vitaly Y. *Modern Psychology: Systems Meaning of a Paradigm Shift* // *Psychology in Russia: State of the Art* / Ed. by Y.Zinchenko & V.Petrenko. – Moscow: Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008. – 388 p.
17. Loginova, I.O., Chupina, V.B., Zhivaeva, Y.V. *Sociocultural Characteristics of Psychological Education in the Context of Systemic-Anthropological Approach* // *Journal of Social Sciences*. – V. 8. – № 2. – P. 281-293.
18. Marcia, J.E. *Identity in adolescence* // Adelson J. / (ed.). *Handbook of adolescent psychology*. – N.Y.: John Willey, 1990. – 334 p.

© Косолап Андрей Владимирович (kossolap_galina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АЛЬТРУИЗМА: КРАТКИЙ ОБЗОР ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

PERSPECTIVES FOR THE STUDY OF ALTRUISM: A BRIEF OVERVIEW OF FOREIGN RESEARCHES

E. Leonova

Summary: The article provides a brief overview of foreign theories of altruism according to the model of helping and altruism by J.F. Dovidio, L.A. Penner. The article presents researches that prove the connection between empathy and altruism, in which empathy acts as an affective component and a dispositional personality trait. Promising researches of altruism include the study of narcissistic personality traits, altruism born of suffering, and the impact of altruism on happiness, health, and well-being.

Keywords: altruism, altruistic motivation, helping behavior.

Леонова Екатерина Николаевна

Аспирант, Удмуртский государственный университет
(г. Ижевск); Преподаватель, Ижевская государственная
медицинская академия,
leonova@psyman.pro

Аннотация: В статье проводится краткий обзор зарубежных теорий альтруизма согласно модели помощи и альтруизма J.F. Dovidio, L.A. Penner. Представлены исследования, доказывающие связь эмпатии с альтруизмом, в которых эмпатия выступает как аффективный компонент и диспозиционная черта личности. К перспективным исследованиям альтруизма относится его изучение с учетом нарциссических черт личности, альтруизм, порожденный страданием, и влияние альтруизма на счастье, здоровье и благополучие.

Ключевые слова: альтруизм, альтруистическая мотивация, помогающее поведение.

Исторически изучение терминов «просоциальное поведение» (prosocial behavior) и «альтруизм» (altruism) началось в социологических теориях второй половины XIX века, где просоциальное поведение использовалось как антоним антисоциального поведения [3]. Для объяснения просоциального поведения социолог О. Конт в 1875 г. ввел понятие «альтруизм», противопоставляя его эгоизму. Русско-американский социолог П.А. Сорокин в 1950 г. одним из первых исследователей провел систематическое эмпирическое изучение альтруистических личностей, используя метод экстремальных групп. В дальнейшем этот метод использовался для анализа альтруистических личностей и героических поступков во время Второй мировой войны.

В зарубежной социальной психологии изучение «помогающего поведения» (helping behavior) и альтруизма началось с анализа случая Китти Дженовезе в 1964 г. Психологами J.M. Darley, B. Latane в 1968 г. была опубликована первая эмпирическая статья с моделированием данного случая [8]. В дальнейшем авторы разработали модель принятия решения о помощи в чрезвычайных ситуациях и описали «эффект свидетеля» (bystander effect).

Во второй половине XX в. в социальной психологии изучались детерминанты альтруизма при помощи лабораторных экспериментов, выявляя социальные и ситуационные факторы помощи. В это же время в социологии анализировались социальные движения, рассматривающие вместе просоциальное поведение, помогающее поведение и альтруизм.

Целью статьи является краткий обзор и систематизация зарубежных теорий альтруизма согласно модели помощи и альтруизма J.F. Dovidio, L.A. Penner. Обзор зарубежных теорий дополнен результатами современных эмпирических исследований альтруизма.

При соотношении терминов просоциальное поведение, помогающее поведение (помощь) и альтруизм, просоциальное поведение является наиболее широким понятием. Просоциальное поведение «включает в себя целый ряд видов поведения, направленных на благо других, таких как помощь, участие, сотрудничество, утешение и пожертвования на благотворительность» [9, р. 162]. Помогающее поведение относится к «просоциальным действиям в диадических ситуациях, в которых один человек нуждается, а другой оказывает необходимую помощь для устранения потребности другого» [24, р. 140]. Исходя из целей помощи, альтруизм выступает как «мотивационное состояние с конечной целью повышение благосостояния другого» [1, р. 16], когда при эгоизме результат помощи идет на благо самого человека.

Модель помощи и альтруизма предложена J.F. Dovidio, L.A. Penner [9], которая в виде пирамиды иерархически связывает теории и исследования в области помогающего поведения и альтруизма. Авторы выделили пять уровней: первые уровни описывают базовые теории просоциального поведения, уровни постепенно сужаются до пятого уровня - формы помощи. В своем исследовании за основу классификации теорий альтруизма мы взяли данную модель и дополнили ее результатами современ-

ных исследований.

Первый уровень модели помощи и альтруизма содержит теории, связанные с эволюционными процессами и включенной приспособленностью (С. Darwin, W.D. Hamilton, N.L. Segal и др.) Одним из компонентов включенной приспособленности является родственный отбор, когда спасение жизни родственников, даже ценой собственной жизни, увеличивает частоту встречаемости генов в поколениях. Под реципрокным (взаимным) альтруизмом R.L. Trivers понимает генетическую предрасположенность к взаимопомощи, увеличивающую включенную приспособленность и вероятность передачи генов родственникам [33]. Как отмечает Н.А. Simon, альтруистические индивиды вносят вклад в формирование общества, поэтому с большей вероятностью выживут, передавая генетические предрасположенности потомкам [27].

В экспериментальном исследовании при сравнении монозиготных и дизиготных пар близнецов J.P. Rushton, D.W. Fulker, M.C. Neal, D.K. Nias, H.J. Eysenck выявили генетическую наследуемость альтруизма [27]. В их исследовании альтруизм возрастал в возрасте от 19 до 60 лет, при чем в каждом возрасте женщины имели более высокие баллы по альтруизму, чем мужчины. Объяснение полученных результатов заключалось в гонадном гормоне тестостероне, который уменьшается с возрастом, тем самым снижает агрессивность и повышает эмпатию.

S. Stewart-Williams обнаружил отличия в стоимости помощи и взаимного обмена между родственниками и друзьями [32]. В его исследовании подтвердилось, что с возрастанием стоимости помощи родственники получали больше помощи, чем друзья. Большая степень родства была связана с более высоким уровнем помощи. Уровень взаимного обмена был выше среди друзей, чем родственников, однако среди родственников тоже был высокий уровень взаимного обмена.

Кроме экспериментальных исследований с выбором помощи в конкретных ситуациях продолжается поиск причин альтруизма на генетическом уровне. А. Knafo, S. Israel приводят доказательства наследуемости просоциального поведения на генном уровне [18]. В их исследованиях обсуждаются взаимодействия между генетическими и средовыми факторами просоциального поведения, выявлена более высокая наследуемость альтруизма в семьях с дополнительными братьями и сестрами.

C.D. Watson подчеркивает важность отличий эволюционного альтруизма от психологического [11]. Эволюционный альтруизм характерен эволюционным психологам и биологам, которые рассматривают альтруизм как снижение собственной приспособленности ради повышения приспособленности другого, принесение

себя в жертву ради другой особи. «Психологический альтруизм - это мотивация с конечной целью повышения благосостояния другого... Эволюционный альтруизм не является ни необходимым, ни достаточным условием для возникновения психологического альтруизма» [11, р. 17].

Второй уровень модели помощи и альтруизма включает теории, объясняющие оказание помощи и проявления альтруизма *через когнитивные и аффективные процессы* (C.D. Batson, J.F. Dovidio, N. Eisenberg, J.E. Grusec, E. Staub и др.), обоснованные через процессы обучения, возбуждения и аффекта. E. Staub описывает становление форм помощи через оперантное обучение, обусловленное аффективным положительным и негативным подкреплением [31]. J.E. Grusec, M. Davidov, L. Lundell подчеркивают важность социального обучения для усвоения моделей поведения, которые имеют долгосрочное влияние на социальную норму помощи [15].

J.E. Grusec, J.J. Goodnow изучали влияние родителей на формирование у детей интернальных тенденций помощи [16]. Авторы предположили, что первый этап интернализации ценностей помощи включает точное восприятие детьми сообщения агента социализации (обычно родителя), второй этап – принятие этого сообщения. Первый этап связан с четким, частым и последовательным выражением ценности помощи в соответствии с познавательными способностями ребенка. Второй этап интернализации связан с тремя переменными. Первая переменная – это аргументы в пользу просоциального поведения, когда требования родителей кажутся разумными и вмешательство ребенка соответствует его темпераменту и настроению. Наказания детей за отказ от помощи в меньшей степени способствует интернализации ценностей помощи. Вторая переменная связана с мотивацией принять сообщение от родителя, когда возникает эмпатическое возбуждение и желание угодить родителю при минимальных угрозах автономии ребенка. Третья переменная – ребенок должен чувствовать, что руководствуется нормой, выработанной им самим.

При рассмотрении аффективных процессов подкрепления помощи J.E. Grusec, M. Davidov, L. Lundell выделяют различия между эмпатией и сопереживанием [15]. Эмпатия (empathy) в ходе социального обучения выступает как сопереживание и правильнее использовать термин сочувствие (sympathy). Как отмечают авторы, сочувствие является аффективной реакцией на чужое страдание и выражается в чувстве печали или беспокойстве за другого.

C.D. Watson вводит необходимость отличия эмпатии и сочувствия от личных страданий [1]. Эмпатия и сочувствие ориентированы на других, когда личные страдания являются самонаправленными реакциями и вклю-

чают негативные эмоции (тревогу, беспокойство). За счет эмпатии и сочувствия помощь оказывается с целью улучшения состояния другого, когда при личных страданиях - для облегчения собственного дискомфорта, возможно даже отсутствие просоциального поведения (например, уход из ситуации).

Исследования N. Eisenberg, N.D. Eggum показали, что личные страдания вызывают более высокий уровень физиологического возбуждения, чем сочувствие [12]. Люди с развитой саморегуляцией сочувствуют вне зависимости от силы эмоциональной реактивности, способны поддерживать оптимальный уровень эмоционального возбуждения и не доводят его до высокого (личных страданий).

Большинство авторов признают роль эмпатического возбуждения как аффективно-мотивационного компонента просоциального поведения, но у них нет единства понимания природы эмоций и того, что именно заставляет людей помогать другим. Так в модели «возбуждение: затраты-вознаграждение» (arousal: cost-reward model) эмпатическое возбуждение несет мотивационный компонент для оказания помощи, но форма помощи будет зависеть от анализа затрат и вознаграждений [10]. Помощь другим – это способ снизить возникшее возбуждение, но вознаграждения от помощи должны превосходить личные затраты.

На третьем уровне модели помощи и альтруизма представлены теории, учитывающие *ситуационные, социальные и личностные факторы* (J.M. Darley, B. Latane, L. Berkowitz, G.H. Hofstede, L.A. Penner и др.) J.M. Darley, B. Latane одними из первых разработали модель принятия решения о вмешательстве стороннего наблюдателя [20]. Модель включает пять этапов: заметить, что что-то не так; определить это как ситуацию, которая требует какого-то вмешательства; решить, брать ли на себя личную ответственность; решить, какую помощь оказать; осуществить выбранные действия. Отрицательное решение на любом этапе может привести к отказу в помощи. В последствии эта модель использовалась для оценки многих ситуаций, от вождения автомобиля в нетрезвом виде до решения пожертвовать почку.

Рискованный альтруизм (risky altruism), как анализ героических поступков, «проявляется в уникальных сочетаниях пространства и времени; ... его трудно предвидеть» [11, р. 7]. S.W. Becker, A.H. Eagly выявили гендерные особенности в проявлении рискованного альтруизма в ситуациях с риском для собственной жизни: при попытке спасения других было больше мужчин, когда женщинам более свойственно быть среди спасателей холокоста, доноров почек, добровольцев корпуса мира и врачей [4]. Объяснение различий связано с усвоением гендерных норм и существующими в обществе культур-

ными стереотипами.

В процессе социализации формируются ценности, оказывающие влияние на проявление альтруизма в обществе. S.W. Smith, M.K. Lapinski, M.J. Bresnahan, S.L. Smith подчеркивают важность роли культуры в формировании личности и поведения [28]. Авторами предполагается, что в индивидуалистических культурах альтруистическое поведение исходит из личного решения и выбора, когда в коллективистских культурах альтруистическое поведение - вопрос роли и обязательства.

Нормативные теории помощи связаны с ожиданиями от других, основанных на социальном обучении или поведении с социально приемлемой реакцией. L. Berkowitz указывает, что согласно норме социальной ответственности, люди должны помогать тем, кто от них зависит, даже если от этого не будет ощутимой выгоды [5]. При этом автор вводит исключение, что люди менее обязаны придерживаться норме социальной ответственности, если взаимозависимые отношения нежелательны или угрожают личной свободе и выбору.

Однако, как указывают J.F. Dovidio, L.A. Penner, социальные нормы действуют как общий стандарт поведения, при этом для конкретной ситуации важен учет личных норм и стандартов поведения [9]. Если в ситуации помощи предлагаются деньги или есть давление извне (внешние стимулы), то возможно менее альтруистичное поведение.

J.A. Everett, L. Caviola, G. Kahane, J. Savulescu, N.S. Faber в исследованиях показали, что участники жертвовали большую сумму денег на благотворительность, когда это был вариант по умолчанию (default effects) [14]. В серии экспериментов, где можно было оставить выбор по умолчанию – сделать пожертвование, или убрать выбор по умолчанию – оставить себе бонусные деньги, 81% респондентов выбирали пожертвование. Пожертвование как выбор по умолчанию воспринимался как социально нормативный вариант.

Просоциальные диспозиционные переменные - это «устойчивые личностные качества, которые во времени и ситуациях связаны с последовательностью проявления помогающих или альтруистических действий» [9, р. 178]. К демографическим переменным относят возраст, этническую принадлежность, социально-экономический статус, религию и пол. Предполагается, что люди при достижении материальных целей, начинают обращаться к целям, дающих больше смысла в жизни, поэтому люди становятся более склонны к благотворительности.

N. Eisenberg в исследованиях выявила, что женщины более склонны к помощи, чем мужчины, потому что женщины сильнее испытывают физиологическое возбуждение

и интерпретируют его как эмпатическую реакцию [12]. В исследованиях автора доказано, что просоциальные диспозиции, связанные с эмпатией, проявляются в позднем детстве и относительно стабильны во взрослой жизни [13].

L.A. Penner, B.A. Fritzsche, J.P. Craiger, T.R. Freifeld ввели более широкое понятие - просоциальная ориентация личности (prosocial personality orientation) [22]. В их исследованиях показано, что с просоциальным поведением и просоциальной личностью связана эмпатия, ориентированная на других (other-oriented empathy). Такие люди обладают сильным чувством социальной ответственности, сопереживают и чувствуют эмоциональную привязанность к нуждающимся, понимают проблемы, с которыми сталкивается жертва, и имеют повышенное чувство морального долга быть полезными. Другой характеристикой просоциальной ориентации личности является услужливость (helpfulness), связанная с поведенческим компонентом, когда люди в прошлом были чем-то полезны, и они верят, что могут быть чем-то полезны в будущем.

Четвертый уровень модели помощи и альтруизма учитывает цели и мотивы поведения (C.D. Batson, R.B. Cialdini и др.), выделяя эгоистические и альтруистические мотивы помощи. C.D. Batson под альтруизмом понимает «мотивационное состояние с конечной целью увеличения благосостояния другого. Альтруизм противопоставляется эгоизму, мотивационному состоянию с конечной целью повышения собственного благосостояния» [1, р. 16]. Автор подчеркивает важность выделения целей помощи и не отрицает, что сама помощь является снятием возникшего возбуждения. Оказание помощи может помочь избежать наказания или, наоборот, будет способствовать вознаграждению. Однако, при альтруистической мотивации это будет являться непреднамеренными последствиями.

R.B. Cialdini с соавторами предлагали модель облегчения негативного состояния (negative-state relief model), в которой предполагается, что люди помогают, чтобы чувствовать себя лучше [6; 7]. Помощь может служить вторичным подкреплением, усвоенным в ходе социализации, которое облегчает негативные состояния. В процессе помощи у человека снижаются негативные эмоциональные состояния (чувство вины, печаль), что является эгоистической мотивацией.

В исследованиях C.D. Batson с коллегами подтвердили, что у эмпатически возбужденных людей манипуляции с повышением настроения могут служить эффективным источником облегчения негативного состояния [2]. Однако, манипуляции настроением никак не влияли на высокоэмпатичных респондентов, которые демонстрировали большую помощь, чем респонденты с низкой эмпатией. Эти результаты исследований подтверждают

гипотезу о связи эмпатии с альтруизмом.

S.W. Smith с соавторами предлагают рассматривать альтруистическое поведение как «поведение, направленное на благо других, выходящее за рамки простой общительности или обязанностей, связанных с ролью (например, семьей или работой). Все альтруистические поступки, по определению, должны быть законными» [29, р. 711].

Таким образом, возможны альтруистические действия, выходящие за рамки предписанных социальных норм, ролей и правил поведения, в которых личные выгоды возможны как следствия от альтруистических мотивов помощи.

Пятый уровень помощи и альтруизма связан непосредственно с формой оказания помощи. J.F. Dovidio, L.A. Penner выделяют прямую форму помощи, связанную с личным участием в помощи, и косвенную, включающую опосредованные действия, например, вызов полиции [9]. Формы помощи можно еще разделить на краткосрочные и долгосрочные, персональные и анонимные. Бездействие в определенных ситуациях необходимо классифицировать как отказ от помощи, когда существуют внутренние или внешние барьеры для принятия решения о помощи.

За счет включенной приспособленности эволюционные подходы помощи и альтруизма объясняют оказание помощи родственникам и близким, что также может выражаться на генетической предрасположенности к просоциальному поведению. Активация такой предрасположенности происходит за счет когнитивных и аффективных процессов, среди которых важное место отводится аффективной эмпатии и условиям социализации, связанными с подкреплением помогающего поведения и усвоением моделей поведения в обществе. В зависимости от ситуационных, социальных факторов и личностных диспозиций происходит принятие решения о помощи, детерминированных альтруистической или эгоистической мотивацией. Помогательное поведение показывает результаты действий, когда альтруизм является мотивационным компонентом помощи.

Современные исследования строятся на основе многоуровневого понимания помогающего поведения и альтруизма. Как отмечает J.A. Piliavin, изучение помощи и альтруизма необходимо начинать с микро-генетико-физиологического уровня, через мезо-межличностный уровень и заканчивая макроорганизационным уровнем [23].

В серии исследований W.G. Graziano, M.M. Nabashi, B.E. Sheese изучалась связь между просоциальной мотивацией, эмпатией и помогающим поведением, учитывались личностные детерминанты испытуемых и использо-

валось манипулирование ситуационными переменными [37]. Исследование показало, что у людей с низкой просоциальной мотивацией, когда затраты на помощь высоки, попытки вызвать эмпатию ситуативно подрывали просоциальное поведение. Такие респонденты, вместо того чтобы быть эмоционально невосприимчивыми к жертвам, в ситуациях высоких затрат на помощь воспринимали страдание жертв более эгоцентрично и оказывали меньше помощи, потому им не хватало навыков смещения фокуса эмоциональных реакций (эмпатического аффекта и просоциальной мотивации) с себя на жертву и ее потребности.

Феномен альтруизма активно изучается в рамках позитивной психологии. A.S. Irani под позитивным альтруизмом (positive altruism) понимает «улучшение благосостояния, как дающего, так и получающего помощь» [17, р. 41]. Эмпатия может способствовать альтруистическим действиям, но также она может создать предвзятость в принятии решений и привести к эмоциональному заражению, как следствие, развитию выгорания и истощения. Автором предлагаются практики любящей доброты (loving-kindness meditation), способствующие развитию сопереживания и заботы, и одновременной защите от эмоционального заражения, что влияет на улучшение здоровья и благополучия.

S.G. Post в обзоре исследований связи альтруизма со счастьем и здоровьем показывает существование сильной корреляции между благополучием, счастьем, здоровьем и долголетием людей, которые эмоционально и поведенчески сострадательны, но при условии, если люди они не перегружены задачами помощи [25].

В основном просоциальное поведение изучается на основе прошлого положительного опыта, но введено понятие альтруизма, порожденного страданием (altruism born of suffering). Это современный мало изученный феномен, связанный с тем, как отмечает E. Staub, что люди после негативного жизненного опыта или травматических событий имеют склонность к антисоциальному поведению, но при трансформации своих переживаний такие люди демонстрируют помощь и желание заботиться о других [31]. J.R. Vollhardt предлагает введение трех переменных в модель альтруизма, порожденного страданием: категории травматического события и просоциального поведения, мотивационные процессы и волевые переменные [34].

В экспериментальных исследованиях J.R. Vollhardt, E. Staub показали, что люди, пострадавшие от неблагоприятных жизненных событий, с большей вероятностью окажут помощь нуждающимся внешним группам, чем те, кто не страдал [35]. Авторы обнаружили, что просоциальное отношение к жертвам цунами было самым высоким среди тех, кто пострадал подобным образом

(стихийных бедствий). Эффект опосредовали эмпатия и снижение внутригрупповых предубеждений, но не личные страдания. Для трансформации негативного жизненного опыта в альтруизм, порожденным страданием, предлагается рассмотрение жертв как потенциальных помощников общества.

Если рассматривать доминирующую теорию о связи эмпатии и альтруизма, то каким образом проявляется альтруизм у психопатических личностей? В.А. White отмечает, что основной чертой психопатии является отсутствие эмпатии [36]. В его исследовании обнаружена связь первичной психопатии с публичным просоциальным поведением и обратная связь с анонимным и альтруистическим просоциальным поведением, эти связи были опосредованы отсутствием эмпатии.

J.A. Palmer, S. Tackett, изучая связь темной триады (макиавеллизм, нарциссизм и субклиническая психопатия) с просоциальным поведением, выявили у испытуемых с выраженными особенностями темной триады низкий уровень эмпатии [21]. При этом такие личности проявляют просоциальное поведение, детерминированное личной пользой от помощи. В их исследовании нарциссизм положительно коррелировал с реципрокным альтруизмом и самоотчетными данными альтруистических поступков, отрицательно с аффективной эмпатией.

Как отмечают S. Konrath, Y. Tian, нарциссические личности могут заниматься просоциальной деятельностью, если она является легкой, быстрой и одноразовой, предполагающей четкие выгоды и вознаграждения для себя [19]. Авторами выявлено, что люди с нарциссическими чертами личности завышают данные при самооценке альтруистических поступков. В связи с этим становится актуальным изучение помогающего поведения и альтруизма с учетом нарциссических черт личности.

Подходы к изучению альтруизма начались с анализа поведения в чрезвычайных ситуациях и вышли на уровень изучения альтруизма как многоуровневого феномена. Доминирующей теорией существования альтруизма является связь эмпатии с альтруизмом, которая выступает как аффективный компонент (сочувствие) и как диспозиционная черта личности. В виду использования самоотчетных методов измерения альтруизма, в исследованиях необходимо учитывать нарциссические черты личности. Современные исследования альтруизма проводятся в рамках позитивной психологии, где альтруистические действия связаны с повышением счастья, здоровья и благополучия. Возможно использование альтруистических действий для включения и адаптации людей в общество после неблагоприятных жизненных событий. Проведенный обзор зарубежных исследований открывает новые возможности для изучения альтруизма в отечественной психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Batson C.D. Empathy-induced altruistic motivation / Mikulincer M., Shaver P.R. (Eds.). *Prosocial motives, emotions, and behavior*. Washington, DC: American Psychological Association, 2010. P. 15-35.
2. Batson C.D., Batson J.G., Griffitt C.A., Barrientos S., Brandt J.R., Sprenghelmeyer P., Bayly M.J. Negative-state relief and the empathy-altruism hypothesis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 56. P. 922-933.
3. Batson C.D., Powell A.A. Altruism and prosocial behavior / Millon T., Lerner M.J. (Eds.). *Handbook of Psychology: Personality and Social Psychology*, Vol. 5, Hoboken, NJ, US: John Wiley and Sons Inc, 2003. P. 463-84.
4. Becker S.W., Eagly A.H. The heroism of men and women // *American Psychologist*. 2004. Vol. 59. P. 163-178.
5. Berkowitz L. Reactance and the unwillingness to help others // *Psychological Bulletin*. 1973. Vol. 79. P. 310-317.
6. Cialdini R.B., Baumann D.J., Kenrick D.T. Insights from sadness: a three-step model of the development of altruism as hedonism // *Development Review*. 1981. Vol. 1. P. 207-223
7. Cialdini R.B., Darby B.L., Vincent J.E. Transgression and altruism: a case for hedonism // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1973. Vol. 9. P. 502-516.
8. Darley J.M., Latane B. Bystander intervention in emergencies: diffusion of responsibility // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968. Vol. 8. P. 377-383.
9. Dovidio J.F., Penner L.A. Helping and altruism / Fletcher G., Clark M.S. (Eds.). *International Handbook of Social Psychology: Interpersonal Processes*. Oxford: Blackwell Sci., 2001. P. 162-195.
10. Dovidio J.F., Piliavin J.A., Gaertner S.L., Schroeder D.A., Clark R.D. III. The Arousal: Cost/Reward Model and the process of intervention: a review of the evidence / Clark M.S. *Prosocial behavior*. Newbury Park, CA: Sage, 1991. P. 86-118.
11. Draguns, J.D. Altruism in its personal, social, and cultural contexts: an introduction / Vakoch D.A. (Ed.). *Altruism in Cross-Cultural Perspective*. New York: Springer, 2013. P. 1-16.
12. Eisenberg N., Eggum, N.D. Empathic responding: sympathy and personal distress / Decety J., Ickes W. (Eds.). *The Social Neuroscience of Empathy*. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. P. 71-83.
13. Eisenberg N., Guthrie I.K., Cumberland A., Murphy B.C., Shepard S.A., et al. Prosocial development in early adulthood: a longitudinal study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82. P. 993-1006.
14. Everett J.A., Caviola L., Kahane G., Savulescu J., Faber N.S. Doing good by doing nothing? The role of social norms in explaining default effects in altruistic contexts // *European Journal of Social Psychology*. 2015. Vol. 45(2). P. 230-241.
15. Grusec J.E., Davidov M., Lundell L. Prosocial and helping behavior / Smith P.K., Hart C.H. (Eds.). *Childhood Social Development: Blackwell Handbooks of Developmental Psychology*. Malden, MA: Blackwell Sci., 2002. P. 457-74.
16. Grusec J.E., Goodnow J.J. Impact of parental discipline methods on the child's internalization of values: a reconceptualization of current points of view // *Developmental Psychology*. 1994. Vol. 30. P. 4-19.
17. Irani A. Positive altruism: helping that benefits both the recipient and giver // *Master of Applied Positive Psychology (MAPP) Capstone Projects*, 152. 2018.
18. Knafo A., Israel S. Genetic and environmental influences on prosocial behavior / Mikulincer M., Shaver P. (Eds.). *Prosocial motives, emotions, and behavior*. Washington, DC: American Psychological Association, 2010. P. 149-169.
19. Konrath S., Tian Y. Narcissism and prosocial behavior / Hermann A.D., Brunell A.B., Foster J.D. (Eds.). *The handbook of trait narcissism: Key advances, research methods, and controversies*. New York, NY: Springer, 2018. P. 309-316.
20. Latané B., Darley J.M. *The unresponsive bystander: why doesn't he help?* New York, NY: Appleton-Century Crofts, 1970.
21. Palmer J.A., Tackett S. An examination of the dark triad constructs with regard to prosocial behavior // *Acta Psychopathologica*. 2018. Vol. 4. P. 1-3.
22. Penner L.A., Fritzsche B.A., Craiger J.P., Freifeld T.R. Measuring the prosocial personality / Butcher J., Spielberger C.D. (Eds.). *Advances in Personality Assessment*. Hillsdale, NJ: LEA, 1995. Vol. 10. P. 147-163.
23. Piliavin J.A. Altruism and helping: the evolution of a field: the 2008 Cooley-Mead presentation // *Social Psychology Quarterly*. 2009. Vol. 72. P. 209-225.
24. Poepsel D.L., Schroeder D.A. Helping and prosocial behavior / Biswas-Diener R., Diener E. (Eds.). *HKU PSYC2020, Fundamentals of Social Psychology*. Noba Textbook Series: Psychology. Champaign, IL: DEF Publishers, 2018. P. 141-158.
25. Post S.G. Altruism, happiness, and health: it's good to be good // *International Journal of Behavioral Medicine*. 2005. Vol. 12, N. 2. P. 66-77.
26. Rushton J.P., Fulker D.W., Neal M.C., Nias D.K., Eysenck H.J. Altruism and aggression: The heritability of individual differences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 50. P. 1192-1198.
27. Simon H.A. A mechanism for social selection and successful altruism // *Science*. 1990. Vol. 250. P. 1665-1668.
28. Smith S.W., Lapinski M.K., Bresnahan M.J., Smith S.L. Conceptual aspects of altruism in cross-cultural contexts / Vakoch D.A. (Ed.). *Altruism in cross-cultural perspective*. New York, NY: Springer, 2013. P. 17-29.
29. Smith S.W., Smith S.L., Pieper K.M., Yoo J.H., Ferris A.L., Downs E., Bowden B. Altruism on American television: examining the amount of, and context surrounding acts of helping and sharing // *Journal of Communication*. 2006. Vol. 56 (4). P. 707-727.
30. Staub E. Emergency helping, genocidal violence, and the evolution of responsibility and altruism in children / Davidson R.J., Harrington A. (Eds.). *Western Scientists and Tibetan Buddhists Examine Human Nature*. London: Oxford Univ. Press, 2002. P. 165-181.
31. Staub E. The roots of goodness: the fulfillment of basic human needs and the development of caring, helping and nonaggression, inclusive caring, moral courage,

- active bystandership, and altruism born of suffering / Carlo G., Edwards C. (Eds.). Moral motivation through the life span. Lincoln: University of Nebraska Press, 2005. P. 33-72.
32. Stewart-Williams S. Altruism among kin vs. nonkin: effects of cost of help and reciprocal exchange // *Evolution and Human Behavior*. 2007. Vol. 28. P. 193-198.
33. Trivers R.L. The evolution of reciprocal altruism // *Quarterly Review of Biology*. 1971. Vol. 46. P. 35-37.
34. Vollhardt J.R. Altruism born of suffering and prosocial behavior following adverse life events: a review and conceptualization // *Social Justice Research*. 2009. Vol. 22. P. 53-97.
35. Vollhardt J.R., Staub E. Inclusive altruism born of suffering: The effects of past suffering on prosocial behavior toward outgroups // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2011. Vol. 81. P. 307-305.
36. White B.A. Who cares when nobody is watching? Psychopathic traits and empathy in prosocial behaviors // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 56. P. 116-121.
37. Graziano W.G., Habashi M.M., Sheese B.E., Tobin R.M. Agreeableness, empathy, and helping: a person x situation perspective // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. Vol. 93, N. 4. P. 583-599.

© Леонова Екатерина Николаевна (leonova@psyman.pro).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Удмуртский государственный университет

ЧЕТЫРЕ ИЗМЕРЕНИЯ МАТЕРИНСКОЙ СЕПАРАЦИИ ВНУТРИ РАЗНЫХ СЕПАРАЦИОННЫХ КОНТЕКСТОВ В ЖИЗНИ МАТЕРИ

Сорокина Екатерина Николаевна

К.п.н., Институт Психологии Творчества,
Нижний Новгород
grinrys@yandex.ru

FOUR DIMENSIONS OF MATERNAL SEPARATION WITHIN DIFFERENT SEPARATION CONTEXTS IN THE MOTHER'S LIFE

E. Sorokina

Summary: Traditionally, the concept of separation is considered in the context of the process of forming the child's personality and gaining autonomy from the mother. However, the phenomenon of separation is not limited to the child-parent context: the author considers maternal separation an equally significant problem that requires attention of the psychological science, and far from understanding the latter just as the separation of the mother from the child, points out several other important aspects in it. These are different contexts of maternal separation, depending on the object from which the separation occurs. And these are also four dimensions that the separation process goes through: physical, emotional, cognitive and spiritual. The article examines each of the dimensions of the separation process in terms of different separation contexts, and also draws conclusions about the relationship and interactions of separation contexts and dimensions.

Keywords: motherhood, mothering, separation, separation process, child-parental separation, child-mother separation, maternal separation, objects of maternal separation, separation context, object of separation, maternal myth, dimensions of maternal separation, physical separation, emotional separation, cognitive separation, spiritual separation.

Аннотация: Традиционно понятие сепарации рассматривается в контексте процесса формирования личности ребенка и обретения им все большей автономии от матери. Однако феномен сепарации не ограничивается детско-родительским контекстом: не менее значимой проблемой, требующей рассмотрения в русле психологической науки, автор считает материнскую сепарацию, и не ограничиваясь пониманием последней как только сепарации матери от ребенка, выделяет в ней и другие значимые аспекты. Во-первых, это различные контексты материнской сепарации в зависимости от объекта, от которого происходит сепарация. Кроме того, это четыре измерения, которые проходит сепарационный процесс: физическое, эмоциональное, когнитивное, духовное. В статье подробно рассматривается каждое из измерений сепарационного процесса с точки зрения различных контекстов сепарации, а также делаются выводы о соотношениях и взаимодействии контекстов и измерений сепарации.

Ключевые слова: материнство, материнствование, сепарация, сепарационный процесс, детско-родительская сепарация, детско-материнская сепарация, материнская сепарация, объекты материнской сепарации, сепарационный контекст, контекст сепарации, объект сепарации, материнский миф, измерения материнской сепарации, физическая сепарация, эмоциональная сепарация, когнитивная сепарация, духовная сепарация.

Сепарация – тема, актуальная в сфере помогающих практик: детские педагоги и психологи изучают сепарационные кризисы, рассказывают о процессе сепарации и особенностях прохождения ее отдельных этапов родителям. Этапы прохождения ребенком сепарации в отечественной науке описываются в рамках концепций периодизации развития и возрастных кризисов (Л.И. Божович [2], А.Я. Варга [4], Л.С. Выготский [6], Т.В. Драгунова [8], А.Н. Леонтьев [12], Л.Ф. Обухова [16], К.Н. Поливанова [17], В.И. Слободчиков [18], Л.В. Сысоева [19], Д.Б. Эльконин [23]).

При этом то, что сепарационный процесс имеет, фактически, две стороны - не только сепарация ребенка от матери, но и сепарация матери от ребенка (или, в широком смысле, - детско-родительская и родительско-детская сепарация) - нередко оказывается за пределами фокуса внимания теоретиков и практиков.

Так, исследователи говорят о психологической се-

парации (сепарации вообще) за пределами детско-родительского контекста: как о феномене межличностных отношений [7]; изучают механизмы психологической сепарации [22], определяют проблемное поле исследования феномена сепарации [13] и т.д.

Этапы психологической сепарации представлены, преимущественно, в зарубежной психологии, в психоаналитическом направлении через периодизацию развития личности (П. Блос [1], Дж. Боулби [3], Д. Винникот [5], О. Кернберг [9], М. Кляйн [10], М.Х. Кохут [11], Дж. Мак-Девитт [14], М. Малер [15], Б. и Дж. Уайнхолды [20], З. Фрейд [21], Р. Josselsson [24] и др.).

Тем не менее, “материнский”, “родительский” аспект сепарационного процесса неразрывно связан с аспектом детской сепарации, и рассмотрение сепарации в единстве двух аспектов - “детском” и “родительском” может глубже понять суть и специфику этого процесса, а также позволит родителям и детям успешно проходить

сепарационные кризисы.

Сепарация в детско-родительском (детско-материнском) аспекте рассматривается, преимущественно, как процесс сепарации-индивидуации ребенка от матери (Дж. Мак-Девитт, М. Малер, Ф. Пайн [14, 15]).

Ниже мы рассмотрим различные сепарационные контексты материнской сепарации, которые мы выделили, исходя из значимых (для процесса сепарации) сфер жизни женщины-матери. Кроме того, мы предлагаем четыре измерения материнской сепарации, представленных внутри каждого контекста, связанного с тем или иным объектом сепарации.

Мы рассматриваем материнскую сепарацию в пяти контекстах, в зависимости от объекта, от которого происходит сепарация. Мы выделяем пять объектов материнской сепарации:

1. От собственной матери;
2. От ребенка;
3. От партнера (мужа);
4. От внешних авторитетов; 5. От объективного и субъективного материнского мифа.

Внутри каждого из представленных пяти контекстов сепарации сепарационный процесс проходит четыре измерения: физическое, эмоциональное, когнитивное, духовное.

Ниже мы рассмотрим четыре измерения сепарационного процесса в жизни матери.

Физическая сепарация. Говоря о физической сепарации, мы подразумеваем физическую эмансипацию женщины (физические действия, такие, как приход или уход, оставление или объединение), происходящую в пяти контекстах, упомянутых выше:

1. От собственной матери: переезд из родительского дома, обретение финансовой независимости (мать утрачивает возможность диктовать дочери свои условия).
2. От ребенка: женщина может расставаться с ребенком, оставляя его няне, в детском саду, в развивающей группе или другом образовательном учреждении.
3. От партнера (мужа): женщина может действовать, исходя из собственных убеждений, а не по решению мужа - пойти с ребенком туда, куда считает нужным, а не туда, куда считает нужным ее партнер.
4. От внешних авторитетов: женщина может выйти из родительской группы, уйти с занятий или лекции эксперта, если это определено ее внутренним выбором, основанным на актуальных ценностях и целях.
5. От объективного и субъективного материнского мифа: женщина может перестать выполнять

действия, продиктованные существующим объективным или субъективным мифом (например, выбрать совместный сон или отселить ребенка в собственную кровать, в соответствии с актуальной системой ее выборов).

Эмоциональная сепарация - сохранение эмоциональной автономии при сохранении уровня эмпатии, невовлечение в эмоциональное поле других людей, способность действовать не под влиянием эмоций, а осознанно, проживая эмоциональный контент ситуации, а не вытесняя и не подавляя его.

Эмоциональная сепарация также, согласно нашей теории, может происходить в пяти контекстах:

1. От собственной матери: отделение собственных чувств от чувств своей матери; выход из чувства вины ("я не виновата в чувствах своей матери"), способность выносить эмоции своей матери, сохраняя собственную систему выборов и связанных с ними действий; способность дифференцировать ответственность с чувством вины; способность отдавать матери ответственность за ее чувства.
2. От ребенка: навык "не заражаться" эмоциями ребенка; способность выдерживать и контейнировать эмоции ребенка; умение распознавать и рефлексировать эмоции - свои и ребенка, отделяя их друг от друга; навык действовать в ответ на эмоции ребенка управляемо, а не рефлекторно.
3. От партнера (мужа): отделение собственных чувств от чувств партнера; выход из чувства вины ("я не виновата в чувствах своего партнера"), способность выносить эмоции партнера, сохраняя собственную систему выборов и связанных с ними действий; способность дифференцировать ответственность с чувством вины; способность отдавать партнеру ответственность за его чувства.
4. От внешних авторитетов: дифференциация когнитивной и эмоциональной сферы, выраженная в способности сохранять эмоциональную стабильность в ответ на мнение авторитета.
5. От объективного и субъективного материнского мифа: способность выносить эмоциональное напряжение, возникающее между структурами субъективного и объективного мифа, без эмоциональных потерь для себя и ребенка, а также без потери позитивного образа себя и ребенка ("с моим ребенком все хорошо, я хорошая мать, несмотря на существующие установки материнского мифа").

Когнитивная сепарация - свобода от мнения другого, способность рассматривать позицию другого, принимать ее, видеть ее право на существование, аргументированность, видеть желания другого, мотивы, цели, сохраняя внутреннюю автономию собственных выборов, желаний, мотивов, целей. Когнитивную сепарацию мы

также рассматриваем на уровне пяти контекстов:

1. От собственной матери: сохранение позитивных контактов с матерью при сохранении собственного мнения каждой (признание того, что дочь и мать могут иметь разные взгляды на воспитание детей, но сохранять при этом позитивный контекст общения); способность отказывать матери в ее установках относительно материнства, выстраивая собственное понимание важности того или иного выбора, аргументируя свой материнский выбор для себя самой.
2. От ребенка: понимание того, что ребенок мыслит в своем возрасте иначе, чем я мыслю, как взрослый человек; способность к "переводу с детского языка на взрослый и со взрослого - на детский"; умение объяснять ребенку, учитывая уровень его когнитивного развития.
3. От партнера (мужа): признание за собой права на собственное мнение, отличное от мнения мужа; выдерживать различия во взглядах на воспитание ребенка; понимание того, что у каждого из родителей - своя роль, система убеждений и действий в воспитании ребенка ("мама не должна быть хорошим папой, папа не должен быть хорошей мамой").
4. От внешних авторитетов: узнавая от эксперта новую информацию о родительстве (воспитании детей), женщина-мать способна, соотнося ее со своим опытом материнства, думать о прошлой ошибке (и других событиях прошлого), не погружаясь в нее, не строя негативные ожидания от будущего в связи с ней, а осознавая уроки для выстраивания вектора действий, которые приведут к желаемому образу будущего.
5. От объективного и субъективного материнского мифа: способность анализировать субъективный и объективный миф (во всем многообразии его конкретных установок) и переосмысливать их в контексте актуального момента (роста ребенка, изменения внешних обстоятельств, изменения личных целей самой женщины-матери).

Духовная сепарация - рассматривается нами как автономность аксиосферы женщины-матери, ее способность принимать возможные выборы системы ценностей в своей жизни и жизни других людей, выдерживать напряжение этих различий без внутреннего и внешнего конфликта, приводящего к кризису и дезинтеграции как личности самой женщины-матери, ее материнской роли и межличностной коммуникации разных уровней.

1. От собственной матери: способность женщины-матери ставить перед собой вопросы содержания своей материнской миссии, ценностей, реализуемых в материнстве и транслируемых в процессе воспитания ребенку. При этом женщина-мать не сливается с аксиосферой собственной матери как единственно правильной и возможной, но и не строит свою

систему ценностей "от противного", а выбирает собственный вектор материнской миссии.

2. От ребенка: способность говорить с ребенком о ценностной сфере вне жестких директивных установок, но и без страха затрагивать данную тему, без опасения "сказать что-то не то". Экзистенциальные, ценностные вопросы встают перед женщиной-матерью, как правило, когда ребенок начинает их задавать по мере развития своего мышления, вхождения в более широкий социум (средний и старший школьный возраст). Именно в этот момент возникает вопрос о том, насколько женщина-мать готова удерживать свою ценностную систему без попыток подстроиться под аксиосферу ребенка (полное принятие) или авторитарно, категорично влиять на нее (полное неприятие), когда он начинает противопоставлять себя родителям, экспериментировать с "примениваем" разных систем ценностей, ставит под сомнение и подвергает критическому анализу то, что ценно для родителей, сравнивая проповедуемые и исповедуемые ими принципы жизни друг с другом, оценивая, насколько транслируемые ими ценности привели родителей в реальной жизни к удовлетворенности, состоянию счастья, реализации. На этом уровне перед женщиной-матерью встает вопрос готовности принимать своего ребенка в его индивидуальном духовном и ценностном поиске, дать ему право на этот поиск, сохранять с ним близость, доверие, взаимопонимание даже при наличии разного мнения в данных вопросах (к примеру, если ребенок выбирает иную духовную традицию, нежели та, к которой принадлежит мать; если ребенок выбирает свою миссию иначе, чем видит его мать).
3. От партнера (мужа): признание за собой и за партнером права его собственную аксиосферу, на духовное, ценностное развитие в течение жизни, понимание, что этот процесс для каждого может быть динамичным в течение жизни; готовность открыто говорить о ценностной и духовной сфере жизни, не ожидая слияния и тождества в этих вопросах. Кроме того, - признание за партнером паритетного права на участие в формировании аксиосферы ребенка в его воспитании (особенно актуально в случае, если материнское и отцовское представления о воспитании расходятся).
4. От внешних авторитетов: способность формировать, поддерживать и сохранять собственную аксиосферу, духовные принципы жизни и прислушиваться к мнению внешних экспертов и авторитетов без необходимости сливаться либо отрицать их ценностную, духовную базу. К примеру, эксперт рассказывает об этических принципах воспитания ребенка на примере христианских заповедей и, если женщина-мать относится к иной духовной

традиции, она способна принять близкие ей подходы этики, перенеся их в контекст своей социокультурной, духовной традиции (не отрицая при этом всего предложенного подхода целиком).

- От объективного и субъективного материнского мифа: способность анализировать субъективный и объективный миф (во всем многообразии его конкретных установок) и переосмысливать их в контексте актуального момента своего развития, своих целей и задач, своих ценностных ориентиров в данный период жизни, осознавать себя в континууме своей жизни как процесса развития, не отрицая собственный путь (в прошлом я была "ужасной" матерью и все делала не так, сейчас я "исправилась"). Принимая тот факт, что в каждой ситуации ее жизненного и материнского пути она делает лучшие из возможных выборов, ценит собственный опыт, принимает те изменения, к которым она приходит, проводя анализ опыта ("ценностью казалось послушание ребенка, я его строго наказывала, чтобы он слушался; теперь я осознаю ценности гуманистического подхода и использую иные методы воспитания вместо наказаний").

Итак, можем сделать следующие выводы:

- Мы выделяем пять контекстов сепарации (по количеству значимых объектов сепарации и связанных с ними сфер жизни): сепарация от собственной матери, от ребенка, от партнера (мужа), от
- внешних авторитетов, от объективного и субъективного материнского мифов.
- Также мы выделяем четыре измерения сепарационного процесса в жизни матери: физическое, эмоциональное, когнитивное, духовное.
- Внутри каждого измерения сепарационного процесса, в свою очередь, представлены все пять выделенных нами контекстов сепарации.
- Таким образом, можно говорить об особенностях физической сепарации женщины-матери от ее собственной матери, от ребенка, от партнера (мужа), от внешних авторитетов, от объективного и субъективного материнского мифов. Такое же распределение мы проводим в эмоциональном, когнитивном, духовном измерениях.
- Перечисленные четыре измерения сепарационного процесса не имеют преемственности; иными словами, физическая сепарация не является условием эмоциональной сепарации, а та, в свою очередь, - условием актуализации когнитивного и духовного измерений сепарации.
- Каждое из четырех измерений может быть представлено той или иной степенью сепарации. Кроме того, в пяти перечисленных выше контекстах сепарации каждое из четырех измерений также может быть актуализировано в той или иной мере (например, физическая сепарация от матери пройдена, эмоциональная зависимость сохраняется).

ЛИТЕРАТУРА

- Блос П. Психоанализ подросткового возраста. - М.: Институт общегуманитарных исследований, 2010. - 272 с.
- Божович, Л.И. Проблемы формирования личности. Избранные психологические труды / Л.И. Божович. - М.: Воронеж, 2001. - 352 с.
- Боулби Д. Создание и разрушение эмоциональных связей: Руководство практического психолога / Пер. с англ. В.В. Старовойтова. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. - 271 с.
- Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. - СПб., 2001. - 187 с.
- Винникот Д. Маленькие дети и их матери. - М.: «Класс», 1998. - 78 с.
- Выготский Л.С. Психология развития человека / Л.С. Выготский. - М.: Эксмо-Пресс, 2003. - 1136 с.
- Дитюк А.А. Психологическая сепарация как феномен межличностных отношений: к проблеме определения понятия // Бюллетень Южноуральского государственного университета. Серия Психология. - 2015. - №8(3). - С. 98-102
- Драгунова Т.В. Подросток. - М.: Знание, 1976. - 94 с.
- Кернберг О.Ф. Отношения любви: норма и патология / Отто Кернберг. - М.: Класс, 2018. - 338 с.
- Кляйн, М. Развитие в психоанализе / М. Кляйн, С. Айзекс, Дж. Райвери, П. Хайманн. - М.: Академический Проект, 2001. - 512 с.
- Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. - М.: Когито-Центр, 2017. - 568 с.
- Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения / А.Н. Леонтьев. - М.: Педагогика, 1983. - 392 с.
- Маленова А.Ю. Феномен сепарации: определение проблемного поля исследования / А.Ю. Маленова, Ю.В. Потапова // Вестник Омского университета. Серия: Психология. - 2013. - № 2. - С. 41-48
- Малер М., Мак-Девитт Д. Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности // Психоаналитическая хрестоматия. Классические труды / ред. М.В. Ромашкевич. - М., 2005. - 360 с.
- Малер М.С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация / Пер. с англ. - М.: Когито-Центр, 2011. - 413 с.
- Обухова Л.Ф. Детская психология: Теория, факты, проблемы. - М.: Тривола, 1998. - 351 с.
- Поливанова, К.Н. Психология возрастных кризисов / К.Н. Поливанова. - М.: Академия, 2000. - 184 с.
- Слободчиков В.И. Психология человека: введение в психологию субъективности: учебное пособие / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. - М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. - 359 с.

19. Сысоева Л.В., Петренко Т.В. Проблема сепарации от родителей в русской семье: социокультурный и психологический аспекты // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2016. – № 62. – С. 126-134
20. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. Издание второе, переработанное. / Пер. с англ. А.Г. Чеславской. – М.: Независимая фирма «Класс», 2019. – 364 с.
21. Фрейд З. Малое собрание сочинений / З. Фрейд. – СПб.: Азбука, 2014. – 608 с.
22. Харламенкова Н.Е., Кумыкова Е.В., Рубченко А.К. Психологическая сепарация: подходы, проблемы, механизмы. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 367 с.
23. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах: избранные психологические труды / под ред. Д. И. Фельдштейна. — М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2001. — 416 с.
24. Josselson R. Ego development in adolescence. In J. Adelson (Ed.) / R. Josselson. Handbook of Adolescent Psychology. — New York: Wiley, 1980. — P. 188–210.

© Сорокина Екатерина Николаевна (grinrys@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО КОНТАКТА У ИНСПЕКТОРА ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С РОДИТЕЛЯМИ ПОДРОСТКОВ

Сыса Наталия Владимировна

Соискатель, Российский государственный
социальный университет
nataslip@list.ru

THE SPECIFICS OF THE INTERPERSONAL CONTACT OF THE INSPECTOR OF JUVENILE AFFAIRS WITH THE PARENTS OF ADOLESCENTS

N. Sysa

Summary: For any State, the issues of ensuring the protection of the family and childhood are a priority. An important intermediary for ensuring the rights of minors, as well as conducting preventive work to prevent juvenile delinquency, is the Juvenile Affairs Unit. It is it that provides legal protection of minors on behalf of the State. Modern psychological theories justify the role of psychological contact in social interaction. However, their application in relation to the "inspector-parent" requires taking into account the specific socio-psychological context, as a rule, characterized by the reluctance and resistance of parents raising a minor child to build a trusting relationship with the inspector. When establishing interpersonal contact, juvenile inspectors face a difficult task: on the one hand, to implement punitive measures against young offenders or persons who have committed offenses against minors, on the other, in order to monitor families, to maintain long-term relationships with them. However, in order to carry out their official duties, contact between the inspector and the parents of teenagers is necessary. Based on the review and theoretical analysis of the literature, the article examines the specific features of establishing interpersonal contact between the inspector of juvenile affairs and the parents of adolescents. The issue of interaction between the "inspector-parent" from the position of "forced contacts" is also considered. The question of the formation of professional skills of inspectors of juvenile affairs is raised. Based on the existing scientific concepts in theory and taking into account the specific features of the interaction of the inspector of juvenile affairs with the parents of adolescents, an algorithm for establishing interpersonal contact in relation to the inspector-parent is developed.

Keywords: social interaction, interpersonal contact, the concept of forced contacts, juvenile delinquency, juvenile delinquency, inspector of juvenile affairs, professional competencies, formation of professional skills, psychological barriers specifics of establishing contact.

Введение

В ситуации эпидемиологической нестабильности социально-психологические особенности межличностного взаимодействия претерпевают существенные изменения. В силу соблюдения необходимых мер безопасности, контакты между людьми в настоящее время значительно ограничены, в силу чего приобрета-

Аннотация: Для любого государства вопросы обеспечения охраны семьи и детства являются приоритетными. Важным посредником по обеспечению прав несовершеннолетних, а также проведения профилактической работы по предупреждению подростковой преступности является подразделение по делам несовершеннолетних. Именно оно от лица государства обеспечивает правовую защиту несовершеннолетних граждан. Современные психологические теории обосновывают роль психологического контакта в социальном взаимодействии. Однако их применение в отношении «инспектор-родитель» требует учета специфического социально- психологического контекста, как правило, характеризующегося нежеланием и сопротивлением родителей воспитывающих несовершеннолетнего ребенка к выстраиванию доверительных отношений с инспектором. При установлении межличностного контакта, перед инспекторами по делам несовершеннолетних встает непростая задача: с одной стороны, осуществлять меры карательного характера к юным правонарушителям или лицам, совершившим правонарушения в отношении несовершеннолетних, с другой, в целях осуществления контроля за семьями, поддерживать с ними доверительные отношения. Тем не менее, для осуществления своих должностных обязанностей, контакт между инспектором и родителями подростков необходим. В статье на основе обзора и теоретического анализа литературы рассматриваются специфические особенности установления межличностного контакта у инспектора по делам несовершеннолетних с родителями подростков. Также вопрос взаимодействия «инспектор-родитель» с позиции «рассматривается вынужденных контактов». Поднимается вопрос формирования профессиональных навыков инспекторов по делам несовершеннолетних. На основе существующих в теории научных концепций и с учетом специфических особенностей взаимодействия инспектора по делам несовершеннолетних с родителями подростков, разработан алгоритм установления межличностного контакта в отношении инспектор-родитель.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, межличностный контакт, концепция вынужденных контактов, подростковая преступность, правонарушения несовершеннолетних, инспектор по делам несовершеннолетних, профессиональные компетенции, формирование профессиональных навыков, психологические барьеры, специфика установления контакта.

ют специфические особенности. В первую очередь речь ведется о приоритете выбора дистанционных форм в предпочтении живому общению. А поскольку дистанционная форма общения имеет ряд своих особенностей, по многим признакам уступающая непосредственному контакту, то и установление контакта в данных условиях претерпевает весомые изменения. Исходя из сложившихся обстоятельств, все большую актуальность приобрета-

ретаает тема психологических барьеров в установлении межличностных контактов. В нашей статье мы освещаем тему специфики межличностного контакта инспектора по делам несовершеннолетних с родителями подростков, поэтому направление исследования рассматривается при взаимодействии «инспектор – родитель». Почему же данная категория представляет интерес для общества? Прежде всего, стоит отметить, что вопросы, связанные с обеспечением защиты и поддержки детей как будущего общества являются приоритетными для любого государства.

Сфера правовой защиты несовершеннолетних, а также обеспечение надлежащих условий для предупреждений асоциального поведения подрастающего поколения, охватывает весьма значимую часть в формировании будущего общества. Исследования в этой области позволяют получить в итоге продукт, улучшающий качество работы инспекторов по делам несовершеннолетних при выполнении своих служебных обязанностей. Однако, ставя такие задачи, необходимо учитывать специфические особенности работы инспектора по делам несовершеннолетних, при взаимодействии с родителями, воспитывающими несовершеннолетнего подростка или лицами осуществляющими данную функцию.

Специфика взаимодействия инспектора по делам несовершеннолетних с родителями подростков нередко носит конфликтный характер. Зачастую основанием для установления контакта между инспектором по делам несовершеннолетних с родителями подростков являются факторы, которые нежелательны или неблагоприятны для его сторон. Основание для вмешательства инспектора в семью – это складывающиеся неблагоприятным образом обстоятельства в отношении несовершеннолетнего. К их числу можно отнести: возникновение у несовершеннолетнего проблем, связанных с учебой или условиями проживания, совершение несовершеннолетним правонарушения, риски его совершения, незаконные действия в отношении несовершеннолетнего, в том числе и со стороны его родителей или законных представителей.

В большинстве случаев инспектор по делам несовершеннолетних выполняет свои профессиональные задачи в затрудненных условиях межличностного взаимодействия. Чаще всего, причиной обращения инспектора в семью, является факт совершения правонарушения, что само по себе негативным образом сказывается на установлении контакта между инспектором по делам несовершеннолетних с родителями подростка. Из-за обоюдной нежелательности обстоятельств контакт между инспектором и родителями подростка с одной стороны воспринимается как необходимость, с другой же сталки-

вается со значительным сопротивлением. Прежде всего, инспектор по делам несовершеннолетних выполняет задачи по предупреждению, недопущению и пресечению правонарушений в отношении несовершеннолетних. Но помимо этого, для эффективного осуществления своей деятельности, инспектору надлежит обладать умением найти правильный подход к своим подопечным, установить межличностный контакт с ними, чтобы иметь возможность в последующем осуществлять правовую защиту и правовой контроль.

Для реализации своей основной профессиональной задачи инспектору ПДН необходимо, наряду с осуществлением карательных мер в отношении несовершеннолетнего, выстроить отношения с подростком, его семьей, ближним окружением таким образом, чтобы у инспектора была возможность дальнейшего взаимодействия. Чтобы вывести отношения из русла нежелательной неизбежности в русло осознанной необходимости, инспектору по делам несовершеннолетних необходимо установить психологический контакт со своими подопечными. Межличностный контакт предполагает взаимное стремление его участников поддерживать общение. Обращаясь к определению понятия контакт пришедшего из латинского *contactus* (соприкосновение), образованное от глагола *contingō* (прикасаться, брать, трогать), можем подытожить, что контакт подразумевает такую форму взаимодействия, при которой между инспектором по делам несовершеннолетних и родителем подростка возникнут «точки соприкосновения» для осуществления обоюдной цели – обеспечение правовой защиты и безопасности несовершеннолетнего. При условии, что родители подростка сами не относятся к категории асоциальных семей и заинтересованы в благополучии своего несовершеннолетнего подростка, инспектор по делам несовершеннолетних и родитель подростка имеют общую цель. Эта цель как раз может стать отправной точкой при установлении межличностного контакта и являться основным мотиватором к контакту.

Итак, специфическая составляющая взаимоотношений «инспектор-родитель» заключается в негативно заряженной основе. В случае совершения правонарушения несовершеннолетним, карательные меры лишь в исключительных случаях воспринимаются семьей несовершеннолетнего положительно. Чаще всего сам факт взаимодействия с инспектором по делам несовершеннолетних воспринимается семьей, воспитывающей несовершеннолетнего, отрицательно. Что уж говорить о случаях, когда сами родители ведут асоциальный образ жизни, не выполняют свои родительские обязанности и являются правонарушителями в отношении своего собственного ребенка. В данном случае целесообразно вести речь об установлении контакта в условиях вынужденности или упомянуть о таком понятии как «вынужденный контакт»

Одной из основных задач инспектора по делам несовершеннолетнего является эффективность осуществления им своих профессиональных задач, его социально-психологическая компетентность. Рассматривая вопрос о профессиональной компетентности инспектора по делам несовершеннолетних, прежде всего мы будем основываться на наличии знаний, опыта и навыков, позволяющих инспектору эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность. Коммуникация как вид деятельности имеет собственную структуру, где контакт выступает в качестве наиболее важной первой ступенью на пути к взаимодействию. Тем самым контактность инспектора по делам несовершеннолетних является одной из наиболее значимых качеств, характеризующих инспектора по делам несовершеннолетних как компетентного специалиста [4].

Исследованием межличностного контакта, а также проблемами установления контакта занимались отечественные и зарубежные ученые: Н.В. Куницина, А.А. Лентьев, О.И. Миронова, В.Н. Мясищев, Б.Д. Парыгин,

А.В. Петровский Л.Б. Филонов, Adler R.B., Durrheim K, Guilford Y.P., Köhler W., Lewin K., Rogers, C.R. и др.

Результаты анализа исследований ряда отечественных и зарубежных ученых позволяет вывести ряд факторов определяющих контактность человека:

1. Прежде всего, это умение воспринимать, ориентироваться в процессе общения, выявлять значимые компоненты реакций собеседника, взаимодействовать с ним.
2. Второе предполагает умение устанавливать контакт при всем многообразии его средств. Обладать необходимым набором знаний на предмет контактности, обладать умением применения различных методов по установлению контакта.
3. Эмоционально-волевая устойчивость и лабильность при установлении контакта. Умение использовать все свои возможности и воздерживаться от негативных проявлений эмоций, которые могут стать помехой в установлении контакта.
4. Коммуникативные навыки, позволяющие наиболее продуктивно использовать свои ораторские навыки, эффективно осуществлять процессы приема, раскодировки и передачи информации собеседнику, учитывая его индивидуально-личностные особенности, что позволит максимально доводить необходимую информацию до оппонента.
5. Организаторские и лидерские качества, позволяющие инспектору по делам несовершеннолетних держать процесс установления контакта с родителями несовершеннолетних под своим контролем, при необходимости направлять его в необходимое русло, избегать возможных барьеров и проблем, руководить всем процессом установления контакта.

6. Эмпатия, доброжелательность и внимательность по отношению к собеседнику, способность создавать позитивный эгрегор при установлении контакта.

В концепции К. Роджерса имеется такое понятие как конгруэнтность – согласованность информации передаваемой человеком. Роджерс полагал, что важными условиями контакта являются конгруэнтность, эмпатия и позитивное принятие личности. Латинское слово «congruō» в дословном переводе означает «согласие», «совпадение»[13]. В более широком значении под конгруэнтностью понимается соответствие внутренних переживаний человека с его внешними проявлениями. В социальной психологии конгруэнтность в общении предполагает соответствие передаваемой человеком информации с невербальными формами его поведения во время передачи информации. Известно, что невербальные формы общения человека более информативны и правдивы, нежели сама передаваемая информация. Каждый человек обладает способностью считывать невербальные сигналы своего собеседника на подсознательном уровне. Таким образом, при наличии неконгруэнтности, человек, не осознавая истинных причин, может испытывать чувство дискомфорта и контакт может быть прекращен. В таком случае, собеседник не всегда сможет объяснить причины своего нежелания идти с неконгруэнтным партнером на контакт, испытывая при этом не осознаваемый им дискомфорт. Интересно, что в английском языке слово «конгруэнтность» определяется как честность или открытость, поскольку упомянутое выше несоответствие вербальных и невербальных сигналов, как раз-таки, свидетельствует о неискренности партнера и его стремлении продемонстрировать собеседнику свое не соответствующее действительности состояние, настроение и т.д.

В отечественной психологии контакт рассматривается в качестве неотъемлемой составляющей межличностного общения. А контактность человека – важный фактор способности к эффективному взаимодействию.

Исходя из концепции Л.Б. Филонова под психологическим контактом понимается характер отношений между его участниками. Наиболее значимыми качествами при этом Л.Б. Филонов отмечает доверительность, стремление к сближению, стремление совершать благо для другого и пр.

Кроме того, Филонов отмечает, что доверительное общение является залогом успешного установления контакта, которое, в свою очередь, приносит свои плоды в виде готовности к открытому общению, искренности, открытости, стремлении к совместному взаимодействию, стремлении этот контакт поддерживать [16].

Задачей инспектора является выстраивание обще-

ния с родителем подростка таким образом, чтобы вызвать в нем потребность в установлении и поддержании контакта с инспектором. А для этих целей эффективными будут идеи методики Л.Б. Филонова. Рассмотрение контактного взаимодействия в рамках концепции Л.Б. Филонова, позволяет инспектору по делам несовершеннолетних, опираясь на научные знания в области психологии общения, выстроить четкий алгоритм своих действий для установления контакта с родителями подростка с учетом специфики данного взаимодействия и его конфликтной составляющей. Данная стратегия позволяет избежать «острых углов» организационных и психологических проблем. Согласно данной концепции, контактирующие в процессе установления контакта совместно проходят ряд стадий, за счет которых осуществляется межличностный контакт [16].

Идею Л.Б. Филонова об особенностях установления контакта в рамках концепции вынужденных контактов развила в своей научной деятельности О.И. Миронова. Суть данной концепции заключается в установлении контакта в условиях, когда контакт между его участниками неприятен, нежелателен, но необходим. В таком случае участники контакта осознают, что необходимость этого взаимодействия стоит выше личного отношения и собственных переживаний по этому поводу. Таким образом, контактирующие сознательно делают выбор в пользу установления контакта держа в приоритете ожидаемую от контактного взаимодействия цель [9].

Оценивая контингент под учётных лиц, специфику семей, состоящих на учете у инспектора, основная ответственность за установление и поддержание контакта у инспектора по делам несовершеннолетних с родителями подростка лежит на инспекторе. И от того насколько инспектору удастся замотивировать родителя на контакт с ним, зависит успешность осуществления инспектором своей профессиональной задачи. Нередки случаи, когда инспектору приходится иметь дело с ассоциальными, дезадаптивными семьями. Причин тому может быть множество: дезадаптация членов этих семей, различные нарушения социализации и воспитательных процессов подопечных лиц, наличие различных психологических травм, наличие проблем, связанных с психическими нарушениями, различного рода расстройствами, наличием проблем, связанных с карательными мерами в отношении семьи, совершившей правонарушение и др. Анализируя эти обстоятельства становится несложным сделать вывод о специфической форме установления контакта у инспектора по делам несовершеннолетних с родителями подростков. Инспектору надлежит не только учитывать все возможные препятствия на пути к установлению контакта, но и обладать умениями при всех этих осложнениях замотивировать родителя на контакт. Для этого инспектору просто необходимо в совершенстве обладать коммуникативными навыками, владеть

приемами убеждения, уметь правильно считывать информацию о собеседнике, находить каналы его восприятия и используя соответствующие приемы, выводить родителя на контактное взаимодействие.

С другой стороны, инспектор по делам несовершеннолетних должен также выступить в качестве инструктора при взаимодействии с родителем и помочь ему наладить контакт с ребенком. Поделиться знаниями в этой области с родителем, обучить конкретным методикам, направленным на восстановление контакта в детско-родительских отношениях. Осуществлять работу по формированию позитивных отношений между родителями и их несовершеннолетними детьми.

Наряду с этим, инспектор осуществляет непрерывную индивидуальную работу, развивает профессиональные навыки, толерантность, устойчивость – все качества, необходимые для выполнения своих профессиональных задач.

Таким образом, мы видим насколько работа инспектора по делам несовершеннолетних многозадачна и разнопланова. В связи с этим инспектору ПДН требуется специальным образом разработанная программа, включающая в себя конкретные шаги по разрешению всех вышеупомянутых задач.

В рамках нашей темы, рассмотрим шаги согласно концепции Л.Б. Филонова с выведением алгоритма последовательных действий, который может быть применен инспектором при установлении контакта с родителями подростка.

1. На уровне подготовительной стадии при взаимоотношении инспектор – родитель необходимо развить общую мотивацию к общению у оппонентов. Для выполнения этой задачи реализуются такие психологические приемы как: активное слушание, эмпатия, выражение согласия с партнером, поиск совместных точек соприкосновения, отсутствие критических замечания, резких оценочных суждений и т.д.

Вторая стадия характеризуется поиском общих интересов по обсуждаемому вопросу. У инспектора по делам несовершеннолетних при взаимодействии с родителями общие интересы могут быть сосредоточены на интересах несовершеннолетнего, его основных потребностях и вопросах его правовой защиты.

Третья стадия заостряет внимание на позитивных подкреплениях собеседника, подбадриваний, позитивной картины предполагаемого результата от совместной деятельности и т.д. Инспектор по делам несовершеннолетних в качестве позитивных подкреплений может обозначать родителю успешные результаты их контактного

взаимодействия.

Четвертая стадия посвящена совместному обсуждению общей проблематики поднимаемого вопроса. Эта же стадия может быть использована для возможности критического выражения сторонами собственных мыслей, чувств, переживаний, касаемо обсуждаемого вопроса.

Пятая стадия предполагает обсуждение изменений, вызванных установлением контакта.

Шестая стадия является формированием совместными усилиями участников контакта общего продукта в виде конкретного алгоритма действий, направленных на разрешение возникшей проблемы, послужившей основанием установления контакта.

Заключение

Таким образом, благодаря освещению темы установления межличностного контакта у инспектора по делам несовершеннолетних с родителями подростка, можно выявить специфические особенности установления межличностного контакта во взаимодействии «инспектор-родитель». Прежде всего – это условия, в которых инспектору по делам несовершеннолетних приходится осуществлять свою профессиональную деятельность. Поскольку основанием для установления контакта у инспектора по делам несовершеннолетних чаще всего является правонарушение в отношении несовершеннолетнего лица, то взаимодействие инспектора с родителями, воспитывающими несовершеннолетнего подростка, нередко выстраивается в непростых конфликтных отношениях. Кроме того, возникновение обстоятельств, послуживших поводом для встречи с

инспектором, нередко оборачиваются для родителя карательными мерами в виде наложения административного взыскания, составления на родителя несовершеннолетнего административного протокола по статье 5.35 КоАП РФ «Неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних». Данная мера влечет наложение на родителя административного штрафа в соответствии с законодательством РФ. А в особо серьезных случаях или повторном совершении административного правонарушения вплоть до административного ареста в отношении родителя [6]. Более того, при совершении правонарушения в отношении несовершеннолетнего, семья автоматически ставится на учет в подразделении по делам несовершеннолетних минимум на пол года, что также воспринимается родителями воспитывающими несовершеннолетнего ребенка негативно. Безусловно, в таких условиях инспектору бывает крайне сложно поддерживать с родителем контакт на протяжении длительного времени. Поэтому инспектору по делам несовершеннолетних необходим инструмент, позволяющий, на основе учета всех специфических особенностей работы инспектора, устанавливать контакт с родителями подростка. Кроме того, на основе анализа теоретического материала, инспектору по делам несовершеннолетних требуется специально разработанная программа, направленная на совершенствование его профессиональных навыков с обозначением психологических приемов и упражнений, позволяющих инспектору освоить азы эффективного межличностного взаимодействия, развития коммуникативных навыков, владение инструментом методов убеждения, освоение навыка психологической диагностики, опираясь на невербальные формы взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодалев А.А. Психология общения. – М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 256 с.
2. Большой толковый психологический словарь / А. Ребер. – М.: Вече – Аст, 2001. – 2т. – 399с.
3. Воробьева Е.А. Профессионально-психологические особенности контактности следователей в условиях допроса: дис. . . . канд. психол. наук. – М.: 2003. 266 с.
4. Зимняя И.А. Социально-профессиональная компетентность как целостный результат профессионального образования (идеализированная модель) // Проблемы качества образования. Кн. 2. М.: ВЛАДОС, 2005. С. 21-26., с.23
5. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2014. – 576 с.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.03.2021) – Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/8c909d7721021e06a0c (26.03.2021)
7. Леонтьев А.А. Психология общения: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология» / А.А. Леонтьев. – 5-е изд., стер. – М.: Смысл: Academia, 2008. – 365 с.
8. Маслоу А. Мотивация и личность.: 3-е изд. / Пер с англ. – СПб.: Питер, 2011. – 352 с.
9. Миронова, О.И. Вынужденный контакт как вид межличностного контакта / О.И. Миронова. – М.: ИПКГосслужбы, 2008.
10. Миронова, О.И. Субъектно-психологическая концепция вынужденных контактов / О.И. Миронова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Белый ветер, 2018. – 306 с.
11. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под редакцией Л.И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М.: Мир и образование, 2018. – 1375 с.

12. Парыгин, Б.Д. Социальная психология: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Б.Д. Парыгин. – СПб.: СПбГУП, 2003. – 615 с.
13. Роджерс, К.Р. Становление личности. Взгляд на психотерапию: [перевод] / К.Р. Роджерс. – Москва.: ИОИ, 2017. – 237 с.
14. Сетраков А.Н., Довгань Е.А. Речевая культура как главная составляющая служебного общения сотрудника органов внутренних дел // *Colloquium- journal*. 2019. № 7-4 (31). С. 34–35. URL: <http://www.colloquium-journal.org/wp-content/uploads/2019/04/Colloquium-journal-731-chast-4.pdf>.
15. Тигунцева Г.Н. Генезис психологического знания о феномене установления контакта и его использования в преодолении коммуникативных деструкций / Г.Н. Тигунцева // *Вестник ИргТУ*, №12, 2014. – 362-369 с.
16. Филонов Л.Б. Контактология как основа общения в будущем // *Общение- 2006: на пути к энциклопедическому знанию: Материалы конференции 19-21 октября 2006*. Психологический институт РАО. М.: Академия имиджологии, 2006. 564 с.
17. Энциклопедический словарь. Психология Общения. / Под общ. ред. А.А. Бодалева. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011 г. – Электронный ресурс. Режим доступа: <https://984.slovaronline.com/> (02.06.2019).
18. Durrheim, K., Dixon J. *Racial encounter: The social psychology of contact and desegregation*. Routledge, 2013. Guilford Y.P. (1967). *The nature of human intelligence*. New York: Mc-Graw Hill, 327 p.
19. Hargie O. *Skilled interpersonal communication: Research, theory and practice*. London : Routledge, 2016. 658 p. <https://doi.org/10.4324/9781315741901> (03.06.2019г.)
20. Köhler, W. *Gestalt psychology* // *Psychol. Forsch.* 31, XVIII–XXX. doi:10.1007/BF00422382
21. Lewin, K. *Principles of Topological Psychology*. N. Y.: McGraw Hill, 1936. 231 p.

© Сыса Наталия Владимировна (nataslip@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ» МГТУ ИМ. Н.Э. БАУМАНА

EMPIRICAL STUDY OF THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF TEACHERS OF THE DEPARTMENT "PHYSICAL CULTURE AND SPORT" BAUMAN MOSCOW STATE TECHNICAL UNIVERSITY

O. Tsyganenko
O. Markova
T. Velichko
K. Bidordinova

Summary: The article is devoted to the results of an empirical study of the subjective well-being of teachers in the situation of the coronavirus pandemic. The article presents questionnaires for conducting an empirical study among the teaching staff who worked remotely during the period of self-isolation. A qualitative and quantitative analysis of the results was carried out. The issue of identifying the relationship between subjective well-being and anxiety about the consequences of coronavirus and working in a remote format is considered. In particular, the issue of identifying the connection between the risk of infection during the pandemic, concern for the fate of loved ones and satisfaction with life and positive emotions is noted.

Keywords: life satisfaction, subjective well-being of teachers, anxiety, pandemic, self-isolation, coronavirus, COVID-19.

Цыганенко Олеся Сергеевна

старший преподаватель, Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана.
ustimenko-o@mail.ru

Маркова Ольга Александровна

старший преподаватель, Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана
markovaoa75@mail.ru

Величко Татьяна Ивановна

К.б.н., доцент, Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана
tivelichko@mail.ru

Бидординова Ксения Александровна

преподаватель, Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана
zaika666.90@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена результатам эмпирического исследования субъективного благополучия преподавателей в ситуации пандемии коронавируса. Представлены анкеты для проведения эмпирического исследования среди профессорско-преподавательского состава, работавших дистанционно в период самоизоляции. Проведен качественный и количественный анализ полученных результатов. Рассматривается вопрос выявления связи субъективного благополучия с тревогой по поводу последствий коронавируса и работой в удаленном формате. В частности, отмечается вопрос выявления связи по поводу риска заражения в период пандемии, беспокойство за судьбу близких людей и удовлетворенностью жизнью и позитивными эмоциями.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, субъективное благополучие преподавателей, тревожность, пандемия, самоизоляция, коронавирус, COVID-19.

В современном мировом сообществе наблюдается возрождение интереса к идее о том, что экономический рост не является в полной мере достаточным и адекватным показателем прогресса общества. На современном этапе развития помимо объективных показателей благополучия пристального внимания требуют субъективные факторы. Иными словами, недопустимо ограничиваться мониторингом того в каких условиях живут люди, необходимо выяснять на сколько они довольны этими условиями [1, с. 58].

«Субъективное благополучие» (well-being или subjective well-being) представляет собой многофакторный конструкт, отражающий представление индивида о себе, своей жизнедеятельности, своем социальном статусе [5, с. 139].

Проблема субъективного благополучия чрезвычайно актуальна в современном мире, в общем и в российском обществе, в частности, в связи с возникшей на фоне пандемии коронавируса COVID-19 ситуацией, которая большинством исследователей считается стрессогенной, потенциально ухудшающей качество жизни личности и благополучие [4, с. 92].

Несомненно, что прежде, чем говорить о тотальном снижении качества жизни или необходимости психологической помощи необходимо выяснить, какого рода снижение качества жизни и ухудшение благополучия имеется в виду, когда идет речь о ситуации, возникшей в результате пандемии в 2020 г.

Академическая сфера деятельности и так является недостаточно привлекательной из-за относительно не-

высокого уровня оплаты труда, частого сокращения рабочих мест, большого объема документооборота и отчетности, высокой психоэмоциональной нагрузки. Ситуации пандемии, включающая угрозу заражения, переход на цифровое обучение, самоизоляцию и другие трудности, во много раз увеличила психоэмоциональное напряжение преподавателей.

Однако, существуют люди, которые чувствуют себя благополучно в указанной профессии, что является весомым аргументом для того, чтобы изучать факторы субъективного благополучия педагогических работников [2, С. 37-38].

В начале исследования субъективного благополучия преподавателей в ситуации пандемии была поставлена цель: выявление наличия или отсутствия связи благополучия с тревогой по поводу последствий коронавируса и работой в удаленном формате. Поставленная цель предполагала решение следующих задач:

1. разработать опросник для проведения эмпирического исследования;
2. охарактеризовать выборку по уровню выраженности субъективного благополучия;
3. обсудить полученные результаты;

4. обнародовать результаты эмпирического исследования.

В качестве методики, направленной на определение субъективного благополучия респондентов, была выбрана шкала субъективного благополучия (ШСБ), представляющая собой психодиагностический инструмент для измерения эмоционального компонента субъективного благополучия (СБ) или эмоционального комфорта (ЭК) [3, С. 122-123].

Основная выборка исследования, проведенного в МГТУ им. Н.Э. Баумана среди профессорско-преподавательского состава кафедры «Физическая культура и спорт», работавших дистанционно в период пандемии коронавируса в 2020-2021 г. включила 109 человек, от 25 до 75 лет. Исследование проводилось с учетом возрастных градаций, но исключило учет гендерных различий. Количественный состав респондентов приведен ниже в таблице 1.

В таблице 2 представлены вопросы, предложенные респондентам во время эмпирического исследования.

Результаты опроса представлены ниже в таблице 3.

Таблица 1.

Количественный состав участников исследования

Возрастная группа	25-35	35-45	45-55	55-65	65-75
Количество (чел.)	18	17	43	17	14
Количество от общего числа (%)	17	16	39	16	12

Таблица 2.

Опросник для проведения эмпирического исследования

№ вопроса	Текст вопроса
1	В последнее время я часто бываю в хорошем настроении.
2	Моя работа давит на меня.
3	В последнее время я хорошо сплю.
4	В последнее время я плохо сплю.
5	Я редко скучаю в процессе своей повседневной деятельности.
6	Я часто чувствую себя одинок(им)(ой).
7	Я чувствую себя здоров(ым)(ой) и бодр(ым)(ой).
8	Я испытываю большое удовольствие, находясь вместе с семьей или друзьями.
9	Иногда я становлюсь беспокойн(ым)(ой) по неизвестной причине.
10	Утром мне трудно вставать и работать.
11	Я смотрю в будущее с оптимизмом.
12	Я охотно меньше просил(а) бы других о чем-либо
13	Мне нравится моя повседневная деятельность
14	В последнее время я чрезмерно реагирую на незначительные препятствия и неудачи
15	В последнее время я чувствую себя в прекрасной форме.
16	Я все больше ощущаю потребность в уединении.
17	В последнее время я был(а) очень рассеян(а).

Таблица 3

№ вопроса	Ответ «Да»					Ответ «Нет»					«Затрудняюсь с ответом»				
	25 - 35	35 - 45	45 - 55	55 - 65	65 - 75	25 - 35	35 - 45	45 - 55	55 - 65	65 - 75	25 - 35	35 - 45	45 - 55	55 - 65	65 - 75
1	18	10	26	4	2	-	-	14	10	3	-	7	3	3	9
2	-	-	2	-	1	12	10	36	17	6	6	7	5	-	7
3	12	5	27	-	2	-	6	12	14	3	6	6	4	3	9
4	16	4	23	2	2	-	6	10	12	3	2	7	10	3	9
5	14	4	23	2	2	-	6	8	14	2	4	7	12	1	10
6	-	-	2	-	-	15	10	29	-	-	3	7	12	17	14
7	10	4	27	9	1	-	6	9	6	6	8	4	7	2	7
8	8	2	30	6	3	-	9	4	8	3	10	6	9	3	11
9	12	2	-	-	-	4	8	36	15	6	2	7	7	2	8
10	4	-	-	-	-	10	10	38	14	7	4	7	5	3	7
11	17	12	26	6	3	-	-	16	8	1	1	5	1	3	10
12	15	2	6	-	1	-	8	18	14	5	3	7	19	3	8
13	12	2	14	2	2	2	13	7	13	4	4	2	22	2	8
14	8	-	-	-	-	6	10	37	15	5	4	7	6	2	9
15	12	12	18	2	-	4	-	16	12	6	2	5	9	3	2
16	2	-	-	-	-	14	12	36	14	6	2	5	7	3	8
17	-	6	2	2	1	18	4	33	12	4	-	7	18	4	9

Результаты исследования свидетельствуют о том, что показатели негативных эмоций, проявляющихся в ситуации пандемии COVID-19, не свидетельствуют о более низком уровне позитивных эмоций у респондентов, находившихся длительное время в ситуации самоизоляции. Чувство одиночества испытывают только двое из опрошенных респондентов, что не связано с влиянием пандемии. Половина респондентов готова обращаться за помощью к окружающим, хотя делает это весьма неохотно, другая половина предпочитает искать решение проблем самостоятельно. Молодые преподаватели чаще испытывают беспокойство, по сравнению с преподавателями старших возрастных групп, сказывается отсутствие жизненного опыта.

Большинство преподавателей, принявших участие в исследовании, высоко оценивают нематериальные

блага: общение с семьей, друзьями.

Таким образом, результаты опроса, анализ ответов, рефлексия по поводу ощущения социального благополучия преподавателями позволяют сделать следующие выводы:

1. концепция субъективного благополучия включает в себя, прежде всего, когнитивную оценку удовлетворенности жизнью, в целом, и ощущения удовлетворенности профессиональной жизни, в частности;
2. отсутствует связь социального благополучия с тревогой по поводу последствий коронавируса и работой в удаленном формате;
3. тревога по поводу риска заражения в период пандемии, беспокойство за судьбу близких людей не имеют прямой связи с удовлетворенностью жизнью и позитивными эмоциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кислицына, О.А. Подходы к измерению прогресса и качества жизни (благополучия) / О.А. Кислицына // Экономический анализ: теория и практика. – 2016. – № 10. – с. 28-38.
2. Клименко, Л.В. Субъективное благополучие преподавателей российских вузов. Опыт эмпирического исследования. / Л.В. Клименко, Л.С. Скачкова // Вопросы образования. – 2020. – № 4. – с.37-63.
3. Осин, Е.Н. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ. / Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. С. 117—142.
4. Рассказова, Е.И. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание / Е.И. Рассказова, Д.А. Леонтьев, А.А. Лебедева // Консультативная психология и психотерапия. — 2020. Т. 28. — № 2. С. 90—108.

5. Скачкова, Л.С., Факторы субъективного благополучия научно-педагогических работников: результаты фокус-групп / Л.С. Скачкова, Д.П. Щетинина, В.И. Крячко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2018. – № 4. – С. 138–146.
-

© Цыганенко Олеся Сергеевна (ustimenko-o@mail.ru), Маркова Ольга Александровна (markovaoa75@mail.ru),
Величко Татьяна Ивановна (tivelichko@mail.ru), Бидординова Ксения Александровна (zaika666.90@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТ СОГЛАСИЯ К ЕДИНСТВУ И КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Бокачев Иван Афанасьевич

Д.ф.н., профессор, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь.

Незнамова Ирина Ивановна

К.ф.н., Ставропольский филиал Московского гуманитарно-экономического университета, Ставрополь.

irinanez@yandex.ru

FROM CONSENT TO UNITY AND CONSOLIDATION OF RUSSIAN SOCIETY

**I. Bokachev
I. Neznamova**

Summary: The article presents the author's points of view on the concept of «consent», which is very actively used in the domestic social and political areas, in the discussions of experts, and in daily rhetoric of political and public figures. The arguments «for» and «against» this phenomenon are expressed, and its bifurcation nature is determined. Multicultural unity and consolidation of Russian society are proposed as the most important requirements of our time as well as the main conditions for further development of the country.

Keywords: consent, consolidation and unity of society, patriotism, conformism, multicultural relations, Russian language and culture, political alienation.

Аннотация: В статье представлен авторский взгляд на концепт «согласие», который весьма активно используется в отечественном общественно-политическом аспекте, в дискуссиях экспертных сообществ, практически в ежедневной риторике политических и общественных деятелей. Высказываются аргументы «за» и «против» данного феномена, определяется его бифуркационная природа. В качестве важнейших требований времени, главных условий дальнейшего развития страны предлагаются межнациональное единство и консолидация российского общества.

Ключевые слова: согласие, консолидация и единство общества, патриотизм, конформизм, межэтнические отношения, русский язык и культура, политическая алиенация.

Масштаб, характер и глубина модернизации и демократизации нашего общества вызвали к жизни огромное количество политических, идеологических, общественных и религиозных организаций. Появляются новые партии, новые движения и их лидеры, а вместе с ними и новые идеи. Количественные накопления ведут к новому качеству реалий общественных отношений, субъекты которых, как правило, в качестве стратегической цели имеют создание цивилизационных условий для построения правового государства и гражданского общества. С определенной долей погрешности можно сказать, что цель у всех одна, а пути её реализации порой предлагаются не только разные, но и диаметрально противоположные. Плюрализм мнений, точек зрения, взглядов на российскую действительность становится обыденным явлением. В таком случае без согласия, без совместного поиска компромиссных решений просто не обойтись. И как следствие того, что-то отмирает, что-то получает развитие и занимает трендовые позиции.

Особо следует сказать о проблемах межнациональных отношений. Вопреки ожиданиям начало XXI века ознаменовалось трансформацией этничности, которая стала узловым вопросом эпохи глобализации, для качественно новых условий распада национальных государств и формирования нового миропорядка. На огромных просторах нашей многонациональной страны до сих пор сохраняются, а в отдельных случаях и обостряются межнациональные конфликты. В целом современ-

ное общество характеризуется конфликтностью, внутренней неустойчивостью и непредсказуемостью, все более быстрым темпом изменений во всех его сферах. В таких условиях становятся весьма востребованными согласованные действия как между государством и обществом, так и внутри обозначенных феноменов, между политическими и общественными организациями, представителями различных партий, конфессий и этнических образований.

Очевидно и другое. Согласие не тот концепт, с помощью которого можно решать назревшие проблемы. Ретроспективный взгляд в историю показывает, что согласие всегда имело не только позитивный, но и негативный аспект. С молчаливого согласия людей власть имущие утверждались в своей непогрешимости, их мнение, как правило, становилось мнением в последней инстанции. Мнение же основной массы населения если и учитывалось, то только в декларативном плане, создавалась иллюзия коммуникативного диалога с людьми. Речь идет о так называемой политической алиенации, об отчуждении власти от общества и от своих граждан. Именно политическое отчуждение и характеризовало отечественный социум практически на всех этапах его истории. В результате в обществе имело место быть взаимное недоверие и как следствие того - отсутствие подлинного, а не мнимого согласия. На этом фоне зарождались и утверждались культ личности, тоталитаризм, система централизованного бюрократизма, волюнтаризм, тоталитарная элита и

партократия, которая практически оформилась в класс и отгородилась теперь уже разрушенной «Берлинской стеной» не только от своих членов, но и от всего народа.

В XX веке мы пережили «перестройку», которая опиралась не на волю и желание народа, а на обыденный уровень сознания ограниченного круга политиков и политиканов, а так же «...самую большую трагедию» (В.В. Путин) – развал Советского Союза, так называемые «реформы» младодемократов, которые завели государство в тупик из которого придётся выбираться возможно ещё не одно десятилетие. Казалось бы, на фоне подобных потрясений просто не подобает говорить о таких «мелочах» как уничтожение в свое время виноградников, затопление космической станции «Мир», закрытие станции слежения на Кубе, оставленные базы в Камрани (Вьетнам) и многие другие явления нашей действительности. Всё это результат «согласия», которого у народа никто не спрашивал и последствия которого приходится устранять нынешнему руководству страны, прилагая титанические усилия и расходуя огромные материальные и финансовые средства.

Данные обстоятельства подтверждают как очевидное: согласие имеет бифуркационную природу. С одной стороны оно возможно и необходимо, особенно на уровне межгосударственных отношений, при решении сложных, противоречивых и неотложных проблем современности, а также в политическом пространстве своей страны. Без политического согласия сегодня не смогли бы работать ни исполнительная, ни законодательная власти. Согласие и взаимопонимание здесь предстают в качестве доминанты успешной деятельности всех уровней государственного организма. То же следует сказать о согласии и в межэтнических, межнациональных отношениях. В данном случае согласие нередко рассматривается в качестве главного условия современного развития России [3, с.175]. Трудно возразить против подобного рода точек зрения. Действительно межнациональное согласие в определённых условиях способствует предотвращению насильственных конфликтов, легитимации в массовом сознании таких отношений между различными этносами, которые направлены не на их разрушение, а на созидание.

С другой стороны согласие не имеет и не может иметь, скажем так, стратегических, далеко идущих целей. Оно призвано решать назревшие, не терпящие отлагательства проблемы. Если же эти проблемы «консервируются» на протяжении длительного времени, не принимаются меры по их устранению, то с течением времени согласие ведёт к обострению существующих противоречий, перерастает в конфликт. Согласие – это некий штамм, понятие с вялой психосемантикой. Его можно поставить в один категориальный ряд с такими понятиями как толерантность, индифферентность, аморфность, аномия и другие.

В конечном итоге согласие – это результат безмолвной покорности. В обстановке постоянного согласия и безответственности за принимаемые решения индивид постепенно превращается в Homo gelius – желеобразного человека, сознанием и поведением которого можно легко управлять и манипулировать. Для него характерно отсутствие собственной позиции, некритическое, а порой и беспринципное следование любому шаблону или образцу, который имеет в данной ситуации наибольшую силу давления. С течением времени согласие вырабатывает у человека приспособленчество, способствует пассивному принятию существующего порядка вещей, господствующего мнения и т.п., что ведет к конформизму.

Конформное поведение можно встретить там, где в случаях расхождения во мнении между группой и индивидом, последний уступает, поддается групповому давлению. Однако до бесконечности человек уступать не может. Он, как своего рода пружина, может сжиматься до какого-то предела, а как только давление ослабевает или вовсе прекращается индивид выходит из-под контроля и снова начинает действовать в соответствии со своими личностными установками. И на это есть основания. Известно, что каждая личность имеет, во всяком случае, должна иметь, свой уровень самостоятельности, независимости и нравственности, опуститься ниже которого она не сможет ни при каких обстоятельствах и на базе которых она вырабатывает своё мнение о том или ином явлении и отстаивает его перед оппонентами. В противном случае человек рискует потерять своё достоинство и компетентность, уверенность в себе не только на данном участке работы, но и в жизни в целом.

Это еще раз подтверждает мысль о том, что согласие не имеет прочной ни духовно-нравственной, ни гносеологической основы. Оно в значительной мере отражает явление, а не сущность, что позволяет нам еще больше утвердиться во мнении, что мы живем во времена восстания явлений против сущности. По-видимому, можно даже сказать, что в этом понятии порой содержится доведенная до абсурда политика политкорректности и мультикультурализма. Это же в полной мере относится и к межнациональным отношениям. Здесь согласие может стать доминирующим только в случае массового клонирования человека или пересадки голов (о чем не в столь отдаленные времена шел разговор даже на уровне научного сообщества) и превращение общества таким образом в безликую массу людей, для которых выражение: «Делай, что говорят и ни о чем больше не думай!», станет непреложным законом их жизни. Говоря словами французского философа, теолога Б. Паскаля, человек в таком случае лишается своей сущности, теряет свое величие – способность мыслить.

Все это дает основание полагать, что сегодня важно вести речь не столько о согласии, сколько о консоли-

дации общества, о его единстве и целостности. Консолидация предполагает упрочение сплоченности, как отдельных граждан, так и общественных организаций и профессиональных объединений для усиления борьбы за общие цели, ценности (в первую очередь духовно-нравственные) и решение стоящих перед обществом созидательных задач. Консолидация является непреложной предтечей единства и целостности. Именно в единстве наша сила (В.В. Путин). Причем проблема единства не является неким директивным понятием, или чьим-то вымыслом. Единство российской общности обусловлено исторической судьбой наших народов, той средой, в которой на протяжении многих десятков веков складывались и утверждались межэтнические отношения. Единство наших народов является собой тот главный стержень прогресса вокруг которого консолидируются не только отдельные граждане, но и самые разные политические и общественные структуры, включая профессиональные объединения.

Единство в современной литературе предстает как понятие, «...характеризующее значительный объем и высокий уровень взаимосогласованных позиций, связей между субъектами общественных отношений на базе решения ими конкретных проблем и взаимодействия» [4, с.105-106]. Оно является той фундаментальной духовно-нравственной ценностью на базе которой происходит осознание нами исторической ответственности перед настоящим и будущими поколениями, перед своим народом, перед обществом и страной в целом.

Составной частью единства является национальное единство, которое может и должно выступать в качестве одного из необходимых условий, своего рода гарантии сохранения национальной безопасности России как суверенного государства. «...Национальное единство страны – это, прежде всего, единство представлений ее народа о наиболее значимых духовных ценностях» [5, с.3]. Ядро национального единства составляют ценностно-смысловые основания национально-культурной идентичности, которую разделяют все жители нашей страны. Именно они, а не принадлежность людей к тому или иному этносу, конфессии обеспечивают в большей мере сплочение народа, делают его единой нацией и создают специфические особенности психического склада людей, менталитета. На базе ценностно-смысловых оснований и формируется то стратегически важное качество народа, которое и призвано стать основой национального единства.

Национальное единство в большей мере проявляет себя в условиях, когда этнос в массе своей – одинаково реагирует как на внутренние проблемы, так и на проявления угрозы извне. Другими словами, если среди различных общественных (социальных), этнических и религиозных групп и объединений не наблюдается кар-

динальных расхождений в реакции на существующие угрозы, то с определенной долей уверенности можно утверждать – в данной стране имеет место национальное единство.

Ярким подтверждением тому могут служить проявления единства в оценке событий в связи с возвращением Крыма в родную гавань, на Востоке Украины. Единство и общность, рост национального самосознания, гордость за свою страну вызвали торжества по случаю крещения Руси князем Владимиром, празднование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и другие. У нас в стране одна нация, один российский народ, объединяющий огромное количество этносов, представителей многочисленных конфессий, трех мировых религий. Именно об этом говорится в документах, представленных различными политическими партиями на уровне Государственной Думы РФ. Особого внимания, в данном контексте, заслуживают проекты: «Декларация национального единства и гражданской солидарности», «Декларация национального единства народа России». Оба проекта вполне можно было бы представить на Всероссийский референдум в качестве своего рода общественного договора, который открывал бы путь для ведения конструктивного межэтнического диалога.

В связи с этим уже сегодня важным представляется формирование у наших этносов культуры межнационального общения, патриотизма, коллективизма, дружбы, межнационального и межконфессионального взаимопонимания. Время настоятельно требует: избавляться от этнической кичливости и заносчивости, утверждать общечеловеческие ценности, гуманизм, уважение к национальной специфике, к положительным обычаям и традициям других этносов, к их культуре и языку. Сегодня уже недостаточно ограничиваться таким понятием как «толерантность», которое вошло в обязательный идеологический ассортимент. Именно в толерантности часто усматривается ключ к разрешению конфликта культур и идентичностей, некоторые государственные и общественные деятели видят в ней панацею от всех бед и проблем. Принято считать, что стоит только усвоить всем нам данную установку и в обществе воцарится гармония и порядок. Вне всякого сомнения – это благие намерения, но они, как нам представляется, таят в себе некоторую упрощенность и даже наивность. Толерантность, как и согласие, о чем было сказано выше, «...это концепт с «вялой» психосоматикой, реально очень часто означающий лишь безразличие или даже снисхождение к иному. Поэтому сама по себе толерантность исключает взаимодействие культур, без чего между ними невозможно установить отношения диалога» [6, с.78]. Даже РПЦ отказалась от употребления этого понятия в своем обиходе.

Сегодня нужны другие подходы. Межэтнические от-

ношения должны строиться на исконно российских ценностях, важнейшими из которых во все времена были любовь и уважение. В связи с этим главная задача всех государственных и общественных структур – помочь людям обрести уважение к любому народу, населяющему нашу страну, убедить их в том, что лучших или худших народов нет и быть не может. Главное – что собой представляет тот или иной человек, каков он сам по себе, а не какой он национальности. Эта мысль подтверждается народной мудростью, которая гласит: «Плохих народов не бывает, бывают плохие люди». А последние, как показывает практика, к сожалению, есть везде, среди любых этносов. Это определяется, прежде всего, тем, что ныне в силовом поле глобализационных конфликтов человек испытывает огромные не только физические, психологические, но и духовные перегрузки. В результате мы нередко имеем дело с вспышками насилия, агрессивности, с обвинением друг друга в порою надуманных и не имеющих права на существование домыслах и не проверенных фактах.

Положение дел на данном направлении настоятельно требует приступить к разработке системных мер как на научном, так и на общественном уровнях. Особое внимание при этом должно уделяться стабилизации экономических и социальных процессов в жестких условиях современного миропорядка; усилению доверия и сотрудничества в духовно-нравственной сфере жизни общества и в первую очередь в области культуры и образования; формированию умений культуры межэтнического общения; освещению в средствах массовой коммуникации вопросов развития национальных культур; исключить появление публикаций, возбуждающих чувства негативного отношения и вражды к соседним народам, чаще пропагандировать их культуру, традиции и обычаи.

Особого внимания заслуживает идея формирования биментальной и бикультурной личности, что откроет возможность решения очень трудной и важной задачи синтеза «национальных» устремлений с вектором интеграции цивилизационной целостности, которая возникла на базе русской культуры и русского языка. Русский язык должен вернуться на позиции языка межкультурного общения, стать закономерным явлением в жизни народов многонациональной России. Не отрывая людей от своих этнокультурных корней, он всегда способствовал усвоению ими русской духовной культуры, укреплению национального самосознания. Русский язык и культуру, по праву, можно считать важнейшими факторами, обеспечивающими межнациональное культурное единство при сохранении этнокультурной самобытности каждого из народов. Сегодня нашему обществу, как и человечеству, в целом, нужна когерентная культура, которая была бы построена на общих смыслах для всех этносов. И когда все общество примет ценности общего как главные

ценности, то изменятся и смыслы, которые будут основаны на консолидации и межнациональном единстве.

Консолидация и единство межнациональных отношений предполагает поиск соответствующей базы (основы), идеи вокруг которой можно объединить и сплотить все общественные и политические силы общества. Сегодня общественному мнению предлагаются самые различные варианты национальной идеи: от «сбережения россиян» (А.И. Солженицын) до цивилизационного решения экологических проблем. Вне всякого сомнения, эти и многие другие точки зрения имеют право на жизнь. Однако все они лишены главного – философского стержня, той основы, которая на протяжении многих веков скрепляла нашу нацию, помогала ей не только выстоять в самых трагических баталиях своего времени, но и победить. Для нашего народа таким стержнем, такой основой всегда был, есть и останется патриотизм. Как заявил Президент Российской Федерации В.В. Путин «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи кроме патриотизма. Это и есть национальная идея» [7].

Эта мысль представляется нам наиболее значимой и актуальной и не только потому, что она прозвучала из уст главы государства, но и потому что она в большей степени отражает сущностную сторону российского патриотизма, концентрирует в себе его ценностные особенности, которые во все времена определяли специфику национального характера нашего народа, его ментальность и духовную культуру. Российский патриотизм во многом объясняется эмоциональным миром человека. Он пробуждает чувства бескорыстной любви к Родине, к своему Отечеству, национальную гордость, дух народа, способствует воспитанию, закреплению и преумножению многовековых традиций [2, с.22-27]. По мнению В.Г. Белинского «любить свою родину значит пламенно желать, видеть в ней осуществление идеала человеческого и по мере сил своих споспешествовать этому» [1, с.488-489].

Однако, любая идея какой бы она не была научно обоснованной и привлекательной так и останется идеей вопрошания самой о себе если в ее центре, говоря словами Протагора, не будет находиться человек как мера всех вещей. Сегодня важно чтобы преобладающее большинство населения страны видело пусть на горизонте или даже за горизонтом (в отдаленной перспективе) заботу и внимание со стороны государства, всех его властных структур о каждом человеке, видело и гордилось успехами своей страны во всех сферах жизни общества. Важно, чтобы, наконец, справедливость стала непреложным законом жизни всех и каждого. Только в таком случае можно реанимировать предложенную идею и придать ей необратимый вектор направленности.

Открытым остается и вопрос: вокруг какого центра следует консолидировать общество? Им, как нам пред-

ставляется, может быть общенациональный лидер, наиболее популярная в народе политическая или общественная структура, а возможно и государственная организация. Определяющая роль в единении и сплочении этносов нашей страны принадлежит русскому народу. Русский – это не национальность, это интернациональность; по своей сути это носитель добра, дружбы и взаимопомощи. В абсолютном большинстве своем он обладает высочайшим трудолюбием, сильной волей, высокой ответственностью и решительностью. Русский народ – это образец мудрости и гуманизма, это великий народ, народ-созидатель. В веках запечатлена его помощь и поддержка многочисленных этносов России в развитии культуры, образования, экономической, социальной и духовной сфер жизни народов нашей страны.

В заключение следует подчеркнуть: проблемное поле сохранения целостности российского общества

содержит больше вопросов чем ответов. Ясно одно: нужны срочные меры, в том числе и на уровне философского знания, чтобы активизировать работу по вхождению наших народов в единое пространство социокультурного общения, сближения их культур, языков, обычаев и традиций, выравниванию уровней экономического и социального развития. Межнациональное единство и консолидация выступают в качестве важнейших требований времени, являются главными условиями развития страны, становления гражданского общества. Сегодня следует еще раз вернуться к своим истокам, восстановить историческую преемственность, вспомнить времена великого князя Владимира, когда мы были единым русским народом, и не просто были, но и гордились тем, что принадлежим к этому народу, который в самых сложных исторических условиях смог собраться под единым целым и неделимым, название которому Русь-Россия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т.4. Статьи и рецензии 1840-1841. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 934с.
2. См.: Бокачев И.А., Баранов С.Т., Незнамова И.И. Патриотизм и национальная идея России// Научное мнение. 2019. №4. 124с.
3. См.: Гасанов Н.Н. Межнациональное согласие – главное условие развития России// Социально-гуманитарные знания. 2012. №5. 368с.
4. Колин К.К. Духовная культура как фактор обеспечения национального единства// Социально-гуманитарные знания. 2011. №4. 368с.
5. Малахов В.С. Идентичность // Новая философская энциклопедия. – 2-е изд., испр. и допол. – М.: Мысль, 2010. 560с.
6. Политология. Энциклопедический словарь – под ред. С.А. Ильина. – М., 1993. 329с.
7. Путин В.В. Выступление на заседании «Клуба лидеров» 03.02.2016- Центр Сулакшина. VRL: http://rusrand.ru/response/putin-patriotizm_eto-nationalnaya-ideya-rossi (дата обращения 12.01.2021)

© Бокачев Иван Афанасьевич, Незнамова Ирина Ивановна (irinanez@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕОЭМПИРИЗМ ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ

Булов Илья Юрьевич

Аспирант, Институт Философии РАН

bulovilya@gmail.com

CONCEPT NEO-EMPIRICISM IN CONTEMPORARY PHILOSOPHY AND COGNITIVE SCIENCE

I. Bulov

Summary: Concept neo-empiricism becomes a more and more influential theory nowadays. In the article we show that despite the fact that classical empiricism and neo-empiricism have some similarities, old and new empiricisms, nonetheless, differ in a number of ways. After that we highlight the main theses of neo-empiricism. In the last part of the article, we examine the question of compatibility of neo-empiricism and the theory of domain specificity and conclude that they are incompatible.

Keywords: empiricism, neo-empiricism, concept, innateness, domain specificity.

Аннотация: Неоэмпиризм идей становится все более влиятельной теорией. В данной статье мы показываем, что, несмотря на некоторые сходства между классическим эмпиризмом и неоэмпиризмом, старый и новый эмпиризм все же имеют и ряд различий. Также мы показываем какие положения можно назвать базовыми в неоэмпиризме. В заключительной части мы рассматриваем вопрос о совместимости неоэмпиризма и теории областной специализированности и приходим к выводу о том, что эти теории несовместимы между собой.

Ключевые слова: эмпиризм, неоэмпиризм, идея, врожденность, областная специализированность.

Введение

Неоэмпиризм идей¹ – один из подходов (наряду с нативизмом идей) к проблеме врожденных идей в современной философии и когнитивной науке [Булов, 2019]. Проблему врожденных идей можно охарактеризовать следующим образом: *что мы можем называть идеями и следует ли при таком описании приписывать некоторым идеям свойство врожденности?* Неоэмпиристы (в отличие от нативистов) настаивают на перцептуальной природе идей и минимальном количестве врожденных идей (или вовсе их отсутствии) [Prinz, 2002]. В первой части статьи мы в общих чертах опишем классический эмпиризм и отметим сходства и различия современного и классического эмпиризма. Далее мы выделим основные положения, присущие неоэмпиристским теориям. В последней части мы проанализируем совместимость неоэмпиризма и нативистского положения о местной специализированности.

Классический эмпиризм

Несмотря на то, что классический эмпиризм обычно ассоциируется с именами Локка и Юма, его корни, как и корни нативизма уходят в античность. Так, Аристотель в «О душе» говорит «существо, не имеющее ощущений,

ничему не научится и ничего не поймет» [Аристотель, 1976]. В средние века Фома Аквинский в дискуссионных вопросах «Об истине» (*De veritate*) добавит к этому, что «нет ничего в уме, чего не было бы изначально в чувствах»² (*De veritate*, q. 2 a. 3 arg. 19). В последствии полноценно развил эту перипатетическую аксиому Дж. Локк в своем «Опыте о человеческом разумении» [Локк, 1985]. В этой работе Локк защищал тезис о том, что человек не рождается с врожденным знанием, а приобретает его через взаимодействие с чувственным опытом. Таким образом, концепция Локка предопределила то, с какими положениями будет ассоциироваться классический эмпиризм. Классический эмпиризм идей Локка представляет из себя теорию идей, согласно которой все наши идеи являются ментальными образами, которые, в свою очередь, являются наборами данных чувственного опыта. Чувственные данные при таком подходе являются элементарными составляющими идей. Так, сложные идеи состоят из более простых идей, а простые идеи можно представить как набор чувственных данных, объединенных между собой через ассоциации. Юм еще детальнее проработал классический эмпиризм идей, добавив ему тезис о том, что мы не можем сформировать идею того, что мы не можем ощутить [Юм, 1996]. А также попытался детальнее описать принцип ассоциации, при помощи которого мы способны соединять чувственный

¹ В данном случае «идея» – перевод «concept» с английского, которое также можно перевести как «понятие» или «концепт». Такой перевод был выбран по двум причинам. Во-первых, чтобы подчеркнуть связь современных дискуссий об идеях с теми, которые велись в древности (Платон) и новое время (Декарт, Локк, Юм, Лейбниц), где используется термин «идея». Во-вторых, термин «понятие» не всегда удобно использовать, когда речь заходит о, скажем, врожденном представлении о *пространственно-временной целостности объекта* или о врожденной *грамматической правильности*. Это точно идеи, но кажется некорректным называть это понятиями.

опыт в идеи. Он выделил три вида ассоциации: схожесть, каузальная ассоциация и близость во времени и пространстве. Через эти виды ассоциации, как считал Юм, чувственные данные комбинируются в идеи.

Современный эмпиризм идей (или неэмпиризм) некоторыми своими чертами схож с классическим эмпиризмом. Так, например, представление о чувственном происхождении идей присуще, и классическому эмпиризму, и неэмпиризму. А также неэмпиристы, как и классические эмпирики, склонны скептически относиться к тезисам о врожденном знании. Несмотря на схожесть с классическим эмпиризмом, неэмпиризм имеет и свои отличительные черты. Так, например, неэмпиристы не всегда утверждают, что все идеи являются не-врожденными.

Второе существенное отличие неэмпиризма и классического эмпиризма заключается в том, что положения неэмпиристов основаны по большей части на современных когнитивных и нейро-исследованиях, а не на априорных аргументах [Prinz, 2002].

Основные положения неэмпиризма

Базовые неэмпиристские положения, общие для всех эмпиристских теорий отлично сформулировал Э. Машери, назвав их «двумя догмами неэмпиризма» [Machery, 2006, p.398–399]:

(e-1) Содержание идеи представлено перцептуальными механизмами;

(e-2) Процессирование идей сущностно воспроизводит некоторые перцептуальные состояния и манипулирует этими перцептуальными состояниями.

Положение (e-1) означает, что носителем (vehicle) идеи является именно перцептуальные механизмы [Prinz, 2002, p. 109], а не амодальный (т.е., не связанный перцептуальными механизмами) код, как это предполагает большинство нативистских теорий. Последние полагают, что существует отдельная система репрезентации (как правило, подобная языку), которую нельзя связать ни с одной из перцептуальных или моторных модальностей (зрительными, моторными, слуховыми механизмами и т.д.), и такая система хранит в долговременной памяти идеи [Barsalou et al., 2003, p. 85]. Так, например, вся перцептуальная информация (зрительная, вкусовая, данные о том, как взаимодействовать и т.п.), связанная с идеей ПОМЕЛО³ (визуальных образ помело, запах помело, представление о том, как его можно взять в руку и т.д.), согласно теоретикам амодального подхода, переводится в амодальный код. Там она хранится совместно с не-перцептуальной информацией, связанной с ПОМЕЛО

(информация о родовидовой принадлежности, история того, как помело завезли в Европу и т.п.). Неэмпиристы полагают, что такой универсальной амодальной системы репрезентации нет, следовательно, вся информация об идеях хранится в отдельных, но связанных между собой, аналоговых механизмах. И, как считают неэмпиристы, эти механизмы по большей части являются механизмами обработки и хранения перцептуальных данных. Так, часть идеи ПОМЕЛО представлена в механизме визуальной обработки информации, часть в подобном механизме для тактильной информации, часть в механизме обработки моторной информации и т.д. Таким образом, (e-1) сближает классический эмпиризм и неэмпиризм, т.к. обе версии эмпиризма предполагают, что идеи и перцептивные данные качественно схожи.

Положение (e-2) означает, что, когда мы активируем когнитивный процесс, который задействует некую идею (категоризируем, строим предложение, проводим аналогию и т.п.), мы воспроизводим те перцептуальные состояния, которые связаны с этой идеей. Т.е., механизмы воспроизведения идей являются аналоговыми в том смысле, что механизм, воспроизводящий идею подобен тому, что он воспроизводит: воспроизводство идеи X похоже на непосредственное взаимодействие с X. Так, например, когда я использую идею ЛАВАНДА, мой мозг частично симулирует запах, цвет и прочие (но не обязательно все) перцептуальные данные о лавандах. При этом, перцептуальные данные соединяются и соотносятся между собой, когда мы используем идею через механизмы ассоциации [Barsalou, 1999, p. 586; Damasio, 1994, p. 106–108; Prinz, 2002, p. 148] или зоны конвергенции (convergence zones), если следовать терминологии А. Дамасио [Damasio, 1994, p. 102]. Также неэмпиристы настаивают на том, что актуальные перцептуальные состояния отличаются от сохраненных перцептуальных состояний из прошлого [Barsalou et al., 2003, p. 85]. Последние менее полные и точные. Тем не менее, именно они задействованы в большей части когнитивных процессов. Также важным отличием является и то, что актуальные перцептуальные состояния проводят информацию «снизу-вверх», т.е., информация от перцептуальных систем фильтруется и проводится «вверх» к ассоциативным зонам. Прошлые перцептуальные состояния, наоборот, протекают «сверху вниз»: они активируют ассоциативные зоны, которые проводят информацию «вниз» к перцептуальным системам. Именно так происходит реактивация перцептуальных состояний, сопровождающая когнитивные процессы, которые задействуют идеи.

Как можно заметить, довольно сложно провести сущностное различие между перцептуальными и амодальными механизмами. Одним из немногих теорети-

2 Перевод с лат. «Nihil est in intellectu quod non sit prius in sensu» (Булов И.Ю).

3 Идеи в академической литературе принято обозначать заглавными буквами

ков неопиризма, кто эксплицитно рассуждает о том, что из себя представляют перцептуальные механизмы является Д. Принц. Принц говорит на этот счет, что перцептуальные механизмы – это механизмы, о которых мы можем сказать, что они произрастают из ощущений (senses) – т.е., построены как способ обращения с ощущениями [Prinz, 2002, p. 113]. А ощущения, в свою очередь – это специализированные входные системы (dedicated input systems) [Prinz, 2002, p. 115]. Ощущения являются системами, т.к. сами представляют сложный механизм обращения с информацией. Ощущения являются входными системами, т.к. переводят сигнал извне в комплекс сигналов, на которые реагирует остальная часть центральной нервной системы. И ощущения также являются специализированными входными системами, т.к. каждое ощущение обрабатывает только свой определенный тип информации (зрительный, аудиальный и т.д.).

Таким образом, (e-1) и (e-2) – это два положения, лежащих в основе современного эмпиризма идей. Не проясненным остается вопрос о том, каково отношение современных эмпиристов к врожденным идеям? Считают ли они, что они присутствуют в человеческой психике?

Что касается данного вопроса, то далеко не все неопиристы полностью отказываются от концепции врожденных идей. Так, например, А.Дамасио признает существование врожденного знания [Damasio, 1995, p. 104]. Тем не менее, неопиристы не настаивают и на том, что существуют врожденные идеи (в отличие от нативистов). Взамен они предлагают тезис о минимальной врожденности. Он заключается в том, что при прочих равных мы должны объяснять идеи и прочие ментальные способности как нечто выученное, а не врожденное. Для подкрепления своего тезиса эмпиристы приводят аргумент простоты. В наиболее явном виде аргумент простоты использует Дж. Принц, когда критикует нативистские теории обучения языку: «Мы не должны предполагать наличие врожденной языковой способности в том случае, если нам не предоставили убедительных аргументов, а нам пока их не предоставили. Следовательно, даже если мы допустим, что оба подхода [эмпиризм (статистическое обучение языку в данном случае) и нативизм – И.Б.] являются достаточно убедительными позициями, мы должны также быть достаточно уверенными в том, что статистический подход следует рассматривать как более предпочтительный»⁴ [Prinz, 2012, p. 169].

Основываясь на вышесказанном, мы можем добавить к основным положениям неопиризма (e-1) и (e-2) еще и третье положение (e-3).

(e-3) При прочих равных мы должны предпочитать объяснение происхождения идеи или иной ментальной способности обучением, а не врожденностью этой ментальной способности.

Положения (e-1), (e-2) и (e-3), т.о., основными положениями неопиризма.

Неопиризм и областная специализированность

Еще один вопрос касается того, насколько неопиризм согласуется или, наоборот, противоречит концепции областной специализированности. Концепция областной специализированности (domain specificity) предполагает, что психика человека имеет множество специализированных отделов переработки информации, каждый из которых имеет свои специфические правила усвоения и переработки информации [Baer 2016; Cowie 1999; Gelman 2000]. Ко всему прочему, каждый отдел, согласно концепции областной специализированности, сформирован таким образом, чтобы эффективно усваивать знание определенного, соответствующего ему, типа (например, языковой отдел позволяет эффективно усваивать языковые правила). Обычно нативисты полагают, что такие отделы/механизмы были сформированы благодаря эволюционным процессам [Pinker, 1994].

Перцептуальные механизмы являются отдельными системами обработки информации и они, согласно неопиристской теории, являются врожденными. На первый взгляд кажется, что неопиристы следуют принципу областной специализированности и постулируют врожденность областно-специализированных механизмов подобно нативистам.

По поводу указанного вопроса можно сказать, что неопиризм схож с концепцией областной специализированности в том, что психика может быть представлена как набор обрабатывающих механизмов разных типов. Однако неопиристы расходятся с теорией областной специализированности в том, согласно какому принципу, мы делим психику на набор этих механизмов.

Нативисты полагают, что это разделение проходит по сферам знания. Областно-специализированные механизмы обычно отвечают за некоторый тип знания: язык, физические законы, числа и т.п. Неопиристы, в свою очередь, считают, что психика поделена на множество механизмов, отвечающих за разные модальности: зрение, слух, обоняние и т.д. Обучение новой информации в эмпиристской и нативистских подходах, таким образом, также разнятся. Согласно нативистской концепции, для

4 Перевод – Булов И.Ю. Ориг.: «We should not posit an innate language faculty unless we are forced to by decisive arguments, and we are not in that position yet. So even if we grant that both approaches should be actively pursued, we should also feel confident enough to regard the statistical approach as the more likely»

обучения разным типам знания в психике присутствуют свои врожденные областно-специализированные механизмы обучения. Неомпиристы на этот счет обычно говорят, что изначально обучение, происходит по средствам универсального (domain-general) механизма обучения [Prinz, 2002, p. 217]. Уже в дальнейшем общий механизм обучения на основе входящей информации может сформировать особые механизмы для усвоения знания разного типа [Karmiloff-Smith, 1992]. Описание того, как устроен универсальный механизм обучения может отличаться в разных эмпирических теориях, однако почти все неомпиристы указывают на то, что его устройство тесно связано с перцептуальными и моторными механизмами. Таким образом, обучаемся мы, согласно эмпирической теории, в результате того, что получаем сигналы, которые воспринимается универсальным механизмом обучения (или областно-специализированными механизмами на более поздних этапах обучения) как модальные. Далее эти сигналы проходят в ассоциативные зоны и формируют идеи и другие формы психических структур. Также теория областно-специализированности, в отличие от эмпирического аналога, предполагает наличие амодальных механизмов психики. Тезис о наличии амодальных механизмов необходим нативистам для обоснования положения о том, что психика разделена по принципу областной специализированности (т.е., по сферам знания, а не по модальностям). Ведь, если не существует амодальных механизмов, то очень маловероятно, что механизм психики отвечающий, например, за счет, не разделён на более фундаментальном уровне на модальные механизмы.

Таким образом, из вышесказанного можно заклю-

чить, что неомпиризм не совместим теорий областной специализированности. Неомпиризм предполагает, что человеческая психика поделена на модальные механизмы, а не на области знания, как это следует из теории областной специализированности.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что современный и классический эмпиризм схожи тем, что они оба разделяют представление о перцептуальной природе идей и скептическое отношение к тезисам о врожденности идей. Тем не менее, как мы показали, современный эмпиризм имеет и несколько отличительных особенностей. Основные положения неомпиризма можно выразить при помощи трех тезисов. Первый тезис – содержание идеи представлено перцептуальными механизмами. Второй – процессирование идей сущностно воспроизводит некоторые перцептуальные состояния и манипулирует этими перцептуальными состояниями. Третий тезис – при прочих равных мы должны предпочитать объяснение происхождения идеи или иной ментальной способности обучением, а не врожденностью этой ментальной способности.

Также было показано, что неомпиризм и концепция областной специализированности несовместимы. Неомпиристский подход предполагает, что когнитивные механизмы в психике поделены скорее по критерию модальности (слух, зрение и т.п.), в то время как концепция областной специализированности предполагает, что деление проходит по сферам знания (язык, счет и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Соч.: В 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 371–448.
2. Булов И.Ю. Современный нативизм идей: некоторые методологические замечания. Философские науки. 2019. Vol. 62. No. 7. P. 96–109.
3. Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С.И. Церетели // Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 53–657.
4. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Пер. с англ. А. Н. Савина // Сочинения в трех томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. С. 78–582.
5. Baer J. Domain specificity of creativity. Amsterdam: Elsevier, 2016.
6. Barsalou L. Perceptual Symbol Systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. No 22. P. 577–609.
7. Barsalou L., Simmons K., Barbey A., Wilson D. Grounding conceptual knowledge in modality-specific systems // Trends in Cognitive Sciences. 2003. No. 7. P. 84–91.
8. Cowie F. What's Within: Nativism Reconsidered. Oxford: Oxford University Press, 2003.
9. Damasio, A. Descartes' Error: Emotions, Reason, and the Human Brain. New York: Avon Books, 1994.
10. Gelman R. Domain Specificity and Variability in Cognitive Development. Child Development. 2000. Vol. 71. No. 4. P. 854–856.
11. Karmiloff-Smith A. Beyond Modularity: A Developmental Perspective on Cognitive Science. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
12. Machery E. Two Dogmas of Neo-Empiricism // Philosophy Compass. 2006. Vol. 1. No. 4. P. 398–412.
13. Pinker S. The Language Instinct: The New Science of Language and Mind. London: Penguin, 1994.
14. Prinz J. Furnishing the Mind: Concepts and Their Perceptual Basis. Cambridge, MA.: MIT Press, 2002.
15. Prinz J. Beyond Human Nature. New York: W.H. Norton, 2012.

© Булов Илья Юрьевич (bulovilya@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ФЕНОМЕН

Вислова Аминат Данияловна

Д.псх.н., в.н.с., ФГБНУ «Федеральный научный центр
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук», г. Нальчик
avislova@mail.ru

PREDICTIVE SIGNIFICANCE OF SELF-ATTITUDE IN THE MODELING OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

A. Vislova

Summary: The article analyzes the features of the development of artificial intelligence (AI) in the context of post-nonclassical science. AI is seen as an area of interdisciplinary research. Interdisciplinarity in the context of the problems under consideration is understood as a methodological tool for the theoretical and categorical design of the corpus of scientific disciplines included in the study of artificial intelligence. An attempt was made to comprehend the methodological problems of the interdisciplinary study of AI. The advantages of AI work carried out at the "junction" of scientific disciplines are summarized.

Keywords: artificial intelligence, psychology, post-nonclassical science, interdisciplinary approach, integration, synthesis, synergetics.

Аннотация: В статье анализируются особенности развития искусственного интеллекта (ИИ) в контексте постнеклассической науки. ИИ рассматривается как область междисциплинарных исследований. Междисциплинарность в контексте рассматриваемой проблематики понимается как методологический инструмент теоретического и категориального оформления корпуса научных дисциплин, включенных в исследование искусственного интеллекта. Предпринята попытка осмысления методологических проблем междисциплинарного изучения ИИ. Обобщаются преимущества работ по ИИ, выполненных на «стыке» научных дисциплин.

Ключевые слова: искусственный интеллект, психология, постнеклассическая наука, междисциплинарный подход, интеграция, синтез, синергетика.

Проблема искусственного интеллекта (ИИ) занимает центральное место в современной науке. Парадигма междисциплинарности, характерная для современного развития науки, в наиболее явном виде прослеживается в изучении ИИ. Вопросы его научного анализа сопряжены с множеством факторов, имеющих отношение к разным дисциплинарным областям. Вполне объяснимо, что привлечение понятийного аппарата и использование методов психологии, нейрофизиологии, психолингвистики, психосемантики и других наук, наилучшим образом позволяет объяснить различные феномены ИИ.

Ещё В.И. Вернадский указывал на то, что «рамки отдельной науки, на которые распадается научное знание, не могут точно определить область научной мысли исследователя, точно охарактеризовать его научную работу. Проблемы, которые его занимают, все чаще не укладываются в рамки отдельной, определенной, сложившейся науки [1]. Великий ученый призывал специализироваться «не по наукам, а по проблемам».

Междисциплинарный подход - это подход к решению научных проблем, основанный на объединении двух и более научных направлений под эгидой какой-либо обобщающей концепции с целью получения новых результатов [2].

Проблемы междисциплинарности обсуждаются в ра-

ботах Б.М. Величковского, М.В. Фаликман, В.А. Мазилова, В.Е. Ключко, А.А. Крылова, Е.Н. Князевой, Б.М. Кедрова и др.

Междисциплинарность в контексте рассматриваемой проблематики нами понимается как методологический инструмент теоретического и категориального оформления корпуса научных дисциплин, включенных в исследование искусственного интеллекта.

Когда актуализируется проблема междисциплинарной интеграции? Согласимся с Б.М. Величковским, который поясняет, что «роль интегративных течений увеличивается тогда, когда становится очевидной фрагментарность результатов: дальнейшее аналитическое движение на отдельном участке не приводит более к лучшему пониманию природы («природы» в широком смысле слова, включающем в себя человека и общество) и становится контрпродуктивным» [3].

Междисциплинарный подход стал научным трендом начиная с последней четверти XX в. и связан со становлением постнеклассической рациональности.

Что из себя представляет постнеклассическая рациональность и чем она отличается от других периодов развития науки?

Первая научная концепция об этапах развития науки, или трех типах рациональности, была предложена

академиком В.С. Стёпиным. Сегодня она стала достоянием широкой академической общественности и активно цитируется учеными разных областей знания. Степень популярности и влияния концепции на науку позволяет говорить о том, что она содержит значительный потенциал для анализа особенностей развития науки. Известный ученый вводит идею о необходимости различать классическую (XVII-XIX вв.), неклассическую (XX в.) и постнеклассическую (конец XX в., настоящее время) науку. В качестве основных критериев выделенных типов рациональности указываются:

1. «особенности системной организации исследуемых объектов и типов картины мира;
2. особенности средств и операций деятельности, представленных идеалами и нормами науки;
3. особенности ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними, выраженные в специфике философско-мировоззренческих оснований науки» [4]. По сути, сегодня не существует более логичной типологии, четко отражающей динамику развития науки.

Не останавливаясь подробно на временной локализации всех типов, отметим, что классическая и неклассическая науки, как правило, «имеют дело с фиксацией свойств и зависимостей объектов, и только постнеклассическая имеет дело с реальностью, которая затрагивает и объекты, и человеческий мир» [5]. Существенный штрих концепции – это представление о мире как целостном образовании.

Постнеклассическая парадигма – это не «чисто познавательная рациональность, претендующая на моделирование реальности «как она есть», она выступает как форма ... проектно-конструктивной рациональности» [6]. Действительно, постнеклассическая наука открывает новые перспективы и предлагает рассмотреть феномены под иным углом зрения.

Ключевыми признаками постнеклассического этапа развития науки являются:

- изменение характера научной деятельности, обусловленное революцией в средствах получения и хранения знаний (компьютеризация науки, сращивание науки с промышленным производством и т.п.);
- распространение междисциплинарных исследований и комплексных исследовательских программ;
- изменение самого объекта – открытые саморазвивающиеся системы;
- включение аксиологических факторов в состав объясняющих предложений [7].

Главной особенностью постнеклассической науки является изучение сверхсложных систем, соотнесен-

ность получаемых знаний не только со средствами деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Закономерно это предполагает «обобщающее понимание науки как единства многообразия в процессе восходящего развития науки» [8].

Основанием постнеклассического типа рациональности признается синергетика. Однако, высказываются возражения относительно оправданности рассматривать синергетику в качестве ядра постнеклассической науки, объясняя это тем, что «синергетика явно не смогла предложить альтернативную картину мира. Все разговоры про возникаемость, холизм и нисходящую причинность остались только разговорами» [9]. Любая смена парадигмы, любые содержательные изменения в теориях сопряжены с неоднозначной оценкой учеными происходящих перемен. Поэтому критический взгляд на возможности синергетики вполне вписывается в такую традицию.

Постнеклассическую науку отличает ее способность объяснить возникновение новых феноменов и фактов, интерпретировать их с междисциплинарных позиций. Для неё характерно «соединение идеи эволюции с идеями системного подхода» и «установление универсальной связи между неживой, живой и социальной материей» [10]. Указанная универсальность дает основание утверждать, что она применима и в междисциплинарном изучении актуальных проблем искусственного интеллекта.

В части разработки проблематики искусственного интеллекта активно обсуждается роль психологии в междисциплинарном исследовании в контексте постнеклассической науки. С одной стороны, это чревато ускоренным и недостаточно адаптированным включением психологических терминов и понятий в методологический аппарат ИИ (хотя этот процесс идет стихийно давно), а с другой стороны, с неизбежностью это обусловит и обратное движение – неправомерное вторжение технической и иной терминологии в психологическую науку.

В данном случае представляется справедливой точка зрения В.Е. Ключко, который возражает против пересадки новых и недостаточно отрефлексированных познавательных установок на почву психологии без их согласования с постнеклассическим потенциалом, накопленным в культурно-исторической теории Л.С. Выготского [11]. Добавим к этому, что фрагменты постнеклассической рациональности содержатся и в других концептуальных представлениях и психологических теориях. Однако ограничимся только упоминанием, поскольку обсуждение этого вопроса в контексте заявленной в статье проблемы не представляется возможным. Вместе с тем, согласимся с утверждением С.Ф. Сергеева

о том, что «в существующей форме постнеклассическая психология представляет собой довольно пестрый, недостаточно хорошо структурированный научный дискурс» [12]. Одним словом, современной психологии необходима методологическая рефлексия относительно постнеклассической парадигмы в плане логик исследования сложно системных феноменов.

Постнеклассическая психология находится в начале пути к развитию междисциплинарных исследований. Можно предположить, что большинство «узких» дисциплин находятся на этом же уровне развития междисциплинарности. Только когнитивная наука добилась существенных результатов в данном направлении и, в особенности, при рассмотрении проблемы искусственного интеллекта.

Исходя из изложенного, можно констатировать, что «с воцарением постнеклассической парадигмы перед наукой и человечеством в целом стоит ряд глобальных вопросов, решение которых в исторической практике пока не выработано» [13]. Одной из масштабных проблем является искусственный интеллект и возможные новые научные открытия в этой области находятся в зоне междисциплинарных исследований.

Обратим внимание, что отдельно взятая дисциплина рассматривает любую научную проблему под своим углом зрения. Наряду с этим, проведение исследования, «выходящего за рамки дисциплинарных ограничений, является сложной задачей, особенно потому, что дисциплины воплощают в себе очень разные способы познания» [14].

Междисциплинарная интеграция, как правило, противопоставляется дисциплинарной дифференциации и сегментации науки как процесс обмена элементами когнитивного содержания между дисциплинами, позволяющий повышать их познавательную эффективность в ходе исследований, т.е. создавать новое знание. В этот обмен могут вовлекаться как методологические, так и теоретические компоненты дисциплин, которые адаптируются к когнитивному содержанию других дисциплин. Содержание, устойчивость и интенсивность этих обменов может быть различной и влиять на характер междисциплинарной интеграции [15,16]. По сути, междисциплинарность «раздвигает» дисциплинарные границы, «исправляет» отдельные последствия чрезмерной специализации научных дисциплин [17], является выражением «интегративного характера современного этапа научного познания» [18]. Проведение междисциплинарных исследований сопряжено с рядом сложностей. Одна из них заключается в «несовпадении специализированных языков, а также понятийного аппарата различных дисциплин» [19]. Это наводит на мысль о том, что при изучении ИИ с междисциплинарных позиций изначально

необходимо согласовать основополагающие понятия и термины, методологические установки. Тем более, что идеи междисциплинарных исследований в области искусственного интеллекта отличаются значительной масштабностью.

В основе междисциплинарности лежит «идея синтеза и интеграции знаний, возраст которых составляет, пожалуй, не одно тысячелетие» [20].

Касаясь проблемы исследований на «стыке» наук, важно отметить, что «междисциплинарность - это: не собрание группы экспертов, каждый из которых эксперт «во всем»; не собрание людей из разных областей знаний в одном месте; не создание всех инструментов для всех дисциплин, а: установление связей, которые позволяют отфильтровать главную (инновационную) идею; отфильтрованная идея создает информацию, которая полезна для всех участников проекта; полезная информация есть знание, которое является богатством [21]. Развитие ИИ идет по пути все большего усложнения и указанные характеристики позволяют правильно определить векторы развития междисциплинарности в этой области науки.

Что же касается основных акцентов, определяющих успешность междисциплинарных проектов, то они заключаются в адекватном задачам исследования ИИ взаимном применении концепций, методов и средств, которыми апеллирует каждая дисциплина. Только в этом случае ожидаемые новые научные данные могут быть реалистичными.

В современном мире объем новых знаний постоянно растёт и вполне понятна привязанность ученых к своим «узким» наукам, нерешительность в выборе междисциплинарной парадигмы с множеством неопределенностей. Однако решение таких сложносистемных проблем как ИИ не оставляет никаких шансов избежать междисциплинарное сотрудничество. Тем более, что такая совместная деятельность ведет к взаимному обогащению наук. «Основным назначением междисциплинарной работы является объединение соответствующих знаний для решения серьезной проблемы» [22].

И вряд ли может вызвать возражение утверждение о том, «что самые значительные успехи достигались тогда, когда перебрасывались мостики между различными дисциплинами [23]. В качестве возможных вариантов развития междисциплинарных исследований выделяются следующие:

1. Проблема успешно решается. Исследователи в этом случае переключаются на другие проблемы моно- или междисциплинарного характера;
2. Завершение междисциплинарного исследования в некоторой проблемной области приводит к воз-

никновению новой научной дисциплины. Это происходит, если перманентная проблематика осознается методологически, т.е. создается научная теория объектов определенного класса, а также фиксированные методы их изучения. Институциональным завершением данного цикла являются возникновение единого, связанного взаимным цитированием массива публикаций, и подготовка специалистов в новой научной области. В этом случае имеет место фактическое прекращением междисциплинарных исследований - новая область становится самостоятельной дисциплиной, являясь междисциплинарной лишь по генезису и обычно по названию. Классическим примером такого пути является возникновение экономической социологии.

3. Третий путь реализуется, когда междисциплинарные исследования в какой-либо области продолжают десятки лет. С такой ситуацией мы имеем дело в крупных исследовательских проектах, когда сохраняется некоторая проблемная область, требующая целой серии междисциплинарных исследований. В качестве примера здесь может выступать изучение взаимоотношений культуры и экономических систем [24]. Преобладание того или иного пути развития зависит от цели и форм реализации междисциплинарности.

В заключение отметим, что междисциплинарный подход представляет собой решение научных проблем, основанный на объединении нескольких научных дисциплин под эгидой определенной обобщающей концепции в целях получения новых данных по исследуемой проблеме.

Искусственный интеллект является одним из наиболее успешных междисциплинарных проектов. Междисциплинарность в контексте проблематики искусственного интеллекта можно рассматривать как методологический инструмент теоретического и категориального оформления корпуса научных дисциплин, включенных в данный исследовательский дискурс.

В целом, тенденцией современной науки является все большее распространение междисциплинарных исследований, выполняемых на «стыке» наук в целях решения актуальных научных проблем. Так, потребность в изучении различных феноменов искусственного интеллекта потребовала привлечения знаний из разных научных направлений и интеграции ряда наук. Результативность междисциплинарной деятельности зависит от усилий каждого «узкого» специалиста. Их концептуальные идеи, выбор адекватных исследовательских методов определяют перспективность междисциплинарной парадигмы в изучении искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 124.
2. Энциклопедия по машиностроению. URL: <http://mash-xxl.info/info/477089/> (дата обращения: 03.04.2021).
3. Величковский Б.М. Когнитивная революция и человек будущего. URL: <https://polit.ru/article/2007/02/08/velichkovskiy/> (дата обращения: 03.03.2021).
4. Социологический словарь / сост.: А.Н.Елсукова, К.В. Шульга. – 2-е изд. Минск: Университетское, 1991. 528с.
5. Воронка Р.А. Особенности постнеклассической науки: философский аспект // Філософія науки: традиції та інновації, 2017. № 2 (16). С. 73.
6. Цикин В.А. Проблема смены гносеологической парадигмы // Практическая философия, 2004. № 1. С. 162–166.
7. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. ИД «Мирь», 2009. С. 249–295. URL: http://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf (дата обращения: 18.03.2021).
8. Прохоров М. М. Наука и современность // Философия и общество, 2013. Выпуск №1(69). С.86–104.
9. Рудный Е. Что такое постнеклассическая наука? URL: <http://blog.rudnyi.ru/2020/01/что-такое-postneklassicheskaya-nauka.html> (дата обращения: 19.03.2021).
10. Цикин В.А. Проблема смены гносеологической парадигмы // Практическая философия, 2004. № 1. С. 162–166.
11. Ключко В.Е. Постнеклассическая транспектива психологической науки // Вестник ТГУ. 2007. № 305. С. 157–164.
12. Сергеев С.Ф. Постнеклассическая рациональность в психологии // Психологический журнал, 2020. Т. 41. № 3 С. 131–134. DOI: 10.31857/S020595920009337-6. URL: <http://ras.jes.su/psy/s020595920009337-6-1> (дата обращения: 19.03.2021).
13. Буданов В.Г. Синергетическая парадигма и её творцы // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2018. №3. С.56–72.
14. Carter M. Ways of knowing, doing and writing in the disciplines. College Composition and Communication, 2007. P. 385–418.
15. Interdisziplinarität. Theorie, Praxis, Probleme / Jungert M., Romfeld E., Sukopp T., Voigt U. (eds.). - Darmstadt: WBG, 2010. 209p.
16. The Oxford handbook of interdisciplinarity / Frodeman R., Klein T., Mitcham J. (eds.). - Oxford: Oxford univ. press, 2010. 624 p.
17. Книгин В.А. Междисциплинарность: основная проблема // Вестник Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политика, 2008. № 3 (4). С. 14–19.
18. Гусев С.С. Междисциплинарность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. И.Т. Касавин. — М.: Канон+, 2009. С. 477–478.
19. Лысак И.В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения // Современные проблемы науки и образования, 2016. № 5. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=25376> (дата обращения: 03.04.2021).
20. Klein J. Th. Interdisciplinarity: History, theory, and practice / Julie Thompson Klein. – Detroit: Wayne State Uni. Press, 1990. 331 p.

21. Lori Nicolas Francisco. Междисциплинарность в инженерном образовании: тенденции и концепции // Инженерное образование, 2014. Вып. 14. С. 31-37.
22. McGrath, Earl J. Interdisciplinary studies: An integration of knowledge and experience // Change: The Magazine of Higher Learning, 1978. Vol. 10. P. 6–9.
23. Алле М. Экономика как наука / Пер. с фр. М., 1995. С. 49.
24. Мирский Э.М., Петров М.К. Междисциплинарные исследования в структуре научно-технического прогресса// Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Сб. научных трудов. - Л., 1973. Вып. V. С. 141-145.

© Вислова Аминат Даняловна (avislova@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Федеральный научный центр Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ДИСКУРСА О ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

Кононов Сергей Викторович

К.ф.н., старший преподаватель, Дальневосточное высшее общеобразовательное командное училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского
kononov7744@yandex.ru

CONCEPTUALIZATION OF THE FOREIGN RESEARCH DISCOURSE ON THE PROBLEMS OF SOCIAL SECURITY IN THE RUSSIAN-CHINESE BORDER AREA

S. Kononov

Summary: The aim of the study is to conceptualize the discourse of Western studies devoted to the aspects of social security of the Russian-Chinese border area. The objectives of the study are to identify aspects of social security in Western descriptions of the Russian-Chinese borderlands in the XVII-XIX centuries; to determine the degree of influence of political conjuncture on the interpretation of the social security of the Russian-Chinese borderlands; to analyze modern transformations of the critical concept of social development of the Russian-Chinese border areas in the XXI century. The novelty of the study is determined by the fact that it is the first to conceptualize the assessments of factors and patterns of the formation of social security on the territory of the Russian-Chinese border in the works of European and American authors. The methodology of the research suggests the need to use the methods of critical analysis, comparative-historical and hermeneutical methods, systematization, but it is impossible without a certain reduction, abstraction and modeling. The result is to determine the vector of formation of the methodology of Western studies of the social security of the Russian-Chinese border area from early idealizations to positivist descriptions and the «critical concept», where Russia was assigned the role of a social threat. The second result is the identification of the content of the critical concept of social security of the Russian-Chinese border area, which consists in the fact that Russian-Chinese relations are perceived by Western researchers as a factor of lagging behind the development of regional society from the global level. The third result is an analysis of the transformation of the critical concept of social security of the Russian-Chinese border area, which consists in recognizing the independence of this regional space and its dependence not so much on Western trends in globalism, but on the influence of East Asian players, among which China is the leading one.

Keywords: social security, China, Russia, Russian-Chinese border area, Western studies of Russian-Chinese interaction, critical concept of social security of the Russian-Chinese border area.

Аннотация: Целью исследования проведение концептуализации дискурса западных исследований, посвященных аспектам социальной безопасности российско-китайского приграничья. Задачами исследования является выделение аспектов социальной безопасности в западных описаниях российско-китайского приграничья в XVII-XIX вв.; определение степени влияния политической конъюнктуры на интерпретации социальной безопасности российско-китайского приграничья; анализ современных трансформаций критической концепции социального развития приграничных российско-китайских территорий в XXI в. Новизна исследования определяется тем, что в нем впервые проводится концептуализация оценок факторов и закономерностей становления социальной безопасности на территории российско-китайского приграничья в трудах европейских и американских авторов. Методология исследования предполагает необходимость привлечения методов критического анализа, сравнительно-исторического и герменевтического метода, систематизации, однако невозможно без определенной редукции, абстрагирования и моделирования. Результатом является определение вектора формирования методологии западных исследований социальной безопасности российско-китайского приграничья от ранних идеализаций до позитивистских описаний и «критической концепции», где России отводилась роль социальной угрозы. Вторым результатом является выявление содержания критической концепции социальной безопасности российско-китайского приграничья, которое заключается в том, что российско-китайские отношения воспринимаются западными исследователями, как фактор отставания развития регионального общества от общемирового уровня. Третьим результатом является анализ трансформации критической концепции социальной безопасности российско-китайского приграничья, которая заключается в признании самостоятельности этого регионального пространства и зависимости его не столько от западных трендов глобалистики, сколько от влияния восточно-азиатских игроков, ведущим среди которых является Китай.

Ключевые слова: социальная безопасность, Китай, Россия, российско-китайское приграничие, западные исследования российско-китайского взаимодействия, критическая концепция социальной безопасности российско-китайского приграничья.

Введение

Актуальность

Проблема социальной безопасности приграничных регионов России и Китая представляет актуальную тему исследований российской, а также зарубеж-

ной англоязычной и китайской историографии. Общий контекст этих произведений посвящается анализу процессов взаимодействия Китая и России, и затрагивает различные аспекты влияния этих государств на окружающие социальные пространства. Среди этих направлений значимое место занимает зарубежная историография, в рамках которой были составлены наиболее

ранние описания Китая и окружающих его социальных пространств. Несмотря на то, что в рамках этих исследований на Западе социальная безопасность российско-китайского приграничья не составила специального предмета исследования, различные ее аспекты представлены в публикациях, посвященных теме российско-китайского взаимодействия, а также взаимодействия западных стран и Китая. При этом, в отличие от российских и китайских авторов, находящихся в рамках этого процесса, западные исследователи предлагают свои подходы, методы и мировоззренческую оценку, отличием которой является взгляд извне, с учетом западной научной методологии, а также теорий, представлений и ценностей. Это обусловило наличие специфических для западного мировосприятия характеристик российско-китайского взаимодействия, а также оценок влияния этих стран на окружающее социальное пространство. Теоретическое значение исследования связывается с определением специфики западных подходов к анализу и описанию факторов социальной безопасности российско-китайского приграничья, а также обнаружении противоречия между данной концепцией и признаваемой канонической концепцией региональной безопасности А. Ачарья [8], Б. Бузана [12], Л. Фоусета [15], Дж. Ньюмана [25], синтезировавших представления конструктивизма и социального реализма. Практическое значение исследования определяется возможностью выделения описательных и оценочных категорий в западных концепциях социальной безопасности российско-китайского приграничья, и определить степень их применимости при исследовании и анализе проблем развития данной социальной системы.

Степень исследованности

Элементы социальной безопасности представлены в исследованиях российско-китайского приграничья Х.Б. Морзе [3], Д. Даллина [13], А. Форсайта [14], Р. Квестиды [21], Ван дер Ойе [28], С. Коткина [20], В. Гарнета [17]. Большое влияние на формирование представлений о данном предмете оказали публикации политических деятелей, таких как З. Бжезинский [2], Г. Киссинджер [19], М. Тэтчер [5], М. Олбрайт [4], а также представителей современного экспертного сообщества в области регионалистики, таких как С. Бланк [12], М. Харрисон [7], Ло Б [22], М. Фрейре [16], С. Арис [11], Т. Гомар [18], Дж. Розман [27], Е. Вишник [29], Т. Пемпель [26], М. Алагаппа [9], А. Масафуми [23].

Результаты:

1. Социальная безопасность российско-китайского приграничья не является особым предметом исследования западной историографии, однако ее аспекты представлены в публикациях, посвященных теме российско-китайского взаимодействия. Западные исследователи, в отличие от российских и китайских авторов, находящихся в рамках

этого процесса, предлагают подходы и мировоззренческую оценку, спецификой которой является взгляд извне, а также опора на западную методологию, теории и ценности, которые повлияли на трансформации понимания ими социальной безопасности в российско-китайском приграничье. В частности, на протяжении XVII-XIX вв. отношение европейских исследователей к влиянию Китая на окружающее приграничье определяла идеализация Китая, как государства олицетворявшего совершенное общественное устройство. В конце XIX – нач. XX в. благодаря распространению позитивизма, идеализированный образ влияния Китая на социальную безопасность прилегающих территорий, сменился на представления, рождаемые исследованиями, основой которых был эмпирический материал, касающийся политического, экономического и социального взаимодействия в российско-китайском приграничье. С сер. XX в. развитие западного понимания проблемы социальной безопасности в российско-китайском приграничье оказалось зависимым от политической конъюнктуры, которая стала определять описание российско-китайских отношений, понимаемых теперь главным образом, в контексте идеологии противостояния цивилизаций Востока и Запада.

2. Содержание критической концепции социального развития приграничных российско-китайских территорий заключается в том, что российско-китайские отношения воспринимаются западными исследователями, как важнейший фактор социального развития приграничных регионов, который объявляется причиной отставания развития регионального общества от общемирового уровня. Эта концепция основана на положении о том, социальные проблемы российско-китайского приграничья не имеют самостоятельного характера, так как полностью производны от российско-китайского политического, военного, экономического и социального противостояния. Согласно этой концепции, Россия является слабым агрессором на колонизованных землях, расположенных в регионах китайского приграничья, которые удерживаются только с помощью военной силы, однако не развиваются и не используются.
3. Современная концепция западных авторов в отношении проблем региона российско-китайского приграничья трансформируется в сторону признания самостоятельности этого регионального пространства, и зависимости его не столько от западных трендов глобалистики, сколько от влияния восточно-азиатских игроков, ведущим среди которых является Китай. Трансформации «критической концепции» в исследованиях социальной безопасности российско-китайского приграни-

чья, определяются убеждением в необходимости организации сотрудничества между Китаем и США, партнерские усилия которых могут стать основой для разрешения социальных проблем региона, ведущей из которых представляется присутствие ослабевшей России. С точки зрения западных экспертов, отсталость социального развития региона российско-китайского приграничья обусловлена нежеланием менять нормативные устои социальной жизнедеятельности российского и китайского сообществ, основанные на принципах коммунитаризма, на либеральные порядки, определяющие порядок жизнедеятельности западных обществ. В то же время западные исследователи российско-китайского приграничья, практически не используют наработки теории региональной безопасности, так как, следуя политической конъюнктуре, практически не обращают внимания на реальные процессы социальных трансформаций, затрагивающие региональный социум, благодаря региональному взаимодействию, а также самостоятельному развитию в политической, экономической, социальной сферах.

Обсуждение результатов

Аспекты социальной безопасности в западных описаниях российско-китайского приграничья в XVII-XIX вв.

Обсуждение данной темы сопровождало практически всю историю формирования западных исследований Китая и окружающих его территорий, в течение которой концептуальные оценки влияния этой страны на окружающие социальные пространства претерпевало существенные трансформации. Одной из первых оценок состояния социальной безопасности территорий, сегодня входящих в регион российско-китайского приграничья, можно считать описания европейских путешественников, таких как М. Поло, Дж. Мандевиль, содержащих первый опыт осмысления влияния Китая на окружающие социальные пространства. Как пишет О. Фишман, именно путешественники, торговцы и миссионеры заложили основу западного восприятия Китая и всего, что связано с его влиянием в западном обществе [6]. По мнению этого автора, рассмотрение проблематики китайского влияния на социальные устои взаимодействующих с этой страной обществ у европейцев проходило в рамках концепции «культурной адаптации», которая предполагала принятие идеализированного образа Китая, как сказочной страны, олицетворявшей совершенное общественное устройство.

В конце XIX – нач. XX в. благодаря распространению методологии, основанной на принципах позитивизма, идеализированный образ, связанный с верой благотвор-

ное влияние Китая на социальную безопасность прилегающих территорий варварских государств, сменился на представления, рождаемые научными исследованиями, основой которых являлся эмпирический материал, избавленный от аналитических комментариев, и мировоззренческих оценок. Такие представления отражали содержание работ Г. Говена, М.П. Прайса, Г.Б. Морзе [3], которое определялось описанием фактологической стороны, касающейся российской и китайской политики на Дальнем Востоке, включающей описание политических и финансовых операций между странами, развития экономики в приграничных территориях, железнодорожного строительства, военных операций на русско-японском фронте, боксерском восстании. Таким образом, основу научного подхода западных авторов к проблеме социальной безопасности российско-китайского приграничья на рубеже XIX-нач. XX в. составил позитивистский подход, отраженный в ряде исторических описаний процессов российско-китайского взаимодействия.

Влияние политической конъюнктуры на интерпретации социальной безопасности российско-китайского приграничья в исследовательских концепциях западных авторов в XX в.

С сер. XX в. развитие западного понимания проблемы социальной безопасности в российско-китайском приграничье оказалось зависимым от политической конъюнктуры, которая стала определять описание российско-китайских отношений, понимаемых теперь главным образом, в контексте идеологии противостояния цивилизаций Востока и Запада. От отстраненных от мировоззренческих оценок позитивистских исследований авторы публикаций, посвященных российско-китайскому взаимодействию, перешли к произведениям, содержащим концептуальный анализ, содержащий жесткую критику российской политики в российско-китайском приграничье. В этом контексте социальная безопасность российско-китайского приграничья на Западе понималась только как проблема внешней политики, международных отношений и борьбы России и Китая за влияние в Восточноазиатском регионе.

В частности, это касается публикаций Г.Б. Морзе, который, изменив теоретическую базу своих работ, в начале 30-гг XX в. [24], выпустил новый вариант исследования о российско-китайском взаимодействии, где была дана негативная оценка российской политики на Дальнем Востоке. Проблемы русско-китайских отношений в этот период трактовались только через призму концепции российской экспансии, предполагающей оценку любых российских действий только как агрессии в отношении Китая и его населения, проживавшего в приграничных территориях. В течение 50-х гг. вышел целый ряд исследований, направленных на разоблачение политики России на Дальнем Востоке. Например, жесткая оценка

российской политики была изложена в обличительной монографии Д. Даллина, посвященной событиям русско-китайской и русско-японской войны. Неоднозначным моментами истории взаимодействия между Россией и Китаем были посвящены работы П. Клайда, А. Улара, Р. Ли, Ч. Тана, которые обосновывали реальность «желтой опасности» для российского Дальнего Востока. Они писали о слабых позициях России на Дальнем Востоке, о китайской контрабанде, контрафактной деятельности, ходе военного противостояния между Китаем и Россией. В публикациях Дж. Стефана и Дж. Форсайта проанализированы противоречия в развитии Дальнего Востока, которые возникли в результате имперской политики России в Маньчжурии [14].

На рубеже 60-х гг. XX в. в связи с временным потеплением отношений между Советским Союзом и западными странами ознаменовались появлением аспектов признания позитивной роли России на Дальнем Востоке в работах А. Малоземова, Дж. Ленсена, Э. Клабба, которые анализируют противоречия между невысоким экономическим потенциалом и значительными политическими претензиями России на Дальнем Востоке. Однако делая общие выводы и уделяя внимание такой проблеме как «желтая опасность», которую ощутили западные страны в это время, они, в то же время писали о том, что Россия может стать силой, способной спасти Европу от угрозы «китайского нашествия». Эта же идея прослеживается в публикациях В. Коларза и Дж. Колмаса, где позитивно оценивалась внешне политика России на Тибете и в Маньчжурии. Однако в 70-80 е гг. XX в. в связи с обострением «холодной войны» оценки политики России на Восток со стороны западных исследователей вновь приобрели более жесткий и односторонний характер. В частности, дальневосточную политику России как тупик описывают Я. Ниш, Д. Макдональд, С. Пэйн, Р. Квестид [21], характеризующие внешнюю политику России как агрессию, нацеленную на аннексию китайских территорий.

Современное развитие критической концепции социального развития приграничных российско-китайских территорий

В современной западной историографии продолжает уделяться внимание вопросам и проблемам российско-китайских отношений. При этом вывод, который напрашивается на основании содержания этих исследований, заключается в том, что российско-китайские отношения воспринимаются западными исследователями, как важнейший фактор социального развития приграничных регионов. Такие исследователи, как Ш.У. Гарнетт, П. Хопкирк, Д. Уинтл Д.С. ван дер Ойе [28] рассматривают проблематику российско-китайского взаимодействия исходя из концепции столкновения цивилизаций Востока и Запада, где Китай и Россия представляют разные аспекты цивилизации Востока, что и является причиной

отставания развития общества в данном регионе. Схожих убеждений придерживается С.Г. Маркс и С. Коткин [20], развивающие концепцию попытки российской колонизации и освоения Северного Китая за счет железнодорожного строительства, в котором магистраль выступает в роли инструмента освоения территорий, а социальная инфраструктура представляется как следствие построения железной дороги. Авторы доказывают, что причиной возможной китайской агрессии в регионах российско-китайского приграничья являются социальные проблемы отдаленных территорий, такие как слабая заселенность, неразвитая инфраструктура, отсутствие сильного управления и военной защиты.

Вопросы российско-китайского противостояния, которым посвящены работы по исследованию приграничных с Китаем районов российской Сибири и Азии в их публикациях освещаются в рамках критической концепции, утверждающей реальность аннексии территорий Китая со стороны России. Эта концепция основана на положении о том, что Россия целенаправленно стремилась к установлению своих границ на Востоке, где как пишет Е. Олвоз, она проводила кампании по их расширению, однако усилий для их социального развития не прилагала. Поэтому, с точки зрения данной концепции, которую сегодня представляют С. Пэйн и Ш. Гаммет, социальные проблемы российско-китайского приграничья не имеют самостоятельного характера, так как производны от российско-китайского противостояния.

Таким образом, на Западе за последние десятилетия XX в. сформировалась критическая концепция социального развития приграничных российско-китайских территорий. Согласно этой концепции, Россия является слабым агрессором на колонизованных землях, которые удерживаются с помощью военной силы, но не развиваются и не используются. В силу этого формулируется принцип западных исследований социальной безопасности в российско-китайском приграничье, который заключается в утверждении о том, что изменения социальной структуры российского китайского приграничья, являются элементом действия обширной системы мирового порядка, который в современных условиях представляет «однополярный мир». В рамках этой концепции Россия представляет не реальную геополитическую силу, а угрозу, которая должна быть устранена с помощью сил «однополярного мира».

В начале XXI в. проблемы социальной безопасности российско-китайского приграничья стали одним из аспектов политических исследований З. Бжезинского [2], Дж. Бланка [12], Г. Киссинджера [19], М. Тэтчер [5], М. Олбрайт [4], М. Харрисона [7]. Их публикации содержат много общих позиций, отражающих очевидный антироссийский контекст, заключенный в идее о том, что ведущим игроком, который формирует социальную си-

туацию на территории приграничья между Россией и Китаем являются США. При этом в силу того, что власть этого государства над представленными территориями не является очевидной, США должны использовать имеющееся в регионе противостояние между Россией и Китаем для установления последующего контроля над ним. Данная ситуация по мнению западных авторов, является разрешимой, только с учетом того, что такой участник приграничного взаимодействия, как Китай, понимает необходимость обеспечения социальной безопасности и вносит свой посильный вклад в становление этой социальной системы. Поэтому, достижение этой цели возможно только в случае организации стратегического сотрудничества США с КНР.

Как подчёркивает З.К. Бжезинский, мировое господство США позволяет Америке вступить в союз с Китаем на тех территориях, которые входят в обширную зону китайского влияния. Причиной этого, по мнению автора, является то, что представляющая угрозу региональному порядку Россия отличается слабостью по сравнению с намного превосходящим ее по экономической и демографической мощи Китаем. Как полагает автор, союз с Китаем, основанный на паритетном разделении сфер влияния, позволит США создать «большую двойку», способную совместно решать все, в том числе социальные проблемы территорий, прилегающих к Китаю. Схожую точку зрения выражает Г. Киссинджер, стремящийся к обоснованию концепции эффективного взаимодействия КНР и США. По мнению Г. Киссинджера, при проведении региональной политики США должны учитывать, что Китай является сюзереном Восточной Азии и Тихоокеанского региона, который контролирует прилегающие к его границам территории варварских вассальных государств. Безусловно, что само это развитие понимается, как движение в направлении вытеснения России из региона, так как Г. Киссинджер считает это условием формирования будущего проекта взаимодействия Китая и Америки в рамках решения социальных проблем этих территорий [19].

Большое внимание ведущей роли Китая в исследуемом регионе уделяется в публикации М. Тэтчер, которая считает, что китайские традиции управления и социальной жизни оказывают определяющее влияние на развитие окружающих Китай государств [5]. Однако это влияние, является очень неоднозначным и поэтому Китай требует к себе пристального внимания со стороны США, стремящихся к контролю над процессами, происходящими вокруг Китая. Китай, по ее мнению, также как и по мнению М. Олбрайт, является региональной силой, которую невозможно игнорировать, так как он чересчур велик и чересчур репрессивен. Америка и Европа, несмотря на нежелание поддаваться их влиянию со стороны Китая, должны искать пути сближения с этим государством, как с наиболее влиятельной силой, с которой

возможно строить систему социальной безопасности в Восточной Азии [4].

Такие же положения доказываются экспертами, отмечающими, что в Китае воспринимают Россию только в качестве ресурса и подчиненной силы, используемой для проведения своей политической и экономической стратегии. В частности, С.Д. Бланк, анализируя усилия России в восточном направлении, доказывает их бесперспективность, показателем которой является череда неудач, подорвавших ее стремление к усилению организации социальной инфраструктуры в российско-китайском приграничье. Этот автор пишет, что Россия сознательно отдает инициативу в руки Китая и соглашается на подчиненное положение. Россия, согласно мнению данного исследователя, предоставляет китайским партнерам территории и сырьевые ресурсы в обмен на любые виды помощи и финансирования [12]. Идеи о том, что современное взаимодействие между Россией и Китаем нацелено на пользу Китаю, становящемуся новой глобальной силой, развиваются Б. Ло [22], М. Фрейре [16], С. Арисом [11], Т. Гомаром [18], Г. Розманом [27], Э. Вишник [29], которые пишут об оттеснении России на периферию регионального взаимодействия. Поэтому современная концепция западных авторов в отношении проблем региона российско-китайского приграничья трансформируется в сторону признания самостоятельности этого регионального пространства, и зависимости его не столько от трендов глобалистики, сколько от влияния восточно-азиатских игроков, ведущим среди которых является Китай [30]. В частности, эту проблему анализирует Т.Д. Пемпель, который считает, что к особенностям регионального Восточно-азиатского социального пространства необходимо относить доминирующее влияние государств на все виды социального взаимодействия. Этот автор доказывает, что страны Восточной Азии, по сравнению со странами Европейского континента демонстрируют нежелание развивать социальное взаимодействие на региональном уровне. Все решения в отношении судьбы и направленности развития социальных пространств, подконтрольных этим государствам, принимаются только на уровне самих государств без согласования с кем-либо и даже без учета мнения тех, на какого они направляются [26].

Эта социальная стратегия региональных политиков, как представляется современным западным авторам, таким как М. Алагаппа [9], А. Масафуми [23], не является продуктивной, так как попытки организации региональных союзов, пытающиеся противопоставить себя общемировому порядку, выстроенному по принципу «однополярного мира», не имеют смысла, а только порождают атмосферу страха и недоверия. Эти авторы, развивают модифицированный вариант критической концепции регионального развития, в котором Россия, также как Китай и Япония, критикуются за попытку, основываясь на

ограниченных в политических и экономических возможностях двусторонних альянсах, разрешить социальную ситуацию в районе российско-китайского приграничья, привели регион к состоянию масштабного кризиса, продолжавшегося на протяжении всего XX в.

Таким образом, содержание современных трудов зарубежных авторов, посвященное социальной безопасности российско-китайского приграничья, нацеливается на конструирование той картины социального развития и социальной безопасности, актуализация которой может мобилизовать общество на достижение идеалов, основанных на ценностях глобализма и либерализации общественной жизни. Очевидно, что такая методология носит инструменталистский характер, нацеленный на конструирование нормативных и ценностных представлений общественных групп на территории региона. Таким образом, современные тенденции развития западной методологии исследований социальной безопасности в рамках российско-китайского приграничья направлены на обоснование такой модели социальной безопасности региона, в рамках которой он должен развиваться, подчиняясь общему процессу развития мировой цивилизации в рамках глобализационного процесса, направляющего региональное развитие на включение в свои ареалы. При этом обратная тенденция, представляющая процесс социального развития региона, основанный на региональных социальных ценностях, по отношению к российско-китайскому приграничью оценивается, как угроза социальному развитию. Это входит в противоречие с теоретическими положениями современного научного дискурса, которые доказываются А. Ачарья, Бузаном, Д. Лейком, Дж. Ньюманом [25], выступающими с требованиями, согласно которым состояние социальной безопасности регионов не может только конструироваться, так как оно имеет объективные параметры своей структуры и реальные проблемы и тенденции развития. Поэтому становится очевидным, что практическое значение для организации современных исследований социальной безопасности российско-китайского приграничья, должна иметь реализация модели исследований, разработанной В. Кое, К. Кузаком, Ц. Фоусетом [15]. В их трудах разрабатывается методология структурного реализма, учитывающего положения как инструменталистских и конструктивистских концепций, так и положения цивилизационного и системного подходов, в которых отражались актуальные проблемы современности и угрозы выживанию региональных сообществ. Эта модель настоятельно требует учета влияния, которое оказывает каждый регион, противопоставляющий внешнему воздействию свою систему интересов и ценностей, которая, обладает своим потенциалом, сформированным историческими, природно-географическими условиями, регулирующими отношения природы, человека, общества и мира, придающим ему единство и системность.

Выводы:

Западный научный дискурс, посвященный влиянию Китая на прилегающие территории России, несмотря на разнообразие многочисленных оценок, имеет общий теоретический контекст, посвященный выяснению сущности влияния Китая и России на окружающие социальные пространства. Исследование показало наличие специфики европейского и американского восприятия образов Китая и России, связанной со стремлением прояснить особенности российско-китайских отношений с учетом западных теорий, представлений и ценностей, влияние на которые оказывает политическая конъюнктура. В частности, такой особенностью является представление проблематики российско-китайского приграничья, как проблемы внешней политики, международных отношений и экспансии России и Китая в восточноазиатском регионе. Общей тенденцией развития западной историографии в отношении проблемы социального развития и безопасности регионов российско-китайского приграничья является разработка «критической теории», в рамках которой проводится обоснование невозможности социального развития региона российско-китайского приграничья в рамках только региональных, российских или китайских ценностей. Представители критической теории разрабатывают обоснование необходимости развития такого регионального порядка, который был бы ориентирован на социальные ориентиры, принимаемые мировым сообществом, под которыми имеются в виду ценности глобализма и либерализма. В то же время зарубежные исследователи понимают и констатируют, что в региональном пространстве взаимодействия между Россией и Китаем господствуют совсем другие ценности, не совместимые ни с политическими, ни с «духовными» ценностями западного общества. При этом, с точки зрения западных экспертов, именно приверженность традиционным порядкам, основанным на принципах коммунизма и нежелание менять эти нормативные устои на либеральные, является причиной отсталости социального развития региона российско-китайского приграничья, ведущей к угрозе политического, экономического, демографического поглощения со стороны более развитых соседей. Анализируя содержание специфических для региона «азиатских ценностей», они пришли к выводу о невысокой степени их развития, утверждая, что руководство России и Китая не желает вступать в процессы интеграции с мировым сообществом, предпочитая регионализм в качестве площадки для социального развития. Здесь важно, что внимание ими уделяется главным образом, сохранению неизменности идеологических устоев в то время, как практически не анализируются процессы социальных трансформаций, затрагивающие региональный социум, благодаря мировому и региональному взаимодействию, а также самостоятельному развитию в политической, экономиче-

ской, социальной сферах. Проведенное исследование раскрывает необходимость применения результатов западных исследований российско-китайского приграничья в рамках методологии А. Ачарья, Б. Бузана, Д. Лейка, Дж. Ньюмана, Ц. Фоусета. В их трудах разрабатывается методология структурного реализма, учитывающего положения инструменталистских и конструктивистских концепций, и положения цивилизационного и системного подходов, в которых отражались актуаль-

ные проблемы современности и угрозы выживанию региональных сообществ. Эта модель настоятельно требует учета влияния, которое оказывает каждый регион, противопоставляющий внешнему воздействию свою систему интересов и ценностей, которая, обладает своим потенциалом, сформированным историческими, природно-географическими условиями, регулирующими отношения природы, человека, общества и мира, придающим ему единство и системность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blank S. Towards a New Chinese Order in Asia: Russia's Failure // NBR Special Report, 2011. N. 26. Pp. 4-19.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2013. 703 с.
3. Морзе Х.Б. Международные отношения Китайской империи. Нью-Йорк: Изд-во Нью-Йорк, 1918. 1570 с.
4. Олбрайт М. Религия и мировая политика. М.: Альпина, 2007. 352 с.
5. Тэтчер М. Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира. М.: Альбина Паблишер, 2003. 504 с.
6. Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII-XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 544 с.
7. Харрисон М. «Спотыкающийся медведь, парящий дракон: мог ли Советский Союз пойти по китайскому пути? // Вестник Европы. 2014. № 38. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2014/39>
8. Acharya A. The End of the American World Order. Cambridge: Polity, 2018. 224 p.
9. Alagappa M. International Peace in Asia: Will It Endure? // The ASAN Forum. 2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.theasanforum.org/international-peace-in-asia-will-it-endure/>
10. Allworth E. Central Asia, 120 Years of Russian Rule. Durham, N.C.: Duke University Press, 1989. 606 p.
11. Aris S., Snetkov A. Russia's Foreign Policy-Current Trajectory and Future Prospects // Russian Analytical Digest. 2018. No. 213, 7 February. Pp. 9-13.
12. Blank S. Towards a New Chinese Order in Asia: Russia's Failure // NBR Special Report, 2011. N. 26. Pp. 4-19.
13. Buzan B., Lawson G. The Global Transformation: History, Modernity, and the Making of International Relations. Cambridge University Press. 2015. Pp. 157– 182.
14. Forsyth J. A History of the Peoples of Seberia. Russia's North Asian colony 1581-1990. Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. - XX, 455 с.
15. Fawcett L. Regionalism by Emulation: Considerations across Time and Space // Interregionalism and the European Union. Post-revisionist Approach to Europe's Place in a Changing World. Abington: Routledge, 2016. Pp. 33-55.
16. Freire M.R., & Simão, L. The modernisation agenda in Russian foreign policy // European Politics and Society, 2015. 16(1). Pp. 126–141.
17. Garnett Sh.W. The New Central Asia: In Search of Stability // A Report to the Trilateral Commission. 2000. 80 p.
18. Gomart Th. Guerres invisibles - Nos prochains défis géopolitiques. Paris: Éditions Tallandier, 2021. 317 p.
19. Kissinger H. On China. New York: The Penguin Press, 2011. 586 p.
20. Kotkin S. Manchurian Railways and the Opening of China: An International History. Armonk; NY, 2010. 235 p.
21. Quested R.K.I. «Matey» imperialists. The Tsarist Russians in Manchuria 1895–1917. Hong-Kong: Centre of Asian Studies, 1982. 430 pp.
22. Lo B. Russia and the New World Disorder. Washington: Brookings Institution Press. 2015. 344 p.
23. Masafumi A. The China-Russia-Japan Military Balance in Manchuria, 1906–1918 // Modern Asian Studies. 2010. Nov. Vol. 44. Iss. 6. P. 1283–1311
24. Morse H.B. MacNair H.F. Far Eastern international relations. Boston: Houghton Mifflin and Company. 1931. 846 p.
25. Nyman J. What is the value of security? Contextualising the negative/positive debate. Review of International Studies. 2016. 42 (5). Pp. 521-839.
26. Pempel T.J., Tsunekawa K. Two Crises, Different Outcomes: East Asia and Global Finance. By. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2016. 280p.
27. Rozman G. Chinese Views of Chinese-Russian Relations and the U.S. Pivot // Uneasy Triangle: China, Russia, and the United States in the New Global Order," Center on Global Interests. 2015. October. Pp. 19-26
28. Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, Ill., 2001. 329 p.
29. Wishnick E. The New China-Russia-U.S. Triangle // NBR Analysis Brief. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/43545459/The_New_China_Russia_U_S_Triangle
30. Zhukov A., Bernyikevich T. Religious security of the Russian Federation as Reflection object of the philosophy and religious studies // MATEC Web of Conferences. electronic edition. 2018. C. 10003.

© Кононов Сергей Викторович (kononov7744@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ АРХИМАДРИТА СОФРОНИЯ (САХАРОВА) И ТРИАДОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Ласточкин Олег Игоревич

*Преподаватель, Санкт-Петербургский технический
колледж управления и коммерции
oi_l@mail.ru*

THE PERSONALISTIC THEOLOGICAL STUDIES OF ARCHIMADRITE SOPHRONY (SAKHAROV) AND THE TRIADOLOGICAL TEACHING OF THE ORTHODOX CHURCH

O. Lastochkin

Summary: The article presents the personalistic theological studies of Archimandrite Sophrony (Sakharov) regarding its authenticity to the teaching of the Orthodox Church. The applied methodology is a comparative analysis and an exegetical analysis elucidating the sense and meaning of the statements in question. The analysis deals with the personalistic attitudes of Fr. Saphrony, such as the primacy of the Person in God as related to nature and the kenotic nature of the Person, whereby the unity of God and the perichoresis of the Hypostases are understood as the consequence of kenotic relation of the Hypostases and the kenosis is understood as the basis of the Life in Trinity. It is stated that in these beliefs Fr. Saphrony follows Russian religious and philosophical thought, in particular Fr. S. Bulgakov. The patristic Tradition is studied on the issue of the relation between nature and the Hypostases in God and the kenosis in the Life in Trinity. According to the Sacred Tradition, the personalistic teaching of Fr. Saphrony on the Life in Trinity, its kenotic nature, which includes the teaching about the Person, the kenosis in God, and the unity of God, is considered to be a distortion of the Orthodox doctrine. The novelty of the research lies in the critical scrutiny of Fr. Saphrony's triadological views in their relation to the Orthodox teaching, which is conducted for the first time.

Keywords: Archimandrite Sophrony (Sakharov), Person, Nature, God—Trinity, Kenosis, Fr. S. Bulgakov, personalistic theological studies, Orthodox doctrine, perichoresis of the Hypostases.

Аннотация: В статье рассматривается персоналистическое богословие архимандрита Софрония (Сахарова) на предмет его аутентичности учению православной Церкви. Применяемая методология – это сравнительный анализ текстов и экзегетический анализ, выявляющий смысл и значение рассматриваемых положений. Подвергаются анализу персоналистические установки о. Софрония, такие как, понятие «принципа Персоны», первичность Персоны в Боге по отношению к природе и кенотичный характер Персоны, благодаря которым единство Божие и перихоресис Ипостасей понимается как следствие кенотического отношения Ипостасей, а кеносис как основа внутритроичной жизни. Указывается, что в данных своих воззрениях о. Софроний следует русской религиозно-философской мысли, в частности о. С. Булгакову. Исследуется святоотеческое Предание по вопросам соотношения природы и Ипостасей в Боге и кеносиса во внутритроичной жизни. Согласно св. Преданию Церкви устанавливается, что персоналистическое учение о. Софрония о внутритроичной жизни, ее кенотичность, в которое входит учение о Персоне, о кеносисе в Боге, о единстве Божьем является искажением православного вероучения. Новизна исследования состоит в критическом всестороннем анализе триадологических взглядов о. Софрония (Сахарова) в соотношении их с учением православной Церкви, который осуществляется впервые.

Ключевые слова: архимандрит Софроний (Сахаров), Персона, Природа, Бог-Троица, кеносис, о. С. Булгаков, персоналистическое богословие, православное вероучение, перихоресис Ипостасей.

Богословские взгляды и богословие в целом имеет непосредственное отношение и к духовной жизни христианина, и к делу нашего спасения, так как является выражением духовного опыта, и показывает как его положительность, так и отрицательность. Поэтому соотношение взглядов в особенности современных богословов с учением Церкви, с Православным Преданием, которое для дела нашего спасения и существует, насущно необходимо и всегда актуально.

В современном богословии наибольшее влияние сегодня имеет течение персонализма, претендующее на новое слово в богословии, которое неоднозначно оценивается в отношении Церковного вероучения, и является предметом богословских споров. Персона-

лизм оказал огромное влияние и на рассматриваемое богословие архимандрита Софрония (Сахарова), которое можно охарактеризовать как персоналистическое. Предметом исследования является персоналистическое богословие о. Софрония (Сахарова) в сравнении с учением Церкви, объектом — его триадологические тексты посвященные учению о Персоне, перихоресису Ипостасей и кеносису во внутритроичной жизни.

Основой формирования богословских взглядов о. Софрония является его понимание догмата о Святой Троице, в частности его учение о Персоне в Боге. «Принцип персоны», по о. Софронию, является основанием, «онтологическим ядром», как человеческого бытия, так и абсолютного бытия Божия. «Ипостась-Персона есть

первичный принцип и последнее всеобъемлющее изменение в Божественном Бытии; так же и в человеческом, по образу Божию тварном бытии» [24, с. 296] — утверждает о. Софроний. Кроме того, Персона, характеризуется у о. Софрония, кенотической или жертвенной любовью как своим ипостасным свойством, так и кеносисом, который соответственно также воспринимается как ипостасное свойство: «Любовь живет в другом, а не в себялюбии. <...> Но, живя в другом, персона-любовь не перестает быть сама собою» [24, с. 96].

Подтверждением взгляда на «Персону» как на онтологическую основу и первичный принцип бытия о. Софроний видит в словах Бога Моисею на Синае: *Я есмь Сущий* (Исх.3:14): «Так великий Моисей воспринял новое познание о Божественном Существо: «*Аз Есмь Сущий*»... Сие Имя — есть первый прорыв в живую вечность для человека, первый Свет познания ничем и никем не обусловленного Бытия как «*Аз Есмь*», как Персоны» [24, с. 40-41]. «Бытие — это Я. Там где нет сего персонального начала, там вообще нет никакого Бытия» [24, с. 48]. Акцентируясь на местоимении «Я», о. Софроний трактует слова Божии «*Я есмь Сущий*» как указание Бога на свою персональность¹, тем самым, в своем толковании, в отличии от православного предания, смещая акцент с имени «Сущий» на местоимение «Я» и воспринимая «Я» как имя Божие. При этом это «Я» понимается о. Софронием как личное начало вообще, как некий абстрактный личностный принцип², и не относится им конкретно ни к одному из Лиц, тогда как для св. Отцов этим «Я» был конкретно Сын Божий. В толковании св. Василия Великого³, а также и св. Амвросия Медиоланского⁴, говорящий с Моисеем есть именно Сын Божий, Вторая Ипостась Троицы.

В этой неопределенности «Я», на наш взгляд, проявляется влияние о. С. Булгакова, для которого «Я» есть некий общий «триипостасный субъект», одно триипостасное «Я», некое личностное начало как таковое, совпадающее с сущностью [16, с. 89-91, 105, 118].

В своих толкованиях слов «*Я есмь Сущий*» св. Отцы, как можно отметить, делали акцент скорее не на «Я», а на слово «Сущий»⁵, именно потому, что «лицо» для них

всегда имело индивидуальную конкретность, а не некий «общий принцип». Поэтому имя Божие, под которым имелось ввиду слово «Сущий», а не местоимение «Я», воспринималось ими не как указание на персональность, которая для них была несомненна и в которой их волновала конкретика Лица, но не персональность как таковая, понятая по философски как некое сущностное начало, а скорее как указание на свойство Божие относящееся к Его природе. Св. Иоанн Дамаскин пишет об этом Божьем откровении на Синае следующее: «Поэтому, кажется, что из всех имен, приписываемых Богу, главнейшее есть Сущий, как и Сам Он, отвечая Моисею на горе, говорит: *так о речеши сыном Израилевым: Сый посла мя* (Исх.3:14). Ибо Он, объемля, имеет в Себе все бытие, словно некую беспредельную и неограниченную пучину сущности... Итак, первое имя показывает бытие, но не бытие чем-то» [10, с. 175]. «Нарекаемые же утвердительно имена применяются к Нему как Виновнику всего. Ибо, как Виновник всего и всякой сущности, Он называется и Сущим, и сущностью...» [10, с. 179].

В последней цитате, сам контекст высказывания Дамаскина, говорит нам, что под сущностью, чьим Виновником является Бог, понимается, конечно же, не сущность Божия, не природа Божия, но сущность сотворенного Богом. Он же, Бог, называется Сущим как Виновник всего, как Тот, Кто является источником всякой жизни и Сам есть Жизнь. Т.е. Тот, Кто всегда есть. В этом же ключе высказываются и другие святые Отцы, например, такие как св. Василий Великий [3, с. 91], св. Григорий Нисский и св. Григорий Богослов [23, с. 225-228]. Согласно св. Отцам Бог называя Моисею Свое имя, указывал этим не столько на Свою персональность, сколько на Свою вечность, указывал на Себя, как на Источник и основу жизни других. Имя «Сущий» есть указание не на персональность Бога, но, как говорит св. Григорий Богослов, указание на природу Божию, как и имя «Бог». Вот его слова: «Посему, сколько для нас удобопостижимо, наименования Сый и Бог суть некоторым образом наименование сущности, особливо же таково имя: Сый. <...> Собственное же имя Безначального есть Отец, безначально Рожденного — Сын и нерожденно Исшедшего, или Исходящего, — Дух Святой» [8, с. 55].

1 Если смотреть на библейское повествование об этом в свете толкования о. Софрония, то получилось бы, что Моисей должен бы был сказать народу Израиля, на их вопрос о том, кто его послал, что его послала Персона — «Персона послала меня». Что, конечно же, явилось бы неверным в понимании всего отрывка. Однако, это не отменяет того, что Бог здесь предстает как личностный Бог, как Лицо, а не безличностный абсолют, хотя это понятно уже из того, что он вообще разговаривает с Моисеем.

2 На абстрактность понятия «личностный принцип» указывает и Ларше. См.: [27, с. 218]. Я бы сказал, что это понятие парадоксальным образом имперсоналистично.

3 «Ибо написано: *явися Моисею Ангел Господень в купине во огни пламене* (Исх. 3,2)... Но писание, поставивши прежде... имя Ангела, потом вводит глас Божий... Из всего всякой ясно может видеть, что где один и тот же назван и Ангелом и Богом, там указывается Единородный... Посему в лице Того, Который явися Моисею, наименовал Себя Сущим, должно разуметь не инаго, как Бога-Слово...» [3, с. 91-93].

4 «Не Отец был в купине, не Отец был в пустыне, но Сын беседовал с Моисеем» [1, с. 43].

5 В библейском повествовании об этом откровении Господь Сам делает акцент именно на слове «Сущий», а не на «Я». (Исх.3:14) «Я» вообще не является именем Бога.

Слова Божии *Я есмь Сущий*, понятие о Софронием как откровение Бога о своей персональности, к тому же воспринимаются им идентичными тождественности субъекта и объекта в немецкой классической философии [26, с. 64]. Таким образом, живое откровение Бога о Себе становится у о. Софрония логическим философским суждением «Бытие есть Я» или «Бытие есть Персона», что имело свое негативное последствие для понимания им отношения Персоны и природы в Боге. А именно: в онтологической первичности Лица по отношению к природе и в восприятии природной энергии как ипостасного свойства.

В понимание слов «*Я есмь Сущий*» для персоналистического богословия о. Софрония характерна тенденция к превалированию тождества «Персоны» и сущности, смешению их, над их различием, при примате «Персоны». Если для католического богословия был характерен примат «сущности», то в персонализме другая крайность — примат «Персоны». Эти крайности отмечает В.Н. Лосский [17, с. 50]. В частности, он говорит, что у св. Отцов, «когда утверждаются Лица (или Лицо), одновременно утверждается и природа, и обратно, ибо природа не мыслится вне Лиц или же «прежде» Лиц, хотя бы и в логическом порядке. Если мы нарушаем в ту или другую сторону равновесие этой антиномии между природой и Лицами, абсолютно тождественными и одновременно абсолютно различными, мы уклоняемся или в савелианский унитаризм или в тритеизм» [17, с. 46]. Именно, по сути, тритеистические представления об отношении ипостасей и просматриваются в концепции о. Софрония. На наш взгляд о. Софроний, переатрибутировав Ипостаси нечто от природы, превратил природную единую энергию (имеется ввиду любовь) в ипостасное свойство, тем самым разделив единство энергии и единство природы, поскольку ипостасность выступает как принцип уникальности и несводимости к другому, а поэтому выступает как принцип различения. Разделив единство природы, он тем самым разделил единство Ипостасей. Любовь, будучи энергией природной, став ипостасным свойством, превращается в некое отношение между Ипостасями, которое является самоопределением самих Ипостасей, и тем самым дробится между Ипостасями, и поэтому необходимо становится жертвенной любовью. Соответственно единство Божие осуществляется за счет кенотического отношения Лиц между Собою.

Здесь важно отметить, что жертвенная любовь, по о. Софронию, как ипостасное свойство присуще всем Ипостасям. Однако ипостасное свойство, потому и ипостасное, что характеризует особенность присущую только конкретно данной ипостаси и тем самым отличает ее от другой ипостаси. Соответственно любовь как ипостасное

свойство, как и кеносис как ипостасное свойство, должны характеризовать лишь какую-нибудь одну ипостась и отличать ее от других как рожденность и нерожденность отличают Сына и Отца будучи ипостасными свойствами [11, с. 143]. Поэтому любовь не может быть характеристикой ипостаси как таковой, так же как и кеносис. То, что общее всем относится к природе, и только особенное, частное к ипостаси. Здесь проявляется спекулятивный философский подход, когда Ипостась берется как некое общее отвлеченное понятие, «идея» ипостаси вообще, ипостась как таковая. И этой «идеи» ипостаси даются некие характеристики, которые распространяются на все конкретные ипостаси. Перед нами не богословие, которое имеет ввиду не «идею», а живого Бога и Живые конкретные Ипостаси, а спекулятивная идеалистическая философия личности. Именно этой философией персоналисты пытаются подменить святоотеческое богословие (см., напр.: [18, с. 218]), называя это «развитием» богословия св. Отцов. На самом деле мы здесь имеем дело не с «развитием», а искажением учения Церкви.

В своей переписке с о. Григорием Флоровским о. Софроний писал, что хочет найти «эквilibр», равновесие между тождеством и различием персоны и природы, но при этом утверждал первичность Персоны, [26, с. 50-53] но «эквilibр» при утверждении первичности Лица невозможен. В учении о св. Троице св. Отцы никогда не употребляли таких выражений, как «первичный принцип» или «онтологическое ядро», которые употребляет о. Софроний, ни в отношении Лиц, ни в отношении природы. Богословие святых не является разновидностью философской спекуляции и тем более тем, что мы называем «научными трактатами». Правда их богословие в своем выражении и опирается на классическую античную философию, но не определяется ею. Применение понятия «онтологического ядра» в троичном богословии, по нашему мнению, не корректно, поскольку в богословии ни сущность, ни Лицо онтологически не предшествуют друг другу. В этой связи также необходимо отметить, что «сущность» является «основой» или «ядром» по самому своему понятию. И если мы называем «основой» «Лицо», то тем самым просто говорим, что Лицо является сущностью. Чем же тогда является «сущность»? Само различие Лица и сущности перестает иметь смысл. К тому же в Боге Три Лица и тогда непонятно, одна основа или три?

Одновременность утверждения Лица вместе с природой не дает им быть «первичным принципом» или «онтологическим ядром» по отношению друг к другу. Они не являются «основанием» или «началом», или «причиной» друг для друга, но полагаются в простом единстве, что и выражалось некоторыми св. Отцами в понятии «тождественность»,⁶ поскольку Бог, прежде всего, безначален.

6 Вообще исследовать какими смыслами наделяли св. отцы понятие тождественности, в отличии скажем от немецкого идеализма, было бы не безынтересным.

Безначально как Божество, так, соответственно, и Лицо⁷. И если мы говорим о Лице Отца как начале, то говорим это в отношении Лиц Сына и Духа, но не в отношении Божества, т.е. природы. Однако, не смотря на то, что Отец есть причина Сына и Духа, Он как Лицо не является первичным по отношению к ним⁸. Соответственно, если Лицо Отца даже будучи причиной по отношению к другим Лицам, не первично по отношению к ним, то Персона как таковая тем более не будет «онтологически первичным» по отношению к природе, поскольку даже не является ее «причиной».

Итак, о. Софроний, с одной стороны, желает показать нам, в своей интерпретации, отношение Лиц и Божественной природы, образец данного отношения он видит в словах Божьих «Я есмь Сущий», а с другой, — разъяснить, как ему кажется, лучше, отношение между Самими Лицами. Подход о. Софрония определяется двумя основополагающими положениями: 1) это персональность Бога, принцип «Персоны» или Лица, личного начала в Нем и 2) то, что Бог есть любовь, которая кенотична⁹, т.е. жертвенна, по самому своему существу и кенотизм которой распространяется и на «Персону». Персона не определяется природой и свободна в отношении к ней в своем самоопределении [24, с. 135]. Поскольку Бог — это Троица Персон, то «принцип Персоны» предполагает наличие других Персон и открытость этим другим Персонам.

Персона, по о. Софронию, характеризуется свободой и жертвенной любовью, как образом бытия Персоны как таковой, как условие открытости другим. Соответственно существенным моментом «принципа персоны» о. Софрония является учение о кеносисе, т.е. жертвенности. О. Софроний отождествляет жертвенную любовь в качестве энергии с Персоной [24, с. 96], которая (Персона) в свою очередь, тем самым существует, бытийствует в «умалении Себя» [24, с. 309], «отдании себя», [25, с. 108] «забвении себя» [24, с. 263], «живет в другом» [24, с. 309].

Благодаря такому кенотическому пониманию Персоны, единство Божие, по о. Софронию, осуществляется в динамическом, кенотическом отношении Ипостасей. «...Триединство... есть Бытие предельно динамическое. Сию динамику мы научились видеть в Любви, которая является самым глубоким моментом факта вечного самоопределения Лиц Святой Троицы.<...> Кенотическая любовь, является основным характером Божественной Жизни, в силу чего Единство Троицы явлено совершен-

но абсолютным образом, что выражается в богословии понятием «взаимопроникновения» [24, с. 241]. Единство Божие — единство природы, понимается как результат перихоресиса Ипостасей, да и сам перихоресис (взаимопроникновение) Ипостасей возможен как результат некоего динамического, кенотического отношения Ипостасей, «самоопределения Ипостасей» — по выражению о. Софрония [24, с. 243]. Однако в Святоотеческом Предании мы видим другое: именно единство природы, находящейся во всей полноте в каждой Ипостаси, обуславливает единство Лиц. Персональный же принцип различает, хотя Ипостась Отца и выступает как Единодержавное Начало, как единоначалие (монархия Бога Отца), как то, что является причиной единения, но это единение происходит по природе и в природе, а не исходит из характера или свойства Самих Ипостасей как «отказа от себя».

Вот как говорит об этом св. Иоанн Дамаскин: «Мы выражаем через единосущие и бытие Ипостасей друг в друге и тождество воли, деятельности, силы и власти, и, скажем так, движения — нераздельность и то, что Бог един» [10, с. 172]. Ипостаси, по мысли Иоанна Дамаскина, суть друг в друге, потому что нет различия ни воли, ни действия, ни силы, т.е. в силу тождества природы, но также и потому, что Сын и Дух возводятся к одной Причине. «Поэтому об Отце, и Сыне, и Святом Духе мы говорим не как о Трех Богах, но как о Едином Боге, Святой Троице, потому что Сын и Дух возводятся к одной Причине» [10, с. 173]. Итак, Ипостаси едины по причине единого происхождения от Отца, но также и по причине единства сущности. Но, нахождение Ипостасей друг в друге происходит в силу тождества сущности, как мы это видим из приведенных выше слов Иоанна Дамаскина. Поскольку Сын и Дух происходят от Отца, то и единятся Они природой Отца от Которого происходят. «Ведь хотя Каждая существует Сама по Себе, то есть совершенная есть ипостась, и имеет собственную особенность, то есть отличающийся способ существования, однако Они соединены как сущностью, так и естественными свойствами, и тем, что Они не разделяются и не выходят из Отеческой ипостаси и суть единый Бог и называется таковым» [10, с. 242].

Об этом мы читаем и у св. Кирилла Александрийского: «Итак, желая дать о Себе удостоверение посредством необходимых и вместе неопровержимых доказательств, Христос повелевает веровать вследствие самих дел Его, что Он в Отце и со Своей стороны имеет в Себе Отца,

7 «Какое из существ не имеет причины? Божество. Ибо никто не скажет нам причины Бога, иначе она была бы первоначальнее самого Бога» [8, с. 46].

8 «Итак, Сын и Дух не безначальны относительно к Виновнику. Известно же, что Виновнику нет необходимости быть первоначальнее Тех, Для кого Он Виновник; потому что и солнце не первоначальнее света» [8, с. 32].

9 Кеносис — умаление, опустошение, истощание. См.: [22, с. 446].

т.е. в собственном Своем существовании носит природу Отца, как подлинное Его рождение, как плод истинный, как Сын, природно явившейся от Отца» [12, с. 223]. По мысли св. Кирилла, Лица находятся друг в друге по причине тождества природы, само же тождество наблюдается в том, что Отец рождает Сына и изводит Духа из Своей единой сущности, природы. «Разумеем Сына сущим от Отца, то есть произошел из сущности Его неизреченно и в Нем пребывает» [12, с. 222]. Таким образом, Сын пребывает в Отце, поскольку произошел из сущности Отца.

В Боге, по учению Церкви, единство Ипостасей, Их взаимопроникновение происходит не по причине характера Ипостасей как Ипостасей, а в силу единства сущности, природы. Об этом мы также отчетливо читаем в знаменитом соборном послании св. Кирилла к Несторию, одного из документов Третьего Вселенского Собора: «Именно, когда он говорит о Себе богоприлично: *видивый Мене, виде Отца* (Ин.14:9), и: *Аз и Отец едино есма* (Ин.10:30), то мы разумеем Его божеское, неизреченное естество, по которому Он и есть едино с Отцом своим, и по тождеству сущности, есть образ и начертание и сияние славы Его (Евр. 1:3)» [14, с. 195]. Также и св. Василий Великий неоднократно говорит о единении Ипостасей по сущности (или по природе), а не вследствие отношения или самоопределения Лиц, исходящее из Самих Лиц: «И какое бы ни допустил кто основание бытия в Отце, то приличествует и Сыну, — если, говорю, так берется общность сущности: то мы согласны на сие, и утверждаем, что таково наше учение. Ибо в следствии сего и Божество едино, а именно, единство представляется в самом основании сущности, так что, хотя и есть различие в числе и свойствах, отличающих каждого, но в основании Божества умопредставляется единство» [3, с. 48]. Или: «*Сын мой еси Ты, Аз днесь родих Тя* (Пс. 2,7): какое из сих двух значений, по нашему утверждению, выражается сим речением, страстное ли состояние раждающих, или единение естества? Я утверждаю последнее» [3, с. 105]. Здесь св. Василий хочет сказать, что «рождение» не **производит** единства, а лишь указывает на изначальное единство природы, посредством которого единятся Лица. Так же и в другом изречении: «Бог... называется Отцем, и что имя сие означает не страсть, но единение или по благодати, как в отношении к человеку, или по естеству, как в отношении к Единородному» [3, с. 104]. Т.е. Отец есть Отец потому, что у Него есть Сын, и единятся Они естеством, иначе бы Отец не был бы Отцом, если бы не имел Сына по единому естеству. И совершенно те же самые слова, которые мы приводили из св. Кирилла и св. Иоанна, мы видим и у св. Василия: «Поклоняясь Богу от Бога, и различие Ипостасей исповедуем, и остаемся при единоначалии, не рассекая богословия на раздробленное множество; **потому что** в Боге Отце и в Боге Единородном созерцаем один как бы образ, отпечатлевшийся в

неизменности Божества. Ибо Сын в Отце, и Отец в Сыне; **потому что** и Сын таков же, каков Отец, и Отец таков же, каков Сын; и в этом Они — едино. Почему по отличительному свойству Лиц — един и един, а по общности естества Оба — едино» [4, с. 300]. Эта же мысль излагается св. Василием Великим и в знаменитом письме своему брату Григорию: «А что касается бесконечности, непостижимости, несозданности, необъемлимости пространством и всего тому подобного, то **нет никакого различия в животворящем Естестве**, понимаю Отца и Сына и Духа Святаго, но рассматривается в Них, **некое непрерывное и не расторгаемое общение**. И в каких понятиях сможет кто представить себе величие одного из Лиц, исповедуемых во Святой Троице, с теми да приступает **безразлично** к созерцанию славы во Отце, Сыне и Духе Святом, не блуждая мыслию ни по какому промежутку между Отцом, Сыном и Святым Духом. **Потому что** нет ничего между ними вставного, ни чего-либо самостоятельного и отличного от Божия естества, так чтобы естество сие могло быть отделено Само от Себя вставкою постороннего, ни пустоты какого-либо ненаполняемого пространства, и которая производила бы перерывы в единении Божией сущности с самой Собою, разделяя непрерывное пустыми промежутками. Но кто представил в уме Отца, тот представил и Его в Нем Самом и вместе охватил мыслью Сына. А кто имеет в мысли Сына, тот не отделяет и Духа, но относительно порядка — последовательно, относительно же к естеству — соединенно, запечатлевает в себе воедино слитную веру в три Лица... Ибо невозможно представить мысленно какого-либо сечения, или разделения, так чтобы или Сын представляем был без Отца, или Дух отделяем от Сына, а, напротив того, находим между ними некое невысказанное, и не вполне уясненное общение, так и разделение. Ни разность ипостасей не расторгает непрерывности естества, ни общность сущности не убавляет отличительных признаков» [5, с. 67-68]. Из приведенных высказываний св. Василия Великого, и др. Отцов Церкви, мы видим, что общение Лиц, нахождение Их друг в друге происходит не посредством отношения Лиц, характеризующихся кеносисом, а посредством неразрывного единства природы, что никак не нарушает «монархии» Отца.

А из этого мы можем сделать следующий вывод, что единство природы изначальное, как изначален сам «перехоресис» и не является следствием отношения и единения Трех. У Ипостасей в Боге одна жизнь не потому, что Они живут жизнью друг друга, находясь друг в друге, как это представляется о. Софронию, и вообще персонализму, но Они находятся друг в друге потому, что у Них в собственном смысле одна жизнь, одна природа, которая неделима. И поскольку она неделима Сын остается в лоне Отчем, а не отделяется ипостасно, как это происходит с тварной природой. Это различие нетварной

природы как неделимой и тварной природы как делимой было сформулировано св. Иоанном Дамаскиным¹⁰, хотя это различие есть уже у св. Василия Великого в приведенном отрывке из письма св. Григорию Нисскому. По Церковному учению, Единство Божие как со стороны природы, так и со стороны ипостасей является изначально-ным единством, и не формируется неким динамическим отношением Лиц.

Искажение православного вероучения персоналистической установкой об «онтологической первичности Персоны» выразилось у архимандрита Софония не только во взгляде на перехоресис Ипостасей, на единство Бога, но это учение, имело своим результатом другое учение: учение о кеносисе во внутритроичной жизни. Оно звучит так: «Мы научены в Церкви жить рождение Сына в Троице Святой как истощание Отца» [24, с. 168]. Это учение о кеносисе тринитарном воспринято о. Софронием (Сахаровым) от аналогичного учения о. С. Булгакова [20, с. 64]. Мы не находим данное учение ни в св. Предании, ни в Священном Писании. В Священном Писании Церкви о кеносисе говорится лишь как о принятии «зрака раба» Сыном Божьим (Флп. 2:7), т.е. в контексте Воплощения. Так он понимается и св. Отцами¹¹. И поскольку кеносис — это принятие «зрака раба», то ему не может быть места во внутритроичной жизни, так как Лица равночестны в силу единой природы. О. Софроний конечно не отрицает равночестность Лиц в Боге. Но он понимает кеносис слишком широко, исходя не столько из учения Церкви о нем, где он понимается только как событийный факт, что Бог стал человеком во времени неизреченно, а сколько руководствуясь собственным домыслом о характере Персоны как отказе от себя.

Если понимать вслед за о. Софронием рождение Сына, как умаление Отца в том смысле, что Ипостась Отца живет в отказе от Себя, т.е. живет в другом и для другого, или, по другому, Отец отдает все Сыну, жертвуя Собой, Своим бытием, не оставляя ничего для Себя, живя не в Себе, а в другом, то зададимся вопросом, что отдает и чем жертвует, если мы имеем в виду Бога-Троицу? Бог-Троица это один Бог: одна совершенная природа в Трех совершенных Лицах, а не три бога. Поэтому, то что принадлежит Отцу, принадлежит в равной мере и Сыну, принадлежит изначально, поскольку Сын всегда с

Отцом, и не было никогда, когда бы Сыну что—то не принадлежало, что принадлежало Отцу. Соответственно, у Отца нет ничего, чего не было у Сына и чем бы он мог пожертвовать в силу единства природы и воли, кроме Своих ипостасных свойств — отцовства и нерожденности. Но сказать, что в рождении Сына Отец отказывается от Своей нерожденности, т.е. от Своего Ипостасного бытия или жертвует Свою нерожденность Сыну было бы нелепо, ибо тогда произошло бы смешение Ипостасей, и опять же одна Ипостась изменилась бы в другую. У св. Иоанна Златоуста, по этому поводу, мы находим следующее: «Таким образом *«дал еси»* сказано только по одному приспособлению; все, что имеет Отец, принадлежит Сыну, и все, что имеет Сын, принадлежит Отцу.<...> Видишь ли, что Он говорит весьма многое по-человечески и приспособляясь к их понятиям» [9, с. 488, 490]. Так же надо понимать и в отношении воли. Когда Христос говорит, что не Свою волю исполняет, и не от Своего имени пришел, но волю пославшего Отца (Ин. 6:38), то говорит это приспособляясь к нашему восприятию, показывая: с одной стороны, что у Него, по божеству, одна воля с Отцом, что у Него нет собственной воли отдельной от воли Отца как у людей, с другой, что Он, по человечеству, исполняет не Свою волю как человека, но волю Божью, а также желая быть понятным людям, имеющим каждый свою волю¹².

Другой аргумент, который можно привести, в пользу неприемлемости учения о. Софония — это учение Церкви об «образе рождения» Сына от Отца, который, по этому учению, неизреченен и непостижим как говорит св. Иоанн Дамаскин [10, с. 169, 171]. Об этом же говорит очень емко и образно и св. Григорий Богослов [7, с. 12]. Учение же о кеносисе во внутритроичной жизни, показывает нам «образ рождения», что является прямым противоречием учению Православной Церкви.

Церковь не только не учит о рождении Сына как истощании Отца, и вообще о каком-либо кеносисе во внутритроичной жизни, не смотря на утверждение о. Софония, и его последователей, но отрицает подобные учения как истинное свидетельство о Боге, поскольку они вносят изменчивость и страдательность в Божество. Вот что говорит св. Кирилл Иерусалимский: «Родил Премудрость, но Сам не остался без премудрости; родил Силу, но не

10 «Применительно к неопишуемому Божеству мы не можем говорить ни о местном расстоянии, как в отношении к нам, потому что Ипостаси находятся Одна в Другой, не так, чтобы Они сливались, но так, что тесно соединяются, по слову Господа, сказавшего: *Я в Отце и Отец во Мне* (Ин. 14:11), ни о различии воли или разума, или деятельности, или силы, или чего—либо другого, что в нас производит действительное и совершенное разделение» [10, с. 173]. Именно это положение Церковного вероучения было применено архиеп. Феофаном Полтавским (Быстровым) в своей критике учения о «едином естестве человеческом» митр. Антония Храповицкого. Аналогичная критика есть и у св. Серафима (Соболева).

11 Кеносис [греч. κένωσις; лат. exinanitio — истощание, умаление, опустошение], обозначает в богословии уничтожительное состояние, добровольно воспринятое Сыном Божиим при Воплощении для спасения мира [22, с. 446].

12 Об этом мы находим у св. Григория Богослова: «Сие говорится не потому, что собственная воля Сына действительно есть отличная от воли Отца, но потому, что нет такой воли; и смысл, заключающийся в словах, таков: "Не да творю волю Мою, потому что у Меня нет воли, отдельной от Твоей воли, но есть только воля, общая и Мне, и Тебе. Как Божество у Нас одно, так и воля одна"» [8, с. 52].

изнемог; родил Бога, но сам не лишился Божества, и ничего не потерял, не умалился, не изменился» [15, с. 152]. Так и св. Кирилл Александрийский, отвечая евномианам, писал: «И из-за того, что Отец родил Сына, не говорят, будто Он умалился...» [13, с. 59]. Согласно св. Отцам кеносис, жертвенность, не мыслим как основа внутритроичной жизни. Он вносит изменчивость, процессуальность, т.е. страдательность в Бога. Поэтому в Боге любовь, которую о. Софроний, переатрибутирует Ипостаси и отождествляет с Ипостасью, никоим образом не может иметь жертвенного, кенотического, отрицательного характера. Говорить о жертвенности, о кеносисе мы можем только в отношении к тварному бытию. О. Софроний же вслед за о. С. Булгаковым ошибочно отождествляет Бога в Его отношении к тварному и Бога в Себе Самом. Он говорит, что «Любовь — это энергия Божества изливающаяся на нас. Она же есть изначальная жизнь Троица Божия» [24, с. 241-242]. Ошибочность такого подхода было показано В.Н. Лосским в критике о. С. Булгакова [17, с. 63]. В.Н. Лосский пишет: «Бог, — по учению Церкви, — не определяем ни одним из своих свойств-энергий. Все определения — ниже Его. <...> Когда говорят: «Бог есть Любовь», или «Божественные Лица соединены взаимной любовью», то имеют в виду их общее проявление, любовь-энергию, которой обладают все три Ипостаси. Ибо единство Трех превышает даже самой любви» [17, с. 63]. Следуя мысли Лосского, эту фразу можно пересказать так, что когда говорят, что «Божественные Лица соединены взаимной Любовью», то это есть проявление Бога в Его икономии, созерцание Бога в единстве Его икономического действия, Его единой воли, т.е. созерцание Бога в Его откровении к нам. Единство же Бога в Себе Самом, превышает Любовь, как единую волю, поскольку Бог выше своих энергий. И действительно, по учению Григория Паламы, а также и Дионисия Ареопагита, и Иоанна Дамаскина, и Максима Исповедника, энергии Божии это то, что «окрест Бога», то, что «сопутствует природе», и поэтому познавая Бога в Его энергиях мы познаем то, что «окрест Бога», но не само Его Троичное бытие.

Такая же ошибка, как и у о. С. Булгакова, возникает и у о. Софрония, когда он говорит о динамике в Божественном бытии [24, с. 241, 262]. Динамичность Троица Божия, по о. Софронию, обусловлено любовью, которая кенотична. Но кеносис предполагает процессуальность, страдательность. Поэтому динамичность у о. Софрония процессуальна. Хотя сам он слово «процесс» и не употребляет. Таким образом, у о. Софрония внутритроичная жизнь оказывается неким процессом, неким действием самоопределения, и вносит страдательность в Бога, что никоим образом несообразно с Божественным Бытием, так как противоречит Его всеблаженству и неизменности. Или же, выражаясь языком Парменида, в Боге нет «не-сущего».

Если мы говорим, что любовь Божия в отношении к нам кенотична, жертвенна и это ее характер, то это ска-

зано лишь в применении к нашему образу бытия. Но если все же говорить о любви как о единстве Бога в Себе Самом, то ошибочность кеносиса в Боге-Троице можно понять еще из того размышления, что единство в отношении тварного бытия осуществляется благодаря жертвенности, т.е. отданию, умалению себя. Но Бог есть уже то единство, которое достигается благодаря жертве. Он един изначально. И поэтому жертвенность в Боге оказывается излишней. Таким образом, любовь в Боге — это действительно, простое, вечное, абсолютно единство, не имеет жертвенного, страдательного характера. Жертвенный, страдательный характер любовь имеет только в отношении к человеческому бытию и в человеческом бытии.

О. Софроний постоянно утверждал, что именно бытийное соединение с Богом, делает человека созерцателем тайн Божиих, и дает истинное познание Его. А также писал о себе как о человеке, который в молитве не раз был сподоблен благодатных даров. Именно эти утверждения создают впечатление, что его выражение вероучительных истин, имеет духовную основу в мистическом соединении с Божьей благодатью, но на деле, мы видим не столько духовность и укорененность в наследии св. Отцов, сколько рационалистичность и укорененность в русской религиозно-философской мысли, а через нее — в западной философии. Основой утверждений о. Софрония, как мы могли убедиться, явилось не духовное видение, не откровение Божие, не учение Церкви, а его собственное мечтательное воображение и измышления человеческого разума.

Итак, мы можем сказать, что архимандрит Софроний в своей интерпретации догматического православного учения о Боге-Троице искажает его. Это искажение выражается в 1) Понимании «Персоны» в Боге как «отказе от себя», утверждение ее онтологической первичности по отношению к природе, и основанном на этом понимании учении о Божественном Единстве, о перихоресисе ипостасей и не находят подтверждения в учении Православной Церкви; 2) учении о кеносисе во внутритроичной жизни и также не находит подтверждения в триадологическом учении Церкви.

Довольно странно для человека, о котором свидетельствуют, что он «в совершенстве усвоил наследие Отцов Церкви, притом не только интеллектуально, но и в процессе личного аскетического подвига, в атмосфере живого афонского предания» [19, с. 230], проповедовать учения, которым Церковь никогда не учила. Здесь можно вспомнить высказывание св. Викентия Лиринского, что учение, которое «не содержала Церковь» относится «к искушению» [6, с. 22, 25]. Приведем слова самого о. Софрония: «Известно, что говорящий как должно о Боге, получает благодать, а тот, кто проповедует ложь, будет брошен в бездну мрака» [24, с. 193].

ЛИТЕРАТУРА

1. Амвросий Медиоланский, свт. О вере // Амвросий Медиоланский, свт. Собрание Творений: На латинском и русском языках. — М.: Изд. ПСТГУ, 2015. — Т. V. — 520 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Российское библейское общество. — М., 2012. — 1376 с.
3. Василий Великий, свт. Опровержение на защитительную речь злочестиваго Евномия // Василий Великий, свт. Творения: в 5 частях. — М.: Изд. Паломник, 1993. — Ч. 3.
4. Василий Великий, свт. О Святом Духе // Василий Великий, свт. Творения: в 5 частях. — М.: Изд. Паломник, 1993. — Ч. 3.
5. Василий Великий, свт. Избранные творения. Письма. — Минск: Белорусский Экзархат Московского Патриархата, 2014. — 496 с.
6. Викентий Лиринский, преп. Рассуждение о Вере. — М., 2013. — 40 с.
7. Григорий Богослов, свт. Избранные слова. — М.: Православное братство св. апостола Иоанна Богослова, 2002. — 600 с.
8. Григорий Богослов, свт. Пять слов о богословии. Храм свв. Косьмы и Дамиана на Маросейке. — М, 2000. — 80 с.
9. Иоанн Златоуст, свт. Толкование Евангелие от Иоанна: в 2 т. — М.: Правило веры, 2014. — Т. 2.
10. Иоанн Дамаскин, преп. Источник Знания. — М.: Изд. «Индрик», 2002. — 416 с.
11. Иоанн Дамаскин, преп. Творения: Христологические и полемические трактаты. — М.: Изд. «Матрис», 1997. — 351 с.
12. Кирилл Александрийский, свт. Толкование на Евангелие от Иоанна: в 2 т. — М., 2011. — Т. 2.
13. Кирилл Александрийский, свт. Книга Сокровищ о Святой и Единосущной Троице. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2014. — 300 с.
14. Кирилл Александрийский, свт. Послание Кирилла, епископа Александрийского, к Несторию об отлучении // Деяния Вселенских Соборов. — СПб., 1996. — Т. 1.
15. Кирилл Иерусалимский, свт. Поучения огласительные и тайноводственные. — М.: Благовест, 2010. — 352 с.
16. Булгаков С., прот. Главы о Троичности // Кода П. Сергей Булгаков. — М.: Изд. ББИ, 2015. — 208 с.
17. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. — М., 1991. — 288 с.
18. Мефодий (Зинковский), иером. Кенотичность как ипостасное или личностное свойство // Актуальные вопросы церковной науки: Материалы X международной научно-богословской конференции 2018 года. — 2019. — № 2. — С. 218-227
19. Николай (Сахаров), иерод. Основные вехи богословского становления архимандрита Софрония (Сахарова) // Церковь и время. — 2001. — №3(16). — С. 229-270.
20. Николай Сахаров, иером. Понятие кеносиса в богословской мысли архимандрита Софрония (Сахарова) // Церковь и время. — 2012. №1(58). — С. 53-82.
21. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. — Успенско-Казанский монастырь, 2008. — 1152 с
22. Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013.
23. Серафим (Соболев), свт. Новое учение о Софии Премудрости Божией. — Краснодар: Изд. «Текст», 2006.
24. Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть. — Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2016. — 400 с.
25. Софроний (Сахаров), архим. Рождение в Царство Непокоримое. — М.: Паломник, 2001. — 224 с.
26. Софроний (Сахаров), архим. Переписка с протоиереем Георгием Флоровским. — Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2008. — 176 с.
27. Larchet J.-C. Personne et nature. La Trinité — Le Christ — L'homme. Contributions aux dialogues interorthodoxes et interchrétiens contemporains. — Cerf, Paris, 2011.

© Ласточкин Олег Игоревич (oi_i@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

САМОБЫТНОСТЬ ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Насиров Марат Нухбалаевич

К.ф.н., доцент, Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород
marat.nn@bk.ru

THE ORIGINALITY OF TRANSCENDENTAL THEORIES SOCIAL ACTION

M. Nasirov

Summary: This article examines the specifics of understanding the fundamental concept in transcendentalism, as well as in other paradigms, it leaves a significant imprint on the consideration of the behavior of an individual. At the same time, within the transcendental tradition itself, the understanding of the fundamental concept - the universal structures of consciousness - is not integral, but breaks up into various currents. For example, in contrast to the representatives of Baden neo-Kantianism, who considered transcendental structures mainly in a psychological, rather than value, key. For the study of social action, such an approach directly indicated that in the first case, the interest of scientific knowledge is aimed at finding causes, and in the second, at establishing the norms of an act. Therefore, the conceptual idea of the psychological direction is defined as voluntary, and Baden neo-Kantianism - as rational and normative. Also, for the axiological current in Kantianism, as well as for the psychological one, the reduction of social behavior is characteristic, firstly, to morality, and secondly, to individual action.

Keywords: transcendental theory, paradigm, social action, emotional reaction, existential experience, axiological approach.

Аннотация: В настоящей статье рассматривается специфика понимания фундаментального концепта в трансцендентализме, так же, как и в других парадигмах, он накладывает существенный отпечаток на рассмотрение поведения индивида. При этом внутри самой трансцендентальной традиции понимание фундаментального концепта – общечеловеческих структур сознания – не является целостным, а распадается на различные течения. Например, в отличие от представителей баденского неокантианства, которые рассматривали трансцендентальные структуры преимущественно в психологическом, а не ценностном ключе. Для исследования социального действия такой подход прямо указывал на то, что в первом случае интерес научного познания направлен на поиск причин, а во втором – на установление норм поступка. Поэтому концептуальная идея психологического направления определяется как волюнтарная, а баденского неокантианства – как рационально-нормативная. Также, для аксиологического течения в кантианстве, как и для психологического, характерна редукция социального поведения, во-первых, к нравственности, а во-вторых, к индивидуальному действию.

Ключевые слова: трансцендентальная теория, отношения парадигма, составляют социальные реакции действие, способэмоциональная разрешении реакция, аксиологических экзистенциальное домохозяевам переживание идеального, аксиологический означает подход потому.

Представление о самобытности фундаментального концепта в различных толкованиях трансцендентальной парадигмы может накладывать немаловажный отпечаток на специфический характер и структуру социального действия. Исследуя зависимость понимания социального действия от трактовки фундаментального концепта в интерпретациях трех основных трансцендентальных парадигм, например таких как неокантианская, феноменологическая и символическая-интеракционистская, в первой из них в наиболее ярком виде прослеживается зависимость их понимания. Поэтому, наличие в кантианской традиции различных направлений, образы фундаментального концепта – трансцендентального сознания, разрабатываемого в ней, – существенным образом отличаются друг от друга.

Таким образом, в кантианской традиции появляются два главных направления, которые в свою очередь оказали прямое воздействие на формирование теорий социального действия. Первое направление, зависит от эмпирического метода и напрямую связано с интересом к внутренним переживаниям индивида, поэтому может быть названо психологическим. Поэтому, в объяснении

связи между трансцендентальным началом и социальным поведением индивида, мыслители Герберт и Вундт обращались к понятию души. Второе направление, было предложено баденской школой неокантианства и развило ценностное понимание трансцендентальных структур, которое в полной мере раскрыло их влияние на индивида и по праву может быть названо аксиологическим. Рассмотрим специфику решения проблемы универсального и индивидуального сознания в указанных течениях кантианской традиции. У Герберта трансцендентальное начало предстает в виде сферы представлений, понятий и переживаний, находясь в которой человек осуществляет познание единой самостоющей реальности. Поэтому посредством познания, мир предстает в виде множественного бытия. Однако, человек в процессе познания раскрывает не саму реальность, а лишь ее видимость, а природно-социальный мир порождается универсальным, общечеловеческим сознанием, к которому принадлежит каждый человек.

Центром этой трансцендентальной сферы является Я, которое лишено самостоющей и признается Гербертом временным соединением понятий, представ-

лений и переживаний. Таким образом, трансцендентальное начало существует не вне индивида, но в нем самом. Отличие же эмпирического от трансцендентального заключается в том, что первое ограничено рамками индивидуального, тогда как второе охватывает всю совокупность возможного опыта. Поэтому трансцендентальное следует рассматривать как необходимую предпосылку психики, реализующуюся в самой психике. Сущность психической жизни немецкий философ видит в стремлении индивида к самосохранению. При этом представления рассматриваются как важнейшая составляющая сознания, возникающая как реакция на внешнее раздражение, указывающая на подлинную или мнимую угрозу.

Самосохранение как важнейшая психическая установка лежит в основе нравственности, основные идеи которой – «свобода», «совершенство», «доброжелательность», «право», «справедливость» – позволяют человеку оценивать пользу или вред того или иного поступка для чужой или собственной индивидуальности. Нравственность, представляя собой внутреннее пространство индивида, переносится во вне и служит основанием социальной жизни. В своей «Истории новой философии» В. Виндельбанд следующим образом раскрывает фундаментальный характер нравственности по отношению к социальным отношениям. «К пяти первоначальным идеям примыкает... ряд производных, ...которые ...содержат в себе совокупность нравственных «благ». Герbart относит к ним... систему возмездия, правовое общество, систему управления и систему культуры, причем эти четыре учреждения объединяются в органическое единство в виде одушевленного общества. Таким образом, этика переходит в социальную философию, и Герbart строит понятие государства как процесса жизни человечества, в котором потеряют развитие все эти блага. Но и в государстве он опять видит по преимуществу социальный механизм: государство и для него – «человек в большем виде». Составляющие его элементы – люди, обладающие волей. Учение о государстве является скорее статикой и механикой социальных сил, нежели философско-правовым построением, а политика есть вычисление психолого-социальных необходимостей» [2, с. 418–419].

Выстраивая стройную систему трансцендентального начала, включающую в себя логический, психологический, эмпирический, социальный, правовой и политический уровни, Герbart не склонен рассматривать индивида в качестве заложника идеальных структур. Напротив, структуры и лежащие в их основании трансцендентальные способности, формируются в опыте в результате непрерывной упорядочивающей работы индивида над возникающими в процессе взаимодействия с реальностью понятиями, представлениями и переживаниями. Поэтому, не будучи внутренне единым, индивид, тем не менее, является подлинным субъектом психического, нравственного и социального действия. Весь окружаю-

щий индивида социальный мир есть результат проекции его воли и воли подобных ему существ, а знание об этом мире возникает как итог выбора им определенного способа разрешения познавательных проблем. Таким образом, деятельность индивида, а не надиндивидуального начала, служит формирующей силой как социальной реальности, так и социального познания. Поэтому критическая метафизика И.Ф. Гербарта, несмотря на признание его независимой от сознания реальности, служит ярким примером трансцендентальной философии.

Для парадигмального метода концепция Гербарта интересна тем, что на ее примере можно проследить решение трех важнейших проблем, связанных с исследованием феномена парадигмальности социального познания. Первая из них направлена на раскрытие влияния фундаментального концепта той или иной парадигмы на изучаемый предмет. В философии Гербарта четко видно, что явное сближение трансцендентального начала с психикой приводит к волюнтаристской интерпретации социального действия. При этом необходимо подчеркнуть, что волюнтаризм в данном случае не означает возврат к натурализму, поскольку в данном случае воля выступает как идеальное начало, гарантируя индивиду, как это принято в кантовской традиции, свободу от природного влечения. Зависимость же предмета исследования от фундаментального концепта означает, что чисто эмпирическое исследование какого-либо феномена вне различного рода идеальных конструкций невозможно, а потому специально-научное познание нуждается в познании философском. Сам Герbart при всем его увлечении опытом и эмпирическими науками вполне отдавал себе отчет и по этой причине придерживался точки зрения Канта, согласно которой философия должна играть роль методологии научного познания. Данная точка зрения вполне разделяется и методом парадигмального анализа.

Здесь возникает переход ко второй проблеме рассматриваемого метода, связанной с решением вопроса о парадигмальности социального познания. В системе Гербарта эта проблема решается путем указания на зависимость социальных отношений от нравственности. Немецкий мыслитель признает социальное познание не только зависимым от другого вида познавательной деятельности, но и четко указывает этот источник. Подобно тому, как социальные отношения представляют собой институализацию нравственных отношений, социальное познание базируется на элементарных идеях, обнаруживаемых моральным сознанием. Для понимания характера социального действия это означает отрицание его автономного статуса. В данном вопросе Герbart также не оригинален, поскольку следует за Кантом, рассматривавшим мораль в качестве нормы для социального поведения.

Третья проблема, с которой сталкивается примене-

ние парадигмального метода, заключается в выявлении полноты реализации структуры парадигмы в конкретной системе, теории или учении. В парадигме социального познания можно выделить четыре основных уровня: фундаментальный концепт, концептуальную идею, концептуальную модель и теорию. Эта структура позволяет выявить степень философской отрефлексированности оснований того или иного исследования, а также глубину проработки эмпирического материала, осуществленной в нем. Другими словами, установление полноты содержания парадигмы социального познания в конкретном исследовании дает основание судить о степени инструментализации философской идеи, лежащей в его теоретической базе. Рассмотрение системы Гербарта на предмет включенности его концепции социального действия в контекст онтологических, гносеологических, ценностных и социально-философских категорий позволяет сделать вывод о том, что в ней осуществлена глубокая разработка фундаментального концепта и концептуальной идеи, но практически полностью отсутствует идеальная модель изучаемого феномена и его развернутая теория.

Логическое продолжение психологической интерпретации трансцендентализма можно обнаружить в творчестве немецкого психолога и мыслителя В. Вундта. Раскрывая черты сходства и различия между учениями Вундта и Гербарта, отечественная исследовательница Т.А. Акиндинова обращает внимание на тяготение первого к детальному изучению эмпирического материала: «В. Вундт, возглавив во второй половине XIX в. экспериментальное изучение человеческой психики, тем не менее, посчитал методологию Гербарта недостаточной для понимания высших психических процессов – мышления, речи и т. п. – и сам попытался исследовать психику в ее историко-культурной обусловленности. В его десяти томной «Психологии народов» содержится обширнейшее описание языка, мифологии, обычаев многих народов мира. Для характеристики целостности сознания каждого из них Вундт использует гегелевское понятие «народный дух» и рассматривает культуру как его выражение. Сохраняя, однако, принципиальную установку на описание без «метафизических пережитков» и не претендуя на установление каких-либо общих законов психической жизни, Вундт был далек от попыток собственно философского осмысления культурологических проблем: его «Психология народов» имеет право называться, скорее, «социологией обыденного сознания» [1, с. 95].

Как следует из вышесказанного, Вундт конкретизирует идею Гербарта об определяющей для социального поведения роли психики и придает ей форму концептуальной модели, получившей наименование «народного духа». Данная модель позволила не только рассматривать поведение индивида как обусловленное нравственным началом, но и представить само нравственное начало не в теоретическом, а в историческом плане. Благодаря этому, индивид предстает в контексте социаль-

ной и культурной общности, к которой он принадлежит. Эта общность, как и любая другая форма, несмотря на свою историческую принадлежность, всегда содержит в себе устойчивые идеальные моменты, позволяющие отличить ее от любой другой общности. Именно поэтому Вундт, вслед за Гегелем, видит в социальных действиях индивида нечто большее, чем сиюминутные реакции на сложившуюся ситуацию. Этот идеальный пласт, стоящий за спиной индивида и, вместе с тем, индивидом формируемый и поддерживаемый, немецкий психолог и называет «народным духом».

Следует подчеркнуть, что данное понятие, играющее роль концептуальной модели в восприятии эмпирического материала, оказалось весьма плодотворным для кантианской традиции. Под различными наименованиями оно использовалось многими социологами-неокантианцами, тяготеющими как к психологической, так и к аксиологической интерпретации фундаментального концепта трансцендентальной парадигмы. В частности, его достаточно плодотворно применял Л.И. Петражицкий, у которого оно выступает под именем «народная психика». Но в отличие от Вундта, оно нацелено не на оформление эмпирических фактов, но на выявление культурно-исторической специфики социальных норм, определяющих поведение индивидов. Несмотря на это различие, понятие «народная психика», так как и понятие «народный дух», играет роль концептуальной модели, служащей базой для теоретической и эмпирической методологии социального исследования. Различие же между характером психологических и аксиологических теорий социального действия заключается в том, что перевес в первом случае отдается научному наблюдению и изменению, а во втором – нормативным методам.

Основание данного различия следует искать в специфике интерпретации фундаментального концепта двух течений кантианской традиции. В отличие от Вундта и Гербарта, представители баденского неокантианства В. Виндельбанд, Г. Риккерт, а также большинство русских неокантианцев-социологов и правоведов рассматривали трансцендентальные структуры преимущественно в ценностном, а не психологическом ключе. Для исследования социального действия это означало смещение научного интереса от поиска причин к установлению норм поступка. Поэтому концептуальную идею баденского неокантианства по отношению к анализу социального действия можно определить как рационально-нормативную. Она заключается в том, что социальному познанию необходимо раскрыть ценностные предпочтения и связанные с ними нормативные требования, которыми руководствуется индивид в различных видах своей деятельности.

Комментируя специфику понимания должностования и определяя его место среди других способностей индивида в философии В. Виндельбанда, Т.А. Акиндино-

ва пишет: «Вынесение оценок оказывается возможным, поскольку субъект является одновременно и носителем практического разума – единого идеального мира ценностей, обладающего характером долженствования... Долженствование, или что-то же самое, «притязание на обще значимость», выделяет, согласно Виндельбанду, из всего многообразия оценок три их вида: логические, этические и эстетические. Только в них выражается не просто наше индивидуальное чувство удовольствия или неудовольствия от представляемого предмета, а норма оценки, или правильность появления чувства удовольствия или неудовольствия в суждении о ценности... Сфера же влияния... мира ценностей на эмпирический мир и образует культуру» [4, с. 100].

Для аксиологического течения, так же как и для психологического, в кантианстве характерна редукция социального поведения, во-первых, к нравственности, а во-вторых, к индивидуальному действию. Но если психологическое направление ставило нравственность в зависимость от волевого акта, то аксиологическое – отстаивало рационалистический образ морального сознания. Соответственно этому и индивид в первом случае выступает, прежде всего, как живое существо, а во втором – как метафизический субъект, как личность. Последняя предстает как вневременное духовное явление, как идеал, к которому должен стремиться каждый человек. В свою очередь, общество, являясь результатом действий индивидов, стремящихся стать личностями, также рассматривается в неокантианстве как идеальный конструкт, который не может найти в историческом процессе полного воплощения.

В наиболее ярком виде трансцендентальная рационально-нормативная идея социальной реальности выражена в творчестве П.И. Новгородцева. Раскрывая место личности и характер ее действий в рамках этой идеи, Г.Е. Зборовский обращает внимание на следующие моменты концепции Новгородцева. «По его мнению, человеческое общество отличается от мира живой природы, прежде всего, тем, что в нем существуют нормы как первоначальные задатки всеобщего долженствования. Эти нормы составляют нравственную основу структуры личности, поскольку человек живет именно по ним. Раз мы с этим согласны, то должны признать, что нормы являются основой также общества и культуры... Новгородцев не отождествлял общество и культуру, ...выступал против такого отождествления... Нравственность, по Новгородцеву, – это внутренняя для человека абсолютная ценность. Она позволяет личности быть не пассивным продуктом социальной среды, а единственным и основным источником сознательных решений и активных действий. Поэтому общество есть не что иное, как совокупность сознаний и действий отдельных людей» [3, с. 288].

Рассмотрение сознания в качестве идеального, а не природного феномена является характерной чертой

всех направлений трансцендентализма. Данная методологическая установка свойственна и феноменологии, близкой по духу неокантианству. Но в отличие от неокантианства, феноменология имеет не рассудочный, а интуитивный характер. Вместе с тем, интеллектуальная интуиция в школе Э. Гуссерля не имеет спекулятивной природы, как это имело место в школе И.Г. Фихте и Г.Ф.В. Гегеля. Соответственно этому трансцендентальное в феноменологии выступает не в качестве априорной структуры человеческого сознания, формирующей реальность, а скорее как идеальный срез сознания, обнаруживаемый индивидом в акте интроспекции. Поэтому трансцендентальное в феноменологии предстает, в первую очередь, не в виде всеобщего и необходимого, как у Канта, но, прежде всего, в виде самоочевидного начала. Его самоочевидность может принимать как чисто смысловые, так и чувственно-наглядные формы. Анализ смысловых форм позволяет обнаружить базовые категории различных областей знания, тогда как анализ чувственно-данного устанавливает первичные способы данности предметов повседневной жизни. Самоочевидность смысловой и чувственной сфер познания имеет универсальный характер, она позволяет каждому индивиду обращаться к исследованию какого-либо идеального или чувственного предмета, процесса или явления. Соблюдение правил созерцания позволяет, вне зависимости от субъекта, получать одни и те же данные. Это означает, что самоочевидность имеет не только субъективный, но и интересубъективный характер.

Для исследования социального феноменологического учение о методах описания различных видов опыта и их изначальном интересубъективном статусе имеет большое значение. В первую очередь, оно связано с возможностью создания особой концептуальной идеи, которая предлагает новый способ восприятия социальных действий. Эта идея, которую можно назвать концепцией интересубъективности, конкретизируется в концептуальной модели, позволяющей исследовать такие важнейшие явления, как социализация и социальная реабилитация индивидов. В свою очередь, применение концептуальной модели к указанным явлениям приводит к возникновению различных феноменологических теорий социального действия. Например, проблема социализации у различных представителей феноменологической социологии и психологии осуществляется по-разному.

Нам представляется возможным рассмотреть все основные уровни феноменологической интерпретации трансцендентальной парадигмы применительно к анализу социального действия на примере творчества одного ученого – австро-американского исследователя А. Шюца.

Проблемы, связанные с рассмотрением фундаментального концепта феноменологической интерпретации

трансцендентальной парадигмы, затрагиваются А. Шюцем при разрешении вопроса определения характера социальных явлений в целом и социального действия в частности. Согласно точке зрения австрийского социолога, социальное не принадлежит к явлениям природного порядка, поскольку, в отличие от них, оно изначально наделено смыслом, доступным человеческому сознанию, т. е. внутренним смыслом. Поэтому «жизненный мир» – это не природа, а сфера человеческих отношений, в которой и осуществляются социальные действия. По отношению к теоретическому познанию «жизненный мир» обладает первичностью, поскольку идеальные конструкты, т. е. научные понятия, отталкиваются от повседневных явлений. Это означает, что научные концепции социального действия должны проходить проверку на соответствие непосредственной данности исследуемого феномена сознанию.

Концептуальная идея феноменологического исследования социального действия формируется Шюцем при перенесении понятия интересубъективности из области гносеологии в область социального познания. В социальном мире интересубъективность присутствует, согласно мнению австрийского ученого, в виде так называемого «здорового смысла», который представляет собой результат осмысления индивидами различных форм коммуникации. Характер «здорового смысла» при переходе от одной социальной группы к другой может существенным образом меняться. Эта динамика социального знания в наиболее явном виде предстает в процессах социализации и социальной реабилитации индивида.

Общим для теорий социализации и социальной реабилитации, разработанных Шюцем, является использование коммуникативной модели поведения человека. Важнейшим условием коммуникации служит общность пространства и времени, в которых находятся индивиды. Именно благодаря пространственной и временной общности индивидов формируется единый для той или иной группы взгляд на мир. Поэтому в процессе межличностного общения необходимо учитывать не столько индивидуальные, сколько типовые особенности человека. Так, для процесса общения важна группа, от лица которой в конкретной ситуации выступает индивид. Например, он может играть роли продавца или покупателя, начальника или подчиненного. Только благодаря знанию социальных ролей индивид может нормально существовать в обществе.

Коммуникативная модель социального действия находит свою конкретизацию в теориях социализации и социальной реабилитации. В первой теории Шюцем рассматривается процесс усвоения индивидом знания и норм поведения, связанных с взаимодействием с другими группами. Вторая теория описывает, напротив, ситуацию возвращения индивида в свою социальную группу после длительного отсутствия.

В теории социализации коммуникативная модель является применимой, поскольку исследуемый Шюцем феномен предполагает понимание представителями разных социальных групп черт сходства и различия, свойственных как собственному, так и чужому способу мышления и поведения. Так, успешная социализация предполагает: способность индивида придерживаться нужной точки зрения и воспринимать ситуацию соответствующим образом; умение усваивать язык различных социальных групп – «диалект повседневности»; понимание социального разграничения знания, наличие ступеней владения им и умение правильно использовать его в нужных ситуациях. Главным же в любом социальном действии является способность индивида правильно реконструировать мышление другого.

Теория социальной реабилитации Шюца изложена в его работе «Возвращающийся домой», в которой раскрываются трудности, возникающие в процессе коммуникации между индивидом и социальной группой, в которой он длительное время отсутствовал. Основанием применения коммуникативной модели в процессе создания теории социальной реабилитации служит характерное для западноевропейской философии и науки представление об индивиде как самодостаточном субъекте. Применительно к процессу адаптации индивида к изменившимся социальным условиям феноменологическая установка на конструирование другого сознания – как составляющая социальной коммуникации – выглядит вполне уместной.

Для того чтобы облегчить адаптацию индивида, временно выпавшего из определенных социальных отношений, нужно, во-первых, фиксировать различия между его сознанием и сознанием представителей социальной группы, в которую он включается; во-вторых, сформировать в сознании обоих субъектов коммуникации определенные установки, способствующие правильному восприятию друг друга. Иллюстрацией первого момента служит различие между сознанием солдата и сознанием обывателя. Солдат – беспрекословно подчиняется приказам и не в состоянии изменить систему отношений, в которой находится. Обыватель – привык сам выбирать цели и средства их достижения.

Второй момент социальной реабилитации солдата, вернувшегося с войны, сам А. Шюц характеризует следующим образом: «Многое сделано, но еще большее предстоит сделать, чтобы подготовить возвращающегося домой ветерана к необходимости прилаживания к дому. Равно необходимо подготовить к его приходу и домашнюю группу. Через прессу и радио следует разъяснить домочадцам, что человек, которого они ждут, уже не тот, другой, и даже не такой, каким его воображают. Повернуть пропагандистскую машину в противоположном направлении, разрушить псевдотипы батальной жизни и жизни солдата вообще и заменить его на правду

не простая задача» [5, с. 142].

Таким образом, анализируя природу и структуру социального действия в трансцендентальной парадигме, особое внимание следует уделить отношению индивида к социальной реальности в целом и конкретным отношениям, сложившимся в ней. Однако, подобного рода отношение может пониматься достаточно широко. Например, как эмоциональная реакция, экзистенциальное переживание или отнесение к ценности. Так или иначе,

социальное действие в трансцендентализме, всегда будет надделено скрытым или явным смыслом, который нуждается в специфическом осмыслении. Одним из главных недостатков трансцендентального подхода к исследованию социального действия является тяготение к рассмотрению человека (индивида) в качестве замкнутой в себе монады. Подобного рода подход, с одной стороны, необратимо приведет впадением в солипсизм, а с другой – практически не соответствует социальной сущности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акиндинова Т.А. Философия культуры. Становление и развитие. – СПб.: Лань, 1998. – 448 с.
2. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2 т. / пер. с нем. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2000.
3. Зборовский Г.Е. История социологии: учеб. – М.: Гардарики, 2004.
4. Самойлов С.Ф., Насиров М.Н. Методологические основания интегративной природы социального познания. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2011. 158 с.
5. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. – М., 1975.

© Насиров Марат Нухбалаевич (marat.nn@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородская академии МВД России

РЕЦЕНЗИЯ НА «МАТЕРИИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ!» ГАНСА-ПЕТЕРА ДЮРРА

Рыбакова Ирина Андреевна

Институт философии Российской академии
наук (ИФ РАН)
irina.rybakova.88@list.ru

REVIEW ON "MATTER DOES NOT EXIST!" HANS-PETER DURR

I. Rybakova

Summary: This article is devoted to a little-known dialogue between the scientist and philosopher Hans-Peter Duerr and his colleague and friend Peter Michael, which has not been translated into Russian. The author in his review examines the basic concepts of Duerr's philosophy, such as "transcendence", "dialogue", "duality", "premonition", "reality", etc., and analyzes Duerr's interpretation of these concepts. The dialogue asserts the need to create a "new philosophy" as opposed to the "old philosophy" that permeates both science and religion. It is shown that the distinctive feature of the "old philosophy" is dualism, the separation of subject and object, which is overcome in the "new philosophy" of Duerr by a holistic attitude to the world, co-creation with other subjects of knowledge, and with the nature as a whole. The author presents the method of Duerr's philosophizing, which is the main one in his epistemology — a dialogue, provided that one fully accepts the interlocutor and is "attuned" to him or her. Also the effectiveness of this method, as understood by G.-P. Duerr, is justified.

Keywords: transcendence, immanence, dialogue, quantum mechanics, cognition, reality.

Аннотация: Данная статья посвящена малоизвестному диалогу между ученым и философом Гансом-Петером Дюрром и его коллегой и другом Петером Михелем, который не переведен на русский язык. Автор в своей рецензии рассматривает основные понятия философии Дюрра, такие как «трансцендентность», «диалог», «двойственность», «предчувствие», «действительность» и т.д., и анализирует интерпретацию Дюрром этих понятий. В ходе диалога утверждается необходимость создания «новой философии» в противовес «старой философии», которая пронизывает как науку, так и религию. Показано, что отличительной чертой «старой философии» является дуализм, разделение субъекта и объекта, которое преодолевается в «новой философии» Дюрра целостным отношением к миру, сотворчеством как с другими субъектами познания, так и со всей природой в целом. Приводится метод философствования Дюрра, который в его гносеологии является основным — диалог, при условии полного принятия собеседника и «настроенности» на него, и обосновывается эффективность данного метода, как это понимает Г.-П. Дюрр.

Ключевые слова: трансцендентность, имманентность, диалог, квантовая механика, познание, действительность.

Ганс-Петер Дюрр (7 октября 1929 — 18 мая 2014 гг.) — известный немецкий физик, работавший над проблемами атомной и квантовой физики, а также занимавшийся теориями гравитации и физики элементарных частиц. Совместно с выдающимся ученым и философом 20 века, основателем квантовой механики, Вернером Гейзенбергом, Дюрр разрабатывал единую теорию поля и считается одним из видных учеников Гейзенберга. Помимо научных изысканий, Дюрр выделяется своими философскими воззрениями, в которых во многом следует по стопам своего учителя. Наиболее яркой чертой его философии является поиск ответов на, казалось бы, древние вопросы, которые, впрочем, по сей день не теряют актуальности: что лежит в основе бытия? Есть ли что-то за пределами наблюдаемой нами реальности? Какова суть процессов, происходящих как в макро-, так и в микромире, и каким образом мы можем эти процессы познать и интерпретировать?

Ответы на эти вопросы для Дюрра лежат не в плоскости чисто научных фактов и теорий, но в области трансцендентного начала, находящегося за пределами чувственного восприятия. Обобщая свои взгляды на не-

которые основные категориальные понятия философии (трансцендентность, реальность, дух, материя, детерминизм и т. д.), он ведет беседу со своим другом и религиозным философом, Петером Михелем, которого некоторые исследователи считают одним из крупнейших представителей современной теософии [2, с.80], и в ходе их диалога вычерчивается понимание Дюрром мира и места человека в нем. Оба собеседника предстают не только знатоками современных научных теорий, но и глубокими исследователями разнообразных религиозных учений. Г.-П. Дюрр и П. Михель соединяют концепции индуистских, христианских и теософских мыслителей с философией естествознания и самой наукой и при этом строго следуют своей изначальной цели: определить границы познания и рассмотреть как можно больше граней действительности — для лучшего понимания того, каким образом она существует.

В 2012 году вышеописанный диалог публикуется под названием «Материи не существует!» (Es gibt keine Materie!) Следует отметить, что как таковое это название не является лейтмотивом данной книги, Г.-П. Дюрр не совершает никакого открытия о несуществовании мате-

рии — скорее, это провокативное восклицание должно способствовать тому, чтобы у читающего возникло желание вникнуть в идеи, изложенные в книге, и самому прийти к такому выводу. Как писал А.Ю. Севальников, такое название хотя и не случайно, но указывает на необходимость различение модусов существования материи, поскольку она, безусловно обладая существованием, тем не менее, может существовать не так, как нам представляется [4]. И здесь же идет отсылка к В. Гейзенбергу, который любил повторять: «Атомы не вещи!», имея в виду, по мысли Севальникова, что чувственный мир на уровне атомов (и квантов!) может обладать иной формой существования, нежели считалось ранее. Г.-П. Дюрр также вспоминает Гейзенберга во второй главе книги, посвященной познанию, однако несколько с иного ракурса: «Вернер Гейзенберг, в связи с этим, часто повторял: «Почему действительность обязана стараться объяснить себя таким образом, чтобы наш разум мог это переварить?» [1, с.33] Мы полагаем, что Дюрр здесь солидарен с позицией Гейзенберга об ограниченности языковых понятий, которыми оперирует человеческий разум. Если для Гейзенберга язык является мощным и творческим инструментом познания (хотя и ограниченным своими же законами), то Дюрр считает язык в целом не слишком приспособленным для того, чтобы рассуждать о таких сферах действительности, как трансцендентное, Бог, дух и т. п. Использование языка, в особенности повседневного, выводит человека за пределы Единого, которое тот и пытается все время охватить, а вне Единого уже невозможно ничего о Нем узнать [1, с.33]. Такой подход весьма напоминает так называемое «апофатическое богословие», рассуждающее о Боге только с точки зрения того, чем Он не является, таким образом приближаясь к пониманию Его сущности.

По сути, вторя неоплатоникам, Дюрр развивает концепцию Единого, о котором нельзя рассуждать, не будучи в неразрывном единстве с Ним. Однако и в этом случае процесс познания реализуется лишь в момент единения, а описанию он не подлежит. Чтобы познать Единое, необходимо, если можно так выразиться, быть «имманентным трансцендентному», что для Дюрра выступает единственным способом активно исследовать красоту творения. В главе «Трансцендентность» Дюрр прямо указывает на бессмысленность отделения Бога от творения [1, с.12], в некотором смысле философ здесь стирает грань между трансцендентным и имманентным, между познающим и познаваемым, субъектом и объектом — и объявляет данный способ единственно возможным для успешного понимания действительности. Здесь Дюрр выступает, главным образом, против дуализма, а значит, и против всей классической физики в целом, поскольку именно это является основной ошибкой старой физики — изоляция субъекта от объекта и попытка превратить последний в «res» (лат. «вещь»), получив «реальность», в то время как действительность (нем. Wirklichkeit) не предполагает такого противопоставле-

ния субъекта и объекта, а утверждает их необходимую взаимосвязь. Совершенно понятно, почему симпатии Дюрра на стороне квантовой механики и ее интерпретации как сферы свободного, если угодно, творческого проявления действительности. Дюрра не устраивает довлеющий детерминизм классической физики, в рамках которого можно предполагать лишь однозначные высказывания типа «да»/«нет» - его привлекает модульная логика квантовой механики, где между «да» и «нет» существуют бесчисленные «да, но» [1, с.27]. С этой позиции можно назвать Г.-П. Дюрра сторонником индетерминизма, хотя и с некоторыми оговорками, поскольку индетерминизм Дюрра проистекает главным образом из его приверженности теории единого начала, неразделимого на субъект и объект, а значит, относится к его позиции как философа, а не как ученого.

Итак, главная ошибка в неверных рассуждениях о природе Единого — это разделение. Здесь, на наш взгляд, стоит упомянуть воззрения Вернера Гейзенберга, с которым был солидарен Г.-П. Дюрр. Эти воззрения изложены в малоизвестном трактате Гейзенберга «Порядок действительности» (нем. Ordnung der Wirklichkeit), где Гейзенберг старательно избегает слова с корнем res — Realität (реальность). Само по себе это слово также означает в том числе и «действительность», однако и для Гейзенберга, и для Дюрра, использование синонима Realität означает согласие с «овеществлением» действительности, с превращением ее в объект, подлежащий исследованию. Гейзенберг в своем трактате настаивает на иерархической структуре бытия, главный принцип которой — наличие бесчисленного количества взаимосвязей, которые и обеспечивают функционирование и развитие действительности. Дюрр, в свою очередь, также повторяет: «Все связано со всем» и называет это высказывание отправной точкой для познания целого [1, с.46]. Раскрыть эти взаимосвязи можно лишь в процессе творческого обмена идеями, с использованием языка, отличного от языка повседневности. Однако Дюрр здесь заостряет внимание не на используемых понятиях, а на самом методе — взаимном слушании и восприятию другого во время коммуникации. Взаимосвязи «припоминаются», осознаются каждым из участников такой плодотворной беседы в результате взаимопомощи в этом припоминании. Невольно вспоминается сократовский метод повивального искусства, или майевтики, применяемый для того, чтобы в ходе беседы прийти к знанию, которое уже заложено во взаимосвязанном сознании собеседников.

В обоснование своей позиции Дюрр приводит воспоминания о различных беседах между ним и Гейзенбергом, между Гейзенбергом и Эйнштейном и т. д. Акцент при этом делается не столько на содержании этих бесед, сколько на наличии или отсутствии взаимопонимания между участниками. Хочется еще раз подчеркнуть этот принципиальный момент: в гносеологии Ганса-Петера

Дюрра главная роль принадлежит субъекту, который, соприкасаясь с другим субъектом и обмениваясь с ним информацией, фактически осуществляет непосредственное познание обсуждаемого объекта. Этот тип познания можно отнести к интуитивному типу, либо же к созерцанию, но важное отличие от прочих подобных концепций состоит в том, что общение-созерцание Дюрра — это именно творческий акт, взаимодействие и взаимонаправленность познающих субъектов.

Интересно отметить, что продолжительная беседа вовсе не обязательна, чтобы породить новое понимание. Куда более продуктивным может быть «молчание» касательно какой-либо проблемы, в течение какого-либо периода времени. Дюрр приводит слова Гейзенберга о том, что если не выходит понять что-то, нужно отпустить эту тему и вернуться к ней через некоторое время. По утверждению Дюрра [1, с.95], данный метод рефлексии неизменно оказывался успешным, но при соблюдении самого главного условия: спонтанность, внимательность собеседников и их настроенность друг на друга. Неспроста Дюрр вновь и вновь возвращается к понятию единства вещей как понимает их он, а не так называемые «представители старого мышления», к которым он, среди прочих, относит Ч. Дарвина (не конкурирование дает развитие, а сотрудничество!), С. Хокинга, А. Эйнштейна и других теоретиков квантовой физики, которые, говоря иносказательно, видели лишь ноты, увлеченно анализировали и упорядочивали их, но сама мелодия была им недоступна, в отличие от того же Гейзенберга. Эта точка зрения представляется нам чрезвычайно интересной, поскольку с этой позиции Ганс-Петер Дюрр и его учитель и вправду имеют много точек соприкосновения.

Вернемся к названию диалога. «Материи не существует!» — в том смысле, в каком ее понимают представители старого мышления. Она не существует как нечто, противоположное духу, как единственная субстанция мира, в ее бесчисленных формах. А каким же образом она тогда существует? Как нам кажется, Дюрр не дает на этот вопрос однозначного ответа по той причине, что поиск однозначных, законченных ответов — это путь старой философии, исчерпавшей себя. Все существует, когда действующий субъект познания творчески конституирует действительность, при этом пребывая в единении с ней — вне этого единения и вне творческой деятельности бессмысленно говорить о способе существования материи, духа и чего-либо еще, потому что вне творчества нет подлинного существования. Если так можно выразиться, без «диалога» с окружающей действительностью, или, как пишет Дюрр, без герметики со всем окружающим нас миром.

В связи с герметикой, упоминаются такие философы, как Хайдеггер и Г. Ромбах, а значит, здесь мы можем проследить связь с феноменологической онтологией. Ромбах, признавая влияние Хайдеггера и Гуссерля, тем не

менее, ищет выход в структурном аспекте онтологии. То есть бытие всего живого и человека в том числе — это структура, но особого рода, она конкретна, то есть человек, находясь в сотворчестве с природой, более не противостоит ей. Более того, задача структурной феноменологии также состоит в межкультурном обмене концепциями, а следовательно, в поиске и утверждении новых философских предпосылок [3, с.72]. Ганс-Петер Дюрр воспринимает данное сотворчество как принципиальную открытость субъекта для принятия, без попыток повлиять на другого. Здесь мы видим акцент на существовании, в результате которого возникает нечто новое, и это сосуществование непременно лично. В результате человек может достичь такой тишины, внутри которой он будет воспринимать другие измерения, до этого ему не доступные [1, с.91].

Основным инструментом для познания действительности выступает, разумеется, сознание, «das Bewusstsein». Однако, разъясняя его, Дюрр не забывает вновь высказаться против «старого понимания слова» и «старого языка» в целом, чтобы исключить, опять же, дuality — взгляд на мир извне. В таком языке, по убеждению Дюрра, отсутствует творчество и, самое главное, «живость», или «жизненность» (Lebendigkeit). Поэтому и «Bewusstsein» может что-то познать лишь в том случае, если оно является «helle Bewusstsein», т. е. ясным сознанием. Такое сознание схватывает не только непосредственные факты и взаимосвязи, но и улавливает все, что происходит на так называемом «заднем плане» - «im Hintergrund», а именно это, «то, что движется в глубине», имеет для Дюрра первостепенное значение, поскольку определяет познание Целого, проникая со временем в ясное сознание. Субъект при этом обладает «Ahnung», т. е. предчувствием или предзнанием, и результат познавательных усилий напрямую зависит от того, насколько открытым для расширения является сознание этого субъекта. В конечном итоге, чем более оно открыто, тем больше тонкостей и граней Единого оно улавливает.

Завершая рецензию, хотелось бы обратить внимание на то, что Ганс-Петер Дюрр, без сомнения, интересный мыслитель, с синтетическим мировоззрением, опирающимся на различные философские и религиозные системы. Тем не менее, он пытается найти все новые пути, обрести все большую свободу мысли и подлинно творческое сознание. Некоторые из его высказываний могут показаться излишне размытыми и уклончивыми, однако следует всегда помнить о том, что своей первостепенной задачей он видел не просто избавление от неточностей и противоречий, но выход из всех существующих «строительных» систем философствования ради одного — истины бытия Целого. Преодоление дуалистического мышления и формулирование новых философских принципов представляется нам весьма существенной задачей современной философии, в развитие которой Ганс-Петер Дюрр внес оригинальный и весомый вклад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н.-П. Dürr. Es gibt keine Materie! - Crotona Verlag GmbH&Co. KG, 2012, 120S.
2. J. Schnabel. Das Menschenbild der Esoterik. Verlag Neukirchener Theologie 2007, S. 80.
3. Королев А.В. Историко-онтологические связи в структурной философии Генриха Ромбаха// Вестник Ивановского государственного университета. Выпуск 3 (9), 2016. Стр. С 65 по 72. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-ontologicheskie-svyazi-v-strukturnoy-filosofii-genriha-rombaha/viewer> (Дата обращения: 28.02.2021)
4. Севальников А.Ю. Проблема реальности и времени в современной квантовой механике. Электронный философский журнал VOX. Выпуск 25 (декабрь 2018). [Электронный ресурс] URL: <https://vox-journal.org/content/Vox%2025/Vox%2025-15-SevalnikovA.pdf> (дата обращения 01.03.2021)

© Рыбакова Ирина Андреевна (irina.rybakova.88@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Институт философии Российской академии наук

ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ БАЗИСНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ

Скопа Виталий Александрович

Д.и.н., Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

APPROACHES TO UNDERSTANDING BASIC INTELLIGENCE IN EDUCATION

V. Skopa

Summary: The article analyzes the ideological position of understanding basic intelligence in education through global and regional approaches. In the course of the research, it was determined that the "global" and "national" in education are necessary for each other, since it is precisely while preserving each other and addressing each other that both develop and exist. Globality is united by the philosophical category «universal», which is reflected in the concept of the mutual connection of various and opposite phenomena. «National» is that which is unchangeable, does not need a new form or a new quality. Based on the categories «general» and «individual» it is determined that while maintaining the «individual», the «universal» develops and remains, which can exist and further develop in the presence of opposite, different connections, forming a qualitative and quantitative uniqueness. National basic intelligence reflects the specific features of education in different countries, peoples and regions, and global basic intelligence reflects the universal in education.

Keywords: basic intelligence, philosophy of education, paradigm, globalization, worldview.

Актуальность заявленной проблемы во многом объясняется рядом факторов. Во-первых, развитие системы образования как целостной системы требует всестороннего переосмысления и углубленного изучения с позиции философских взглядов. Во-вторых, идущие современные процессы заставляют более критически относиться как к самой системе образования, так и ее дефинициям, вычлняя первичное и вторичное, определяя сущностное ядро. В-третьих, процессы глобализации подталкивают задумываться об образовании как более сложном и важном институте в социуме.

Заявленная проблема находила свое отражение в работах Наумовой А.Ю., Зубова Д.В. и других [2, 5]. Исследователи подходили к ее рассмотрению с позиций философии образования, психологии, педагогики.

Целью статьи является выявление подходов к пониманию базисного интеллекта в образовании.

Рассматривая данную проблему, необходимо обратиться к философским категориям «всеобщее», «единичное», «особенное». Эти категории необходимы для того, чтобы понять, что при сохранении «единичного» разви-

Аннотация: В статье анализируется идейная позиция понимания базисного интеллекта в образовании посредством глобального и регионального подходов. В процессе исследования определено, что «глобальное» и «национальное» в образовании необходимы друг для друга, поскольку именно при сохранении друг друга и обращении друг к другу оба развиваются и существуют. Глобальность объединяется философской категорией «всеобщее», которое отражается в понятии взаимной связи различных и противоположных явлений. «Национальное» то, что является неизменяемым, не нуждающимся в новом виде или в новом качестве. Исходя из категорий «всеобщее» и «единичное» определено, что при сохранении «единичного» развивается и сохраняется «всеобщее», которое может существовать и далее развиваться при наличии противоположных, различных связей, формируя качественную и количественную неповторимость. Национальный базисный интеллект отражает специфические черты образования разных стран, народов и регионов, а глобальный базисный интеллект отражает всеобщее в образовании.

Ключевые слова: базисный интеллект, философия образования, парадигма, глобализация, мировоззрение.

вается и сохраняется «всеобщее». Последнее существует и развивается при наличии противоположных, различных связей, формируя качественную и количественную неповторимость [5, с. 15-17].

В XXI веке проблемы образования становятся приоритетными во всем мире, так как они определяют будущее каждой страны в отдельности и планеты в целом. Поэтому образование выступает наиболее эффективным средством позитивного развития процессов глобализации, средством сохранения того «особенного», которое воплощает в себе богатство различных культур. Только образованное общество может выработать рефлексию противопоставления позитивных процессов – процессам негативным, обеспечить активное участие мировой науки и образовательной системы в развитии мира.

Обращаясь к философским категориям, мы приходим к выводу, что «глобальное» и «национальное» в образовании необходимы друг для друга, поскольку именно при сохранении друг друга и обращении друг к другу оба развиваются и существуют. Следовательно, каждому государству в образовательной модели необходимо сохранять свою идентичность, свою неповторимость и

национальные черты [4, с. 8-9]. Все это будет являться основой для дальнейшего развития «глобального». Категория «всеобщее» хорошо отражает глобальность. «Всеобщее» – форма существования всех особенных и единичных явлений, закономерная форма их взаимосвязи в составе конкретного целого.

Глобальность объединяется философской категорией «всеобщее», которое отражается в понятии взаимной связи различных и противоположных явлений, закон их перехода и превращения друг в друга, выступающие на поверхности явлений не в виде их сходства, подобия и тождества, а, наоборот, через их различие, особенность, противоположность [5]. Этим различным, особенным, противоположным и является «национальное», именно то, которое должно являться неизменяемым, не нуждающимся в новом виде или в новом качестве.

Национальное соответствует категории «единичное», опирающееся на отдельное, индивидуальное, выражающее обособленность друг от друга в пространстве и во времени вещей, событий, составляет их неповторимую качественную и количественную определенность. В определении Ожегова С.И. «национальное – исторически сложившаяся общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры, т.е. национальное есть то, что родилось естественным образом, выражающее самобытность, универсальность и неповторимость каждого народа» [6].

Исходя из философских категорий «всеобщее» и «единичное» можно сделать следующий вывод, что при сохранении «единичного» развивается и сохраняется «всеобщее», которое может существовать и далее развиваться при наличии противоположных, различных связей, формируя качественную и количественную неповторимость. «Навязывание единой цивилизационной модели является губительным для эволюции человечества» [7]. Признание ценности другой культуры предполагает уважение к культуре своего народа. Следовательно, необходима множественность культур, их жизни и проявления для дальнейшего развития общества.

Но в современном мире глобализация осуществляет «процесс унификации мира в соответствии с едиными образцами, правилами и символикой» [3]. Унификация различных систем, преобладание моделей ведущих государств, с соответственным подавлением отсталых, развивающихся государств, приводит к тому, что национальные системы других стран уподобляются государствам, более сильным экономически, способствуя тем самым экспансии культуры и языка. И в результате мы можем иметь навязанную чуждую культуру, трансформацию и упрощение языка, который является ос-

новной ценностью нации. Так, развивающиеся страны рассматриваются более развитыми странами «как источник «интеллектуального сырья», используя при этом немногочисленные научные и образовательные учреждения для отбора талантливых людей. На сегодняшний день этот факт приобретает все больший и больший размах. Результатом станет убеждение в бессмысленности действий, осуществляемых в целях уравнивания образовательного сегмента в глобальных масштабах. Образовательная пропасть между бедными и богатыми неизбежна. Процессы глобализации должны способствовать преодолению этой пропасти, а между тем все происходит наоборот – они ее все больше углубляют. Поэтому периферийные системы просвещения не оказывают практически никакого влияния на глобальные решения [2].

Для осознания необходимости национальных, региональных, культурных различий в дальнейшем развитии глобального возможно предложение формирования «базисного интеллекта». Под данной категорией понимаются главные социокультурные характеристики интеллекта; он представляет собой совокупность рационально-логических, чувственно-эмоциональных, творческих характеристик сознания человека. Все эти характеристики закономерно вырабатываются в процессе длительного этнокультурного развития народов, национальностей, наций, государств. Исходя из этого выкает априорно понимаемая черта, что базисный интеллект составляет сознательную часть менталитета, проявление ее активности, в основе которой лежат ментальные, культурные традиции. Именно они и способствуют формированию социокультурного разнообразия в мире. Тогда необходимо вести речь о таком феномене, как национальный базисный интеллект. Он оказывается специфичным для разных культур, народов, государств, регионов.

Если национальный базисный интеллект отражает специфические черты образованных граждан разных стран и народов, то можно вести речь и о всеобщих характеристиках сознания образованного человечества.

В связи с этим вполне логичным является введение понятия «глобальный базисный интеллект». Глобальный базисный интеллект, который должен включать всеобщие инновационные черты знаний и особенности сознания людей, появляющиеся в окружающем мире в каждый исторический период. Эти общие черты в той или иной мере присущи национальным формам базисного интеллекта. К ним можно отнести: общие научные знания, морально-нравственные устои, творческие перспективы, характерные для определенной эпохи, в том числе, для современной новейшей эпохи начала третьего тысячелетия.

Глобальный базисный интеллект выражает общее

ядро сознания национальных форм базисного интеллекта. Формируемое «глобальное сознание» предполагает восприятие мира с позиции всего земного шара, т.е. задается масштабность, позволяющая рассматривать все происходящее на Земле в целом, словно «сверху». Такое восприятие определяет проблемы, слабые места; «сверху» видна вся палитра разнообразия красок тех составляющих, которые образуют целое. Это принципиально новый взгляд на мир, на его проблемы и возможные пути их разрешения, восстановление экологии как в коммуникационном плане, так и в природном, отказ от устаревших стереотипов и догм. Глобальное мышление выходит за рамки планеты Земля, не ограничивается пространством отдельной личности, социальной группы, какой-то системы, общества, нации. Такой подход в мышлении может разрешать проблемы, существующие на планете, т.к. каждое государство будет заинтересовано в качественных, оптимальных и ответственных решениях [1, с. 87].

Если принять, что национальный базисный интеллект отражает специфические черты образования разных стран, народов и регионов, то глобальный базисный интеллект отражает всеобщее в образовании. Глобальный интеллект отражает единство многообразного, а национальный интеллект – многообразие единого. Только в своей совокупности эти его формы и уровни образуют

все интеллектуальное богатство человечества. Глобальный интеллект служит основой для творческого взаимодействия образовательных систем разных стран, а формы и виды национального базисного интеллекта придают образованию социокультурное разнообразие и непреходящую ценность. Например, в российской системе образования всегда присутствует региональный компонент, в каждой стране он будет свой и будет учитывать менталитет своего народа.

В целом, понятие базисного интеллекта в образовании на международной арене позволяет учитывать глобальные и национальные особенности сознания воспитанных и образованных людей. А образование должно охватить все слои населения во всех уголках планеты. Пока это лишь благое пожелание, далекое от реальности. Кроме того, в ряде регионов планеты, в том числе и на отдельных территориях постсоветского пространства идут деструктивные процессы, что крайне опасно в условиях неустойчивого мира XXI века. Глобальный базисный интеллект обуславливает международное взаимодействие и сотрудничество современных людей разных стран мира. А национальные базисные формы интеллекта отражают своеобразие менталитетов народов, возможность их адаптации к разным социально-культурным и природно-географическим условиям нашей планеты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булкин А.П. Культуросообразность образования. М.: АСТ, 2003. 173 с.
2. Зубов Д.В. Субъектность как психолого-педагогическое условие развития интеллектуального потенциала педагога дополнительного образования. автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2009. 23 с.
3. Констанчук С. Философия воспитания и процесс глобализации в образовании // Философия образования. 2006. Специальный выпуск. С. 261.
4. Майер Б.О., Наливайко Н.В. Об онтологии качества образования в обществе знания // Философия образования. 2008. № 3 С. 4-18.
5. Наумова А.Ю. Международный аспект формирования базисного интеллекта в образовании // Философия образования. 2010. № 2. С. 12-21.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 398.
7. Фортов В.Е. Проблемы преодоления «цифрового неравенства» в России и странах СНГ: материалы международного семинара. М., 2000. С. 11-12.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ Р. ДЕКАРТА

THE THEORY OF SUBJECTIVITY
P. DESCARTES

N. Tetenkov

Summary: The article is devoted to the theory of subjectivity of R. Descartes. The article considers the theoretical and methodological foundations of the theory as a concept of subjectivity in general; highlights and analyzes the main provisions of the theory of subjectivity of R. Descartes; analyzes the research works of other authors, examines the inconsistency and specificity of the theory of subjectivity of R. Descartes.

Keywords: theory, subjectivity, R. Descartes, justification, subject, cogito, intersubjectivity.

Тетенков Николай Борисович

К.ф.н., доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск
tenibo@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена теории субъективности Р. Декарта. В статье рассмотрены теоретико-методологические основы теории как концепции субъективности в целом; выделены и разобраны основные положения теории субъективности Р. Декарта; проанализированы исследовательские работы других авторов, исследована противоречивость и специфика теории субъективности Р. Декарта.

Ключевые слова: теория, субъективность, Р. Декарт, обоснование, субъект, cogito, интерсубъективность.

В настоящее время проблемы субъективности в западноевропейской философии уходят корнями в глубокую древность. Обоснование субъекта в Эйдосе, движущем разумом, логосе позже перерастает в необходимость божественной основы христианского субъекта и содержится в субъекте онтологической зависимости субъекта. Картезианская революция в понимании субъекта также лежит в основе генеалогии проблем субъективности в современной философии. Декарт разорвал связь между природой и чело веком, деонтологизировал субъективность и создал рациональный философский субъект. Определенная изоляция картезианского субъекта от внешнего мира была преодолена английским эмпиризмом, который создал условия для диалектики субъект-объект. И субъект, и объект возникают через рефлексию [1].

Религиозный кризис, вызванный Возрождением, вызвал интерес к культуре и человеку как творцу своего существа. На основе западной культуры сформировался творческий индивидуалистический гуманизм, подчеркивающий сознательный характер человеческой деятельности и акцентирующий внимание на индивидуальных порывах и достижениях. Неокантианцы, начавшие отсчет новой эры с Декарта, полагали, что его акцент на разуме и самосознании требовал принципа доказательства или немедленной уверенности, лежащего в основе философской мысли, что было идентично требованию проверки всех знаний с помощью естественного света разума [3].

Подчеркну, что принцип субъективной надежности также трактовался как ориентация на создание собственных знаний. Однако картезианское «cogito, ergo sum» - «я мыслю, следовательно, я существую» и дей-

ствительно новаторский смысл рационалистической эпистемологии поставили ряд проблем. Среди них - корреляция аристотелевского cogito, подход Плотина к проблеме субъекта познания и влияние на концепцию cogito Августина, специфика августинов cogito и роль этого принципа в средневековой философии, своеобразие картезианское cogito и его фундаментальные отличия от августинца [5].

Принцип Cogito который сформулировал Декарт, - это измерение, в котором основание эго как познающего субъекта возникает и приобретает все большее значение. Однако критики Декарта раскрывают несостоятельность картезианского субъекта как основу для установления объективной реальности. Радикальные сомнения успешно справляются со своей функцией, разрушающей объективную реальность. Однако, чтобы восстановить его, Декарту нужна божественная гарантия. Несмотря на то, что картезианский принцип cogito ergo sum получил новые варианты развития в философской мысли следующих столетий, становится очевидной необходимость решения ряда трудностей, неразрывно связанных с принципом философии Декарта [7].

Одна из этих трудностей - проблема интерсубъективности, которую Декарт неявно затронул при разработке принципа Cogito. В философии 20 века вопрос интерсубъективности и проблема другого сознания по-прежнему занимают центральное место. Этот предмет активно развивается как в аналитической, так и в феноменологической традиции. Актуальность этой темы по-прежнему высока. Многие критики отмечали неоднородную структуру Cogito, его одновременное присутствие в сфере субъективного и объективного. Принцип «я мыслю» заключен в том, что он является и личным Я

Декарта и всеобщим Я, сходное по структуре с трансцендентальным субъектом Канта [9].

Подчеркну, что принцип *Cogito* является фундаментальным для Декарта; фундамент, на котором строятся возможности картезианской философии и науки в целом. Однако в истории философии после Декарта этот принцип подвергается справедливой критике. «Ахиллесова пята» самопринципа Декарта - это его замкнутость [11].

Направимся к идее отца современной европейской субъективности. Имеет смысл сначала определить, что Декарт имеет в виду под мышлением. Критерием включения чего-либо в «мышление» для Картезия было осознание объекта мысли таким, каким он, может быть, мыслим субъектом, то есть Я. «Действительно, Декарт был убежден, что «я мыслю» «примысливает» все, что я мыслю, действует как условие мышления в целом». Таким образом, когда мышление понимается как то, что субъект воспринимает как мыслимое, оно получает довольно широкий спектр возможных интерпретаций. «Что такое мыслящая вещь?» - спрашивает Декарт. А затем он определяет это с помощью процедур сомнения, понимания, утверждения, отрицания, желания, а не желания и обладания воображением и чувствами [2].

Подчеркну, что Декарт анализирует проблему универсалий - объясняет, что универсальные концепции являются творениями разума и не присутствуют в самих вещах. Универсалии формируются разумом на основе сходства отдельных вещей. Декарт настаивал на субъективности чувственных качеств - цветов, вкусов, запахов и т. д. (продолжение рассуждений Демокрита и Галилея по этому поводу, предвосхищая постановку Локком проблемы первичных и вторичных качеств). Размер, фигура, движение, число - это свойства, которые действительно существуют в объектах и могут быть нами понятны. Цвета, вкусы, запахи субъективны, нет оснований рассматривать эти свойства как в самих предметах, они характеризуют то, как человеческое восприятие материальных предметов [12].

Хочу отметить, что Декарт считал, что язык, как неизменная и врожденная субстанция мысли, скрывает универсальные грамматические структуры, порядок вещей и их названия и «дается» каждому акту мышления, и что «*cogito*» является идеальной единицей сознания [4].

Можно сделать следующие выводы, что учение Декарта оказало значительное влияние на развитие философии и науки. Его идеи повлияли на развитие мировоззрения Спинозы. Картезианцами (последователями Декарта) были Деруа, Ренери, Фонтенель, Клауберг, Беккер, Режиж, Рого, Чирнхаузен, Борелли, Стенон, Ла Форж, Кордемуа, Арно, Николь, Гейлинкс, Мальбранш. Физика Декарта - один из теоретических источников философии образования. Влияние различных идей Декарта в той или иной форме прослеживается почти во всех великих системах современной рационалистической философии [8].

Декарт понимал, что сознание преднамеренно. Он увидел, что объектные компоненты всех действий последнего также принадлежат сознанию, с той лишь разницей, что он называл их не интенциональными объектами, а идеями. Декарт также понимал, что если мое сознание будет считаться трансцендентным, чтобы существовать абсолютно первичным, аподиктически независимым от моего тела и других объектов внешнего мира, то не только все его действия, но и все идеи, содержащиеся в нем, будут [6].

Как отметил современный философ А.А. Горелов. «Если проводить параллели, следует, конечно, воздерживаться от чрезмерной, неоправданной модернизации философской доктрины Декарта и не делать его трансценденталистом и феноменологом, потому что по сравнению с тем, что мы находим у Гуссерля и его последователей, Декарт описывает структуры трансцендентального *ego* в виде прототипа. Основная ошибка соответствующих сравнений состоит в том, что картезианская версия вообще не отражает динамику трансцендентального сознания: исторически Декарт не мог этого сделать» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Горелов, А.А. Основы философии. М.: Academia, 2019. 384 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПб., 2004. С. 113-118.
3. Декарт Р. Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше «Размышлений» // Декарт Р. Соч.: в 2 т. М., 1989-1994. Т. 2. С. 268.
4. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Соч.: в 2 т. М., 1989-1994. Т. 1. С. 315.
5. Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 25.
6. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различия между человеческой душой и телом // Соч.: в 2 т. М., 1989-1994. Т. 2. С. 16.
7. Доброхотов А.Л. Онтология и этика когито // Встреча с Декартом: Философские чтения, посвященные М.К. Мамардашвили, 1994. М., 1996. С. 31-34, 42.
8. Колесников А.С. Становление проблемы субъекта: от Декарта до современной философии // Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 10-25.

9. Матяш Т.П., Жаров Л.В., Несмеянов Е.Е. Основы философии: Учебник. Ростов н/Д.: Феникс, 2019. 256 с.
10. Мамардашвили М. Картезианские размышления (январь 1981 года). М.: «Прогресс», «Культура», 1993.
11. Мотрошилова Н.В. Идеи Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М., 2003. С. 228-229.

© Тетенков Николай Борисович (tenibo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

ИДЕЯ КОСМОФИЗИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В КОНТЕКСТЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ (АНТИЧНОСТЬ)

Торубарова Татьяна Викторовна,

Д.ф.н., профессор, Курский государственный университет

ttorubarova@rambler.ru

THE IDEA OF THE COSMOPHYSICAL ORDER IN THE CONTEXT OF SELF-DETERMINATION OF HUMAN BEING (ANTIQUITY)

T. Torubarova

Summary: The article is devoted to the disclosure of the essence of the idea of the cosmophysical order in the ancient worldview. The article substantiates the position that the comfort of the cosmic whole was the basis for the formation of a person. The conditions for the realization of the full value of human being are revealed. In this regard, the idea of the polis is comprehended. In the context of thematic explication, the dictum of Protagoras is analyzed. The polemical aspects of this saying are considered. It has been established that Plato is trying to figure out the beginning of the structure of the cosmophysical world order, commensurate with human understanding. In Plato's philosophy, the idea of the good is associated with constancy as a necessary condition for the commensurability of human being and thinking with the cosmic world order. The Platonic cosmological justification of the Protagoras thesis is revealed.

Keywords: cosmophysical order, polis, nature, human existence, commensurability, harmony, peace, idea, good.

Аннотация: Статья посвящена раскрытию сути идеи космофизического порядка в античном мировосприятии. Обосновывается положение о том, что благоустроенность космического целого являлась основой формирования человека. Выявляются условия осуществления полноценности человеческого бытия. В этой связи осмысливается идея полиса. В контексте тематической экспликации анализируется изречение Протагора. Рассматриваются полемические аспекты этого изречения. Установлено, что Платон, пытается выяснить начала устройства космофизического миропорядка, соизмеримого с человеческим разумением. В философии Платона идея блага связывается с постоянством как необходимым условием соизмеримости человеческого бытия и мышления с космическим миропорядком. Раскрывается платоновское космологическое оправдание тезиса Протагора.

Ключевые слова: космофизический порядок, полис, природа, человеческое бытие, соизмеримость, гармония, мир, идея, благо.

Современный человек, живущий в эпоху глобализации, и обретающий свое назначение и реализацию в информационно-техническом пространстве, по сути дела утрачивает понимание мира как гармонично устроенного порядка, в котором он способен осознавать себя «космически». Ныне, воссоздание целостности бытия, придающей смысл человеческому существованию, становится по сути дела непреодолимой задачей. Современный человек открывает мир исходя из самого себя, лежащего в основе всякого порядка и тем более упорядочения сущего в целом. Во все более расширяющемся в запредельное спектре антропоцентрической свободы, сама субстанция мира становится виртуальной, а человек превращается в странника во всевозможных мирах и проекциях бытия, в конструкт рациональных схематизаций. Такого рода траектория обеспечивает не только потерю собственно человеческой идентичности, но и мира как целого, в котором возможно гармоничное присутствие человека в его подлинном призвании и назначении. Обрести себя возможно только в мире. Именно в сопричастности этому целому, оказывается только и возможным сохранение собственно человеческого начала в самом бытии человека. Вот почему важно обра-

титься к опыту греков, в мысли которых - тайна и глубина этого самосохранения.

Целью нашей работы является осмысление идеи космофизического порядка в контексте самоопределения человеческого бытия.

Идея понимания мира как порядка, в плане гармоничного устройства всего сущего определяет ключевые детерминации мысли, восходящей к тому, что называется космосом греков. Речь идет о космофизическом обстоянии всего сущего, включая богов и людей, небо и землю, воздух и воду, которое греки постигали как природу, как все, единство. Единство, заключающее в себе не просто многообразие всевозможных вещей и явлений, но то единство, в котором все находится всегда в целом и гармонии, на своем месте, в силу своей собственной природы, определенный и оформленным образом. Такое единство греки называли миром, то есть родным домом человеческого присутствия, где человек прибывает в согласии со всем существующим. Способность к согласованию, к соответствию с тем, среди чего он прибывает, является ключевой характеристикой челове-

ческой сущности. Вне гармонии со всем сущим жизнь человека оказывается трагичной. Благоустроенность космического целого являлась основой формирования человека. А соотносительность человека со всем сущим, в плане осуществления его сущностного пребывания достигается в полисе. «Полис...это...устройство места истории греческого человека. Это есть такое сущностное пребывание человека, которое в своем топосе собирает в изначальное единство все то, что достигает человека как нескрываемое и предлагается ему как то, к чему он в своем собственном бытии предназначается» [11, с.55].

Сознание принадлежности к структурам традиционной гражданской общности являлось необходимым условием реализации полноценности человеческого бытия. Эти структуры, разумеется, претерпевали изменения, однако не в такой степени всеобщие и радикальные, чтобы разрушать полностью и окончательно конструктивность такого рода сознания. При всех своих социальных разногласиях, сословно-классовых противоречиях, гражданская община сохраняла свою конкретную целостность, поэтому она осознавалась как наиболее естественная форма местопребывания человека в космофизическом миропорядке. В силу сохранения гражданской общности, в которой осуществлялась так или иначе действенная соизмеримость всех и каждого друг с другом и с легко обозримым «социальным телом» полиса, развивалось и преобладало космоцентрическое мирозерцание. В горизонте этого мирозерцания человек с его умением обрабатывать землю и создавать необходимые для себя вещи, с его стремлением осваивать морские просторы, испытывать и познавать все реально сущее и происходящее, человек в его непосредственно телесном пребывании и во всех своих умениях воспринимался как вполне соизмеримый с природным и общественным порядком вещей, образующих в своей совместимости, совместно с богами и небом гармоничский устроенный космос [4, с.114], где, как разъясняет М. Хайдеггер, «... проясняющаяся гармоническая слаженность, бытийствует во всем убранном» [13, с. 209]. Как особое сущее среди всего сущего человек воспринимался в гармонии со всеми индивидами и родо-видовыми образованиями бытия, получающего завершенность в космофизическом измерении. Поэтому космос выступал в качестве естественного места человеческого осуществления жизни, в качестве собственного жилища, так сказать, «родного дома», полноценного местопребывания каждого отдельного человека. В сфере именно такого космоцентрического сознания следует понимать знаменитое изречение Протагора, которое гласит так: «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а не существующих, что они не существуют» [7, с. 203].

Полное изречение Протагора соотносят, как правило, с «субъективизмом» или с исходящим «из признания текучести материи» «релятивизмом, который был

свойствен гераклитовцам...» [6, с. 501]. Весьма спорно, во-первых, то обстоятельство, что сам Гераклит был релятивистом с его учением о «логосе» и «полемосе». Во-вторых, в древнегреческой философии не было вообще термина «материи» (ἕλη) до Аристотеля, в силу чего текучесть относили к чувственно воспринимаемому, что не есть материя, причем и у самого Аристотеля материя вообще не существует вне своей оформленности или телесной осуществленности. В-третьих, и субъективизм в привычном для нас смысле вовсе не характерен для космоцентрического мировоззрения, несмотря на любые эгоцентрические эксцессы, заявлявшие о себе в лице софистов, людей типа Алкивиада и киников в непосредственной жизненной стихии претерпевающего кризис демократического устройства полиса. Впрочем, само движение софистов было возможно как раз в силу сокращения полисной организации гражданской общности, в которой каждый по отношению друг к другу и к социальному целому стремился определить себя в достойной и для себя полноценной соизмеримости, в соответствующем ему предназначении. Вот почему Платон, обсуждая изречение Протагора, что «мера всех вещей – человек» (παντων χρηματα μετρον εστιν ανθρωπος), в лице Сократа задает следующий риторический вопрос: «Так вот, он говорит тем самым, что-де какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она в свою очередь для тебя. Ведь человек – это ты или я, не так ли?» [7, с. 203]. Здесь говорится не о человеке вообще, а о соответствующим друг другу «Я» и «Ты». Каждое конкретное «Я» соотносится в своем местопребывании с таким же определенным «Ты», и только в рамках такого полисно-гражданского соотношения возможной оказывается сама греческая софистика, которая строилась на основе σοφια, то есть на таком истолковании бытия, которое исходит из соизмеримости «Я» и «Ты» в постижении определенности всего сущего и несущего. «Человек не выводит из своего обособленного и изолированного Я абсолютную меру, под которую должно подойти все сущее в своем бытии. Человек греческого отношения к сущему и к его непотаенности есть μετρον (мера) постольку, поскольку принимает свою отмеренность кругом непотаенности, ограниченным ограниченностью его Я, признает тем самым потаенность сущего и невозможность самому решать о его присутствии или отсутствии, равно как и о виде (эйдосе) пребывающего» [12, с. 57].

Поясняя данное рассуждение, важно отметить то обстоятельство, что для Протагора все сущее действительно раскрывается лишь в соотносительности в человеческом εγω, однако это Я немислимо в отъединенности от полисной жизни и природного порядка вещей; это такое Я, которое постоянно стремится жизненно осуществить себя, свое особое предназначение в контексте всего того, что соизмеримо с ним и что тем самым существует всегда определенным образом. Поэтому обо всем том,

что несоизмеримо с человеческим предназначением в период его жизненного пребывания, невозможно говорить что-либо определенное. Краткость человеческой жизни не позволяет нам знать, например, о Богах «ни что они существуют, ни каковы они по своему виду». И это не просто субъективное, так сказать, мнение Протагора, но, скорее, основной принцип греческого мировосприятия в полисной организации общественной жизни. Вот почему, имея в виду Протагора, Сократ с явным одобрением замечает: «А мудрому мужу, разумеется, не подобает болтать вздор» [7, с. 204].

В полисной организации формировался и артикулировался такой горизонт космоцентрического мирозерцания, в коем жизненное предназначение человека обретало смысл в том и только в том случае, если оно оказывалось соизмеримым со всем окружающим его сущим. Говоря иначе, именно в соизмеримости со всем происходящим и сущим в мире осуществлялся, согласно древнегреческой мудрости, смысл человеческого существования. Для каждого «полисного» человека, пребывающего на земле и под небом, живущего среди таких же, как и он сам смертных, в отличие от бессмертных богов – небожителей, все неопределенное, лишенное какой-либо выразительности, бесформенное вообще, исключало возможность строить отношение. Но отсутствие такой возможности, в свою очередь, исключало само стремление человека к достойному осуществлению своей собственной жизни. Поскольку при таком условии он просто уже не может быть той самой «мерой», каковая позволяла бы ему в постоянном усилии сохранять и возобновлять не только обычную, так сказать, совместимость с космофизическим порядком, присущую, например, камням, растениям и насекомым, но именно гармоническую совместность, причем в ее самом предельном измерении. Ведь все то, что несоизмеримо с человеком, лишает его той сущностной меры, которая необходима ему для реализации своего жизненного назначения, ибо оно оказывается неопределенным и вследствие этого лишенным какого-либо смысла. Оно, тем самым, исключает возможность «интеллигибельного» отношения, следовательно, лишает человека разума, языка, речевой стихии вообще. И в этой связи весьма показательным представляется рассуждение Платона о созидании космоса в диалоге «Тимей», где речь идет о том, как определить и каким словом можно назвать исходное начало всего сущего. Ведь это начало оказывается для человека настолько смутным и неопределенным, настолько несоизмеримым с его способностью наименования чего бы то ни было, что трудно найти ему какой-нибудь подходящий термин или хотя бы более или менее приемлемый образ. Даже самый что ни на есть многозначный символ, оказывается всего лишь намеком, ибо указывает только на подобие тому началу, из коего Демиург исходит в своем замысле устройства Вселенной. Для человеческой способности проникновения

это такое темное начало, которое намеком, всего лишь только намеком никак невозможно высветить в силу чего оно для человека суть «кромешный мрак невообразимого» [3, с.64]. Стремясь прояснить это начало, сделать наш умственный взор более ясным и отчетливым в такого рода постижении, приходится признать, что это «нечто» мы можем постигнуть, находясь как бы лишь во сне, тогда как, пробудившись, мы не в силах его назвать (λέγειν), «и только неким незаконным исчислением (λογισμός νόθος) мы найдем это «нечто» и определим это словом ...» – χάρα [3, с. 64-65]. Для Демиурга χάρα суть «нечто», а для человека – это сплошная тьма, ибо в своей неопределенности для него она суть «лишенность», полная «отстраненность» (χάξιω); для человеческого «ума и сердца» χάρα – это «пролом», – жуткое «зияние», «бездна», то есть несоизмеримый с его жизненным пребыванием «хаос» (χάος). Рассуждая о природе такого начала, несоизмеримого со способностью человеческого проникновения, Платон все же пытается определить эту суть: «Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной; а входящие в нее и выходящие из нее вещи – это подражание вечносущему, отпечатки по его образцам, снятые удивительным и неизъяснимым способом...» [8, с. 453].

Важно здесь отметить ту исторически фундаментальную специфику древнегреческого мировосприятия, которая получала свое выражение в философии и которая в период позднего эллинизма разрушалась и вытеснялась христианской доктриной. Платон, пытаясь выяснить начала устройства космофизического миропорядка, соизмеримого с человеческим разумением, говорил о неизъяснимом начале (χώρα) [2, с. 293], хаосе, но одновременно и о Демиурге, о коем тоже невозможно сказать все в смысле определенности. И все же о нем можно сказать, что он являет собой всю полноту Блага, то есть интеллигибельную полноту всего сущего. Тем самым для человека оказывается возможной задача преодоления несоизмеримости с ним и достижения той или иной определенности, благодаря которой появляется на свет воспринимаемое и тем самым вполне именуемое уже сущее. У человека нет «образцов» в его эмпирическом существовании, которые позволяли бы ему устанавливать свою соизмеримость со всем сущим, интеллигибельность всего с ним и с окружающим его происходящим. Но зато у него есть стремление к этому, трансцендирующее его за пределы прилегающих к нему чувственно воспринимаемых вещей и обстоятельств. Со всем этим, находящимся в постоянном изменении, согласно Платону, невозможна соизмеримость подлинного человеческого бытия. И тем не менее соизмеримость всегда возможна, поскольку она изначально человеку присуща. Именно в такой интенции космофизической соизмеримости человека с чем бы то ни было Платон

разрабатывал свою теорию идей и космологию, говоря о Демиурге как об устройтеле всего сущего и осуществляющего собой всю полноту Блага, наделяющего смыслом человеческое стремление обрести мудрость в его собственном жизнепробытии.

В философии Платона идея блага связывается с постоянством как необходимым условием соизмеримости человеческого бытия и мышления с космическим миропорядком. И поскольку все чувственно воспринимаемое претерпевает непрерывное изменение, постольку оно лишено устойчивой меры существования, то есть той самой меры, с которой человек соотносит осуществление смысла своей жизни и возможность истинного познания. Как раз в силу изменчивости природно сущего, Платон говорил о невозможности науки о природе как *ἐπιστήμη*, то есть подлинной мудрости. Однако, коль скоро вся чувственно воспринимаемая природа лишается соизмеримой с человеком бытийности, следовательно, и человек в своем жизненном предназначении оказывается совершенно исключаемым из телесного окружения. Он оказывается несоизмеримым со своей собственной телесностью, причем ради вообще непонятно какого-то назначения. Согласно платоновскому учению, оно обязывает его в дионисийско-вакхическом самозабвении, в опьяняюще-восторгающем эротическом восхождении к ступени завершающего блага – блаженства полностью отрешиться от своей собственной индивидуальности. Другими словами, платоновское учение об идеях, подкрепляемое концепцией эротического восхождения к Благу, завершающей смысловую определенность и устойчивость космического мироустройства, исключало соизмеримость телесного человека с чувственно воспринимаемым природным порядком, поскольку все телесное, пребывающее в непрерывном изменении, не имеет той самой меры, которая гарантирует постоянство. В интенции соизмеримости человека с полисно-природным окружением Платон ориентировался на понимание бытия как постоянства. Вся древнегреческая философия, начиная с Фалеса, ориентировалась на извлечение из непрерывно изменчивого потока явлений, неизменно самотождественной сущности, будь то «вода» того же Фалеса, «или «число» Пифагора, «атомы» Демокрита или «идея» Платона» [1, с. 210]. И вот такой поиск самотождественного в полисной цивилизации получил свое выражение, с одной стороны, в концепции неизменного бытия Парменида, подкрепляемой апориями Зенона Элейского, в атомистике Демокрита, в коей решающую роль получала случайность столкновений и тех или иных сочленений, и в софистическом движении, противопоставляющем человеческое умение изменчивому природному порядку. После софистов и Сократа постижения природы (*φύσις*), самой по себе сущей, оказались несостоятельными. «К этому времени физиологами были перебраны все возможные, на их взгляд, начала Вселенной, и вместе с последователь-

ным перечислением четырех стихий материи – воды, воздуха, земли и огня – предлагались первоначально абстрактно-мыслительные: числа пифагорийцев, апейрон Анаксимандра, Единое элеатов, Нус и гомеомерия Анаксагора» [3, с. 47]. В Афинах учение Анаксагора, несовместимое со здравым смыслом полисного сознания, было признано богохульным. Оно явилось как бы завершением усилий «физиологов» в их поиске соизмеримости мышления с постоянно изменяющимся в его чувственной воспринимаемости природным порядком вещей. Ведь в космологии Анаксагора Нус, как принцип разумно-гармонического устройства всего сущего, противопоставлялся неисчислимому разнообразию незримых частиц, называемых «гомеомериями». С одной стороны, соизмеримость этих частиц предполагала возможность их разумного согласования в такого рода гармоническом устройении, в коем человек мог бы осуществлять свое жизненное назначение. То есть все свои стремления он мог бы соизмерять со всем сущим и, тем самым, свое окружение осмысленно воспринимать и познавать. С другой стороны, для полисного сознания, ориентированного на определенность в горизонте присущего ему космоцентрического измерения, совершенно неясным оказывалось то обстоятельство, что наличие таких частиц бесчисленно, к тому же они еще и невидимы. В диалоге Платона «Федон» Сократ рассказывает, как он разочаровался в Анаксагоре, полагая, что в его лице он нашел учителя, способного открыть доступную его разуму «причину бытия», коль скоро Анаксагор утверждал, «что всему в мире сообщает порядок и всему служит причиной Ум...» [9, с. 56]. «Но с вершины изумительной этой надежды... я стремглав полетел вниз, когда, продолжая читать, увидел, что Ум у него остается без всякого применения и что порядок вещей вообще не возводится ни к каким причинам...» [9, с. 57]. И в этой связи приведем еще одно замечание Платона относительно Анаксагора: «Некоторые даже отваживались... выставить рискованное положение, что ум привел в стройный порядок все то, что находится на небе. Но те же самые люди снова допустили ошибку в понимании природы души... они снова, так сказать, повернули все вспять, особенно же самих себя» [5, с. 435]. «Повернули все вспять», то есть, вероятно, к тому, о чем софист Горгий в своем трактате «О несуществующем или О природе» рассуждал так: «Одно – именно первое – [гласит], что ничего не существует, второе – что если и существует, то оно непознаваемо для человека; третье – что если оно и познаваемо, то все же, по крайней мере, непередаваемо и необъяснимо для другого» [10, с. 72]. Впрочем, и Сократ, согласно Платону, отрицал свою причастность к космологии, претендующей на статус подлинной мудрости, ибо в поиске соизмеримого с человеческим существованием смысла всего сущего необходимо устанавливать всегда наличие того, что так или иначе оказывается определенным, поскольку вне какой-либо определяемости невозможна вообще значимость той самой речевой стихии, благода-

ря которой осуществляется полисная совместность человеческого жизнепробытия. Вот почему в «Тимее» с космологическим учением выступает не Сократ, фигурирующий в более ранних диалогах Платона в качестве подлинного мудреца, а пифагореец Тимей Локрский, разъясняющий в эзотерической (отличие от Сократа) манере, что «из сочетания ума и необходимости произошло смешанное рождение космоса» [8, с. 450].

Как бы возражая Горгию, Платон восстанавливал космологию в статусе такой науки, которая должна входить в сферу подлинной мудрости. Однако, согласно Платону, истинное знание возможно относительно лишь вечных, неизменных, всегда себе тождественных идей, но не относительно чувственно воспринимаемого и пребывающего в изменении, то есть всего того, что к самому человеку оказывается непосредственно прилегающим в его собственной жизнедеятельности. Восстанавливая космологию в ранге необходимой мудрости с помощью своей концепции идеального порядка всего сущего, Платон в противовес Горгию, можно сказать, оправдывал протагорский тезис о соизмеримости человеческого существования с какой-угодно бытийностью, каковая в силу соизмеримости, именно и как раз в силу соизмеримости, так или иначе раскрывается, и тем самым для человека оказывается вполне постижимой. Но в платоновском космологическом оправдании тезиса Протагора мудрость оказывалась несовместимой с вещами, возникающими и пребывающими в изменении; следовательно, все чувственно воспринимаемое, осуществляющее себя в движении, оказывалось несоизмеримым с человеком, поскольку само по себе оно лишено смысла и тем самым недостойно вообще внимания. Протагорский тезис весьма существенно модифицировался, ибо в отличие от «фюсиологов», постигающих бытие как φύσις, в смысле самовозникновения и самоосуществления чего бы то ни было в космическом миропорядке, Платон понимал бытие как нечто идеальное (ιδέα), то есть как нечто такое неизменное и самоидентичное, каковое наделяет существованием все изменчивое лишь в той мере, в коей оно может быть причастным своему единственному и вечному образцу. Соизмеримость человека с окружающим его сущим сохранялась, но уже только лишь в той степени, в какой он сам оказывался причастным к идеальному миру, ослепляющего всех и каждого, кто доверяется способности чувственного восприятия, другими словами, миру непосредственно жизненного опыта. Согласно Платону, идеи наделяют такой чистой зримостью,

каковая позволяет человеку постигать всю ту святоносность чистой и полной являемости как раз того, что в опыте непосредственного восприятия постоянно затмевается изменчивостью своего пребывания. Все изменчивое исключается из сферы мудрости, то есть истинного познания, ибо это есть «мир теней»; но тем самым отображается и способность чувственного восприятия; тем самым человек лишается достоинства быть телесным, лишается всех тех, присущих телесности характеристик, которые позволяют ему соизмеримо и совместно быть со своим непосредственным окружением. Ведь как раз в силу соизмеримости и тем самым совместности с человеческой телесностью, все чувственно воспринимаемое должно подлежать, причем настоятельно и с необходимостью, несмотря на свою изменчивость, возможности человеческого осмысления. В этом случае протагорский тезис, выражающий суть древнегреческого полисного сознания, получает свое оправдание и демонстрирует свою надлежущую значимость.

Подводя итог сказанному, отметим. В горизонте античного мировосприятия, самоопределение человеческого бытия в мире невозможно вне соотнесенности с идеей космофизического порядка, в основе которого лежит понятие гармонии и соизмеримости. Порядок пронизывает и устроит саму сущность человеческого присутствия, определяет то, к чему он предназначен в мире. Упорядоченность человека, благодаря которой он обретает свое назначение, осуществляется в полисе, в подчинении законам полисной организации. Полисная упорядоченность есть такая упорядоченная структура, которая выполняет конструктивную роль по отношению к самому человеческому бытию, порождая человека в его способностях и бытийных характеристиках. Существование таких структур, которые являются конститутивными для определения сущности бытия человека открывает Платон. В совместной, полисной жизни людей происходит их упорядочивание и формирование, позволяющее входить им в свою собственную сущность, осуществляться в своем собственном предназначении. Существование человека свершается как отзывчивое внимание ко всему сущему, как соизмеримость и согласие со всем присутствующим, которое вносит порядок и в саму человеческую душу, что позволяет говорить о греках как подлинно космических существах, для которых мир (космос) есть родной дом, как не метафорично это звучит.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Греческая литература и ближневосточная «словесность» (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Типология и взаимодействие литератур древнего мира. М., 1971. С. 206-266.

2. Ахутин А.В. Античные начала философии. Санкт-Петербург: Наука, 2007. С. 293. -784 с.
3. Григорьева Н.И. Парадоксы платоновского «Тимея»: диалог и гимн // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981. С. 47-90.
4. Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. С. 114. — 533 с.
5. Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 71-437.
6. Платон. Примечания // Платон. Сочинения в трёх томах [Текст] - М.: Мысль. - (Философское наследие). Т.2. 1970. 611 с.
7. Платон. Тезет // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 192-274.
8. Платон. Тимей // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 421-500.
9. Платон Федон С. 56. Т.2. Платон. Федон // Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 7-80.
10. Секст Эмпирик. Против ученых // Соч. в двух томах. Т. 1. М., «Мысль», 1975. С. 61-376.
11. Сергеев К.А., Каменева Л.С. Сущность человеческого бытия в философии Платона // Платон. Государство. СПб.: Наука, 2005. С.5-158)
12. Хайдеггер М. Время картины мира //Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления (пер. с нем.; комм. В.В. Библихина; серия "Мыслители XX в.). — М., Республика 1993. С. 41—63.
13. Хайдеггер М. Гераклит: 1. Начало западного мышления 2. Логика. Учение Гераклита о логосе. Переводчик: Александр Шурбелев Издательство: СПб.: Владимир Даль, 2011. 502 с.

© Торубарова Татьяна Викторовна (ttorubarova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Курский государственный университет

ИНТЕГРАЦИЯ НАУК КАК ОСНОВА ДОСТИЖЕНИЯ ЕДИНСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ МЕТОДОВ

INTEGRATION OF SCIENCES AS A BASIS FOR ACHIEVING UNITY OF RESEARCH METHODS

**B. Hubiev
Z. Atabieva
Z. Makoeva
Z. Shoranova**

Summary: The article poses a two-fold task - to substantiate the necessity of integrating of sciences and the emergence of new research methods, on the one hand, and to show the methodological role of integrating sciences in the cognition of the object of social practice, on the other. The tasks are solved by analyzing scientific discourses on this topic. It is highlighted that the scale of changes in society and the need for their study have always dictated the objective need for constant discourses, accompanied by the convergence of sciences.

It is noted that the methodological content of interdisciplinarity and integration of sciences objectively depends on the object of knowledge and the tasks set. The regularity of the integration process and the operation of the paradigm of convergence of sciences in the article is traced on the example of the social work science. The importance of the integration of humanitarian, social and natural science knowledge in the creation of the theoretical and methodological foundations of science serving the practice of social work has been substantiated.

Keywords: scientific paradigm, metatheory, synergetic, dynamic chaos, systems theory, heuristics, identity, convergence.

Хубиев Башир Билялович

*Д.ф.н., профессор, Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова*

Атабиева Зарема Алихановна

*К.с.н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова
atab_zara@mail.ru*

Макоева Залина Ауесовна

*К.с.н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова*

Шоранова Залина Владимировна

*К.и.н., доцент, Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х.М. Бербекова*

Аннотация: В статье ставится двуединая задача - аргументировать объективную необходимость и потребность процесса интеграции наук и возникновения новых научных направлений и методов исследования, - с одной стороны, и показать методологическую роль интеграции наук в познании объекта социальной практики, - с другой. Поставленные задачи решаются путем анализа научных дискурсов по данной проблематике. Подчеркивается, что масштабы перемен в обществе и потребность в их исследовании всегда диктовали и диктуют объективную необходимость постоянных дискурсов, сопровождающиеся конвергенцией наук.

Отмечается, что методологическое содержание междисциплинарности и интеграции объективно зависит от объекта познания и поставленных задач. Закономерность интеграционного процесса и действия парадигмы конвергенции наук в статье прослеживается на примере науки о социальной работе. Обоснованно значение интеграции гуманитарных, социальных и естественнонаучных знаний в создании теоретико-методологической основы науки, обслуживающей практику социальной работы.

Ключевые слова: научная парадигма, метатеория, синергетика, динамический хаос, теория систем, эвристическая база, идентичность, конвергенция.

В научных дискурсах одно из ведущих мест занимает проблематика взаимовлияния и интеграции научных знаний. Можно констатировать, что в развитии науки утвердился парадигмальный поворот, на арену вышел новый тип взаимодействия наук – парадигма конвергенции, опирающаяся практически на ресурсы всех наук. В представленной статье реализована попытка раскрыть объективную данность процесса интеграции наук – естественных, социальных, экономических, гуманитарных и возможность обеспечения единства исследовательских методов на принципах конвергенции.

Современная человекосредовая реальность общественного бытия и необходимость ее познания объективно стирают грани и сближают все отрасли наук, синтезируя их разрозненные методы познания объектов и процессов. При этом следует учесть, что методологиче-

ское содержание междисциплинарности включается в исследовательский процесс в такой мере, в какой этого требуют объекты и задачи познания. Еще И. Кант, разрабатывая категориальную структуру теории познания, показал всеобщность и необходимость научного знания, при этом что важно, он считал, что «все человеческое познание начинается с опыта» и что невозможно «общезначимого знания существа природы вещей» [7, с.127]. Как видно, в этих положениях подчеркиваются две мысли: отсутствие единой познавательной теории и что познавательный процесс берет свое начало с практики. Как подчеркивал в свое время и К. Поппер, различные теории порождаются практическими проблемами. Следовательно, целью науки, в том числе и интегрированной, реально становится как познание объекта, так и создания методологии научного поиска с учетом специфики познаваемого объекта.

Оценка значимости интеграции наук с точки зрения практики важна, если учесть, что современная цивилизация находится на пороге смены форм жизнедеятельности человека: экономических, социальных, культурных, технологических, экзистенциальных. На этом общем фоне динамизма и изменчивости общественного бытия базовыми ориентирами научного познания объективно становятся масштабы перемен человеческой жизнедеятельности и темпы их изменчивости, которые требуют к себе обновленных исследовательских методов.

Как видно, интегративный процесс в сфере науки объективно ориентирован на практические методы и технологии воздействия на объект познания. Поскольку это так, то в интегративном состоянии, как считает Е.А. Мамчур, наука как бы «распадается» на науки двух родов – на познающие (теоретические) и на «делающие», т.е. технологические [5, с. 82], выполняющие методологические функции воздействия на социальный объект. Поэтому вполне объяснимо опасения отдельных специалистов как бы не «застрять» на уровне проб и ошибок при создании методологического инструментария для решения практических задач. Для предупреждения возможных рисков предлагается в начале определиться, какое содержание вкладывается в методологическую инструментарий воздействия на объект познания [2]. Как результат – возникает потребность обратиться к достижениям смежных наук или к наукам, позволяющим понимать и интерпретировать существо проблемы в целях заимствования методического инструментария.

Итак, развитие науки, научное познание возможны только в модусе междисциплинарного подхода. Но следует уточнить, что данное положение выразительнее для тех наук, которые по целям, задачам и методам исследования образуют форму междисциплинарного дискурса и интегрируют в себе их методы – к социологии, философии, культурологии, педагогике, психологии. Примеры интеграции названных наук приводятся несколько позже.

Парадигме конвергенции (сближению и схождению, т.е. интеграции) подвержены и другие науки и междисциплинарные направления, способные преодолеть рамки классической научной парадигмы и претендующие стать ядром конвергентного познавательного акта. В этом ключе весьма заметным на практике стал интеграционный процесс на базе естественнонаучных и социально-гуманитарных наук и возможность квантификации (измерения) на основе социальной практики. Становление общей синергетической методологии, например, обеспечивается сближением социальных и гуманитарных наук. Синергетика служит созданием коммуникативного канала между различными формами познания в области естественных и социальных наук. Теория динамического хаоса, по мнению ученых, сродни физическим законам, ее роль весьма значима и в гуманитарных науках. Д.С. Чернавский, например, теории динамического хаоса от-

водит функцию соединяющей все науки; являясь основой для их интеграции, она может повлиять и на мировоззрение в целом, включая философию и этику [8, с. 51].

Социально-гуманитарные науки, как науки об обществе и человеке, в своем развитии неизбежно меняют ценностные ориентиры научного познания, что вызывает потребность в трансдисциплинарных принципах исследования. К их числу можно отнести методологические принципы синергетики, позволяющие рассматривать объект познания как открытую систему. Отдельные ученые, в частности А.В. Бондаренко, справедливо рассматривают синергетический подход как общенаучный, поскольку результаты его применения напоминают принцип трансдисциплинарности [1]. Об универсальности синергетического подхода говорит и Ю.Г. Волков, отмечая, что «междисциплинарные исследования базируются на принципе синергии и, следовательно, социолог вынужден ограничить использование наработанного социологического материала и, в какой-то степени согласиться с тем, чтобы перейти на язык других наук» [3, с. 84]. Обозначенный парадигмальный концепт может дать универсальную методiku изучения множества конкретных научных проблем социально-гуманитарного профиля. В то же время значительное место в развитии точных наук занимают гуманитарные отрасли знания. Так, по мнению В.С. Степина, философия «создала эвристическую базу (или тезаурус, или объем рецептируемой информации), которая необходима для творчества..., во всех творческих актах методологические идеи (осознанно или не осознанно) играли эвристическую роль» [6, с. 39]. В этих положениях следует акцентировать внимание на понятие «методологические идеи», т.к. тем самым автор подчеркивает роль интеграции наук в обеспечении единства исследовательских методов, но не новой науки. Об этом упоминает, в частности, В.А. Лекторский, который отмечает, что интеграция естественных и гуманитарных наук не обеспечивает возникновения единой науки, хотя логический позитивизм не отрицает этой достижимости. «Сегодня можно говорить о новом типе интеграции естественных наук и наук о человеке, - пишет он, - но имеется ввиду прежде всего, «принципиальное единство исследовательских методов» [4, с.44]. Принимая во внимание данную концепцию, заметим, что различия между естественными и гуманитарными науками всегда будут, но их взаимодействия будут сопровождаться конвергенцией научного знания и рождением новых исследовательских методов познания практики.

Объективную потребность в парадигме конвергенции наук демонстрирует наука о социальной работе, которая переживает период своего становления. Концепция научной идентичности данного вида социальной деятельности, как показывает исторический опыт, складывается сложно, и причиной тому – постоянное совершенствование принципов и методов познания, адекватные потребностям практики. Тем не менее, формирование методологических основ познания социальной

практики проходило на основе социально-философских и психолого-педагогических отраслей знания. Исторически основу научной парадигмы метатеории о социальной работе составила диагностическая школа, которая формировалась на концепциях теорий психоанализа и социального бихевиоризма. Впоследствии складывается функциональная школа как результат развития диагностической школы и вхождения в общественное сознание идеи экзистенциализма (философии существования), которые содержат в себе описание ряда модусов человеческого существования и затем становятся элементами социально-философской антропологии и частью метатеории социальной работы.

В теории социальной работы находят применение и потенциальные возможности точных наук. Например, с теорией «синергетика» или «динамический хаос» сопряжены такие закономерные явления общественной практики, как «неравномерность», «неустойчивость», симптомы которых реальность бытия современного социума. Человеческая повседневность сопровождается проявлениями закона неустойчивости, это касается и биологических, и социально-психологических параметров. Анализ этих факторов реализуется методами смежных наук, направляющим стержнем для них становится интегративная функция теорий социальной работы. Кроме названных научных направлений для изучения личности индивида широко применяются достижения социобиологии, выступающая как синтез знаний биологии и социально-гуманитарных наук. Ответвлением социобиологии считается особое направление в биомедицинской практике – биоэтика, которая выполняет задачу трансформации общественной и личностной морали в сферу биологии и медицинской практики.

В методологическом ключе для теории социальной работы важное место занимает теория систем. Социальная по своей сущности данная теория конвергирована

на область физики, кибернетики, электроники и т.д. Системный подход в теории социальной работы позволяет изучить человека как составного элемента в системе общественных взаимоотношений. При этом не исключается возможность изучить характерные черты и отдельного индивида, что важно для характеристики группы индивидов в целом и выявления симптоматики нарушений в ней для принятия практических мер.

Другим социальным измерением теории систем можно считать ее противостояние концепции субъектоцентризма в целях минимизировать проявления индивидуализма в общественной практике. С точки зрения теории систем, в складывающейся новой социальной антологии доминирующей концепцией признается принцип свободы человека в системе общественных отношений, обеспечения тождества индивидуальности и коллективности. Системный подход предполагает участие в познании реального состояния социального объекта ряда наук: экономических, социальных, психолого-педагогических, медико-биологических и других отраслей знания, которые питаются философскими идеями и принципами, что обеспечивает эвристику поиска для них. Так философские основания определяют вектор вспомогательных наук, становятся методологической базой.

В заключении отметим, что интеграция наук, как мы убедились, создает трансдисциплинарную матрицу или парадигму любого научного знания в стадии его становления и дальнейшего функционирования. Интегративный процесс протекает не путем простого копирования или имитирования заимствования. Подверженность точных, естественных, социальных, экономически и гуманитарных наук методу конвергенции означает ориентированность разных наук на заимствования методов и техники воздействия на объект познания, и тем самым создание методологического инструментария познавательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко А.В. К вопросу о синергетической парадигме в философской психологии // Актуальные вопросы современной науки. 2014. №37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sinergeticheskoj-paradigme-v-filosofskoj-psihologii> (дата обращения: 18.03.2021).
2. Валицкая А.П. Нравственно-эстетические универсалии культуры и гуманитарные технологии // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvenno-esteticheskie-universalii-kultury-i-gumanitarnye-tehnologii> (дата обращения: 18.03.2021).
3. Волков Ю.Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект: монография – М., КНОРУС, 2017.
4. Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // *Вопросы философии*. – 2004 №3.
5. Мамчур Е.А. Фундаментальная наука и современные технологии // *Вопросы философии*, 2011 №3. С. 80-89
6. Степин В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты).- *Вопросы философии*, 2004 №3.
7. Хочуев И. Ч., Хубиев Б.Б., Концептуальные основы теории познания в философском наследии И. Канта// *Актуальные вопросы современной науки*. Вып. 37. – Новосибирск 2014. С. 126-127 (с 126-136).
8. Чернавский Д.С. Методологические аспекты синергетики// *Актуальные проблемы современного естествознания*. – Нальчик, 2008. Вып. №6.

© Хубиев Башир Билялович, Атабиева Зарема Алихановна (atab_zara@mail.ru),
Макоева Залина Ауесовна, Шоранова Залина Владимировна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВОЛИ В ФИЛОСОФИИ В. С. СОЛОВЬЕВА

THE PROBLEM OF FREEDOM OF WILL
IN THE PHILOSOPHY OF V.S. SOLOVYOV

S. Chugunov

Summary: The problem of free will in the philosophy of V.S. Solovoyov is considered. Freedom is a form of necessity. Man is a creation of God, and as a created being, he manifests freedom of action. Each "I" is free, concrete, peculiar. At the same time, it is limited, as part of the world, humanity, and the divine creation. A person is not able to overcome this limitation, since the boundaries of his freedom are necessity.

Keywords: God, man, freedom, will, responsibility

Чугунов Сергей Владимирович

к.ф.н., доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский
Государственный университет»
serzh.chugunov.62@mail.ru

Аннотация: Рассматривается проблема свободы воли в философии В.С. Соловьева. Свобода – это форма необходимости. Человек – это творение Бога, и, как сотворенное, он проявляет свободу действия. Каждое «я» свободно, конкретно, своеобразно. В тоже время, ограничено, как часть мира, человечества и божественного создания. Преодолеть эту ограниченность человек не в состоянии, так как границами его свободы является необходимость.

Ключевые слова: Бог, человек, свобода, воля, ответственность.

Владимир Сергеевич Соловьев – русский религиозный философ, основоположник философии всеединства. По мнению Бердяева, основной идеей философского учения Соловьева является то, что свобода и активность рассматриваются, как неотъемлемую часть христианства. Бердяев писал: «Владимир Соловьев всегда понимал христианство не только как данность, но и как задание, обращенное к человеческой свободе и активности». [1, 45]

Проблема свободы в философии всеединства – это, прежде всего, вопрос о возможности самоосуществления человека перед лицом Бога. При этом, духовный подъем личности не может и не должен быть только внешним фактором. Для каждого человека, проявлять активность означает стремление принять и понять опыт поколений с целью достижения всеобщего единения.

Поэтому, активность не может проявляться, только как отдельное действие, да и не каждое действие является активным. Более того, для человека, собственная жизнь не ограничивается личными потребностями и желаниями, но и знанием внешнего мира. Истинная свобода – не просто знание добра и зла, а обретение свободы, через жизнь в добре, познания любви, активного созидания. Самоутверждаясь, личность реализует стремление к индивидуальной независимости от всего окружающего ее мира и, в тоже время, проявляет волевое действие, ведущее к поиску согласия с миром. В этом, как утверждал отечественный философ, заключается цель свободы. Но, мир не представляет собой единства, поэтому человек вынужден подчинять себе отдельные его элементы, а это уже является проявлением зла. Соловьев пришел к выводу, что зло, в конечном итоге, можно определить как результат «неправильной» реализацией нашей свободы. Причина «неправильности» – жесткое разделение элементов мира друг от друга, лишение их свободы.

Как форма активного действия, свобода предполагает необходимость выбора. Но, так как, по своей природе, свобода спонтанна, то человек может выбрать неправильное действие. Философ объяснял, что в каждую минуту человек может иметь множество желаний, поэтому ему предстоит выбор между ними. Этот выбор свободен, так как он определяется не фактом желания, а известным принципом или идеей. Но этот выбор не свободен, если под свободой понимать отсутствие мотива, как причины или способность решиться на какое – то действие без должного основания. Таким образом, неопределенность выбора, или борьбу желаний нельзя считать свободой. Желания людей многообразны и противоречивы. Они не зависят ни от времени, ни от ситуации, ни от каких – либо других факторов. Но, даже незначительное желание должно быть разумным. Ошибка людей заключается в том, что считая себя свободным, человек не всегда чувствует свою жизнь ограниченной.

Свобода человеческой личности не может быть абсолютной. Она ограничена ее мировоззрением, условиями жизни, наконец, нравственными принципами или духовными знаниями. «Требование личной свободы предполагает – для собственного своего осуществления – стеснение свободы в той мере, в какой она при данном состоянии человечества несовместима с бытием общества или общим благом»/ [2 с.546]

Человек живет в трех мирах, различных сферах – мирской, или условной (мир сей), божественной или безусловной (царствие Божие) и посредствующей между ними, реально связывающей, религиозной (церковь). Эта схема, по мнению Соловьева, раскрывает динамику человеческой жизни, взаимодействие как материально-го, так и духовного начал человека.

Свобода – это форма необходимости. Русский фило-

соф не противопоставлял эти два понятия. Необходимость может быть как внутренняя, так и внешняя. Бог по своей природе, необходимо внутренне свободен. Человек достигает свободы, стремится к ней, постигая истину, преодолевая внутреннюю не свободу по отношению к внешнему миру. Поэтому, утверждал русский философ, неправильно считать, что человек действительно или необходимо свободен, он, скорее возможно свободен или приближается к освобождению.

Степень свободы - это уровень знания, опыта. Природный мир представляет собой процесс постоянного движения, переходов, не имеющих никакой цели. Цель предают человеческая деятельность, так как человек стремится получить от природы то, что в ней может и не быть. Природа, как «чуждая сила» противостоит воле и разумной активности человека. Проявляя волю, человеческая личность приближается к природе и, в тоже время, отделяется от нее, подчиняя природное начало божественному. Приближаясь, люди испытывают власть над природной стихией, единение и свое отличие от нее.

Необходимость выступает как определенное состояние человека, но жизнь людей больше чем состояние. Человеческая жизнь включает в себя несколько начал, и материальное, и идеальное, и собственное, личное «я». По отношению к ним, человек может выбирать разную позицию, принимать конкретную роль. Следовательно, сделал вывод философ, человек изначально свободен. Он свободен по отношению к природе, он свободен в Боге, ибо во всеединстве, каждый из элементов ничем не ограничен. Антиподом свободы, как считал отечественный мыслитель, являются различные формы принуждения или насилия.

Любая форма принуждения или насилия – причина физического или нравственного страдания человека. Личность, зависимая от какого – либо фактора, не ощущает себя свободной и активной. Испытывая негативное воздействие, человек относится к нему, как злу, противостоящему личному стремлению к самоутверждению. Но, не следует забывать, что и другой человек может рассматривать процесс самоутверждения как препятствие для своего личного роста, как проявление крайнего эгоизма.

Отечественный философ отмечал, что для научного подхода к решению проблемы свободы воли, необходимо дать более точное определение понятия воли. Воля, по его мнению, проявляется в трех видах. Во-первых, желания, свойственные, не только человеку, но и животным. Они не являются проявлением свободы, так как могут быть связаны с естественными потребностями организма. В данном случае, воля сливается с природной необходимостью и природным желанием удовлетворить потребность.

Второе проявление воли, это желания, свойственные существам, обладающим способностью представления. Эти желания могут носить духовный характер, их основу составляют, различного рода представления, например материального предмета или действия. Чаще всего, как подчеркивал отечественный философ, эти желания не осуществимы. Человек к ним может быть не готов, или их много, или они не достаточно осознаются. В этом проявлении воли, также степень свободы является низкой.

Третье проявление воли – это процесс решения или выбора, характерный для существ, обладающих способностью отвлечённого мышления. Соловьев указывал, что даже в простой ситуации для человека свойственно стоять перед выбором между различными желаниями. Этот выбор свободный, определяется он известным принципом или идеей, чаще всего, нравственной. Этот выбор имеет сложный метафизический характер, так как человек должен ответить для себя, на вопрос какой мотив действий предпочтителен. Но, если действие человека лишено мотива, то степень свободы в нем снижается или может быть утраченной.

Подходы к решению вопроса о свободе воли философ подразделил на две группы. Первая группа связана с человеческими заблуждениями. Человек, не редко считает, что может и должен поступить так, а не иначе. Если нет свободы выбора, следовательно, человек не виноват в том, что он делает, а государство не имеет права наказывать преступника. Такую точку зрения, философ назвал криминальным подходом.

Второе заблуждение, русский философ назвал точкой зрения наивного сознания. Свобода воли – это факт, а не мнение, поэтому эта проблема не нуждается в философском обосновании. Соловьев отметил, что для философии остается важным анализ содержания человеческих чувств или сознания. Чувство свободы не может быть, по его мнению, не может быть ложным, если оно, действительно, является осознанным и опирается на реальные факты. Но, с другой стороны, человеку свойственно ошибаться, считать себя свободным в той ситуации, где преобладает социальная необходимость, и явного проявления свободного действия нет. Например, свобода действия может быть ограничена физическими возможностями.

Ко второй группе, по мнению Соловьева, относятся философские подходы и концепции, начиная с периода Античности. Русского философ отмечал, что вопрос о свободе воли может быть сведен к проблеме соотношения индивидуального и универсального способов существования или к степени зависимости частичного бытия от бытия целого. В древнегреческой философии, решение носило нравственно – психологический характер, основы которого были заложены в философии Сократа.

Сократ считал, что переход к разумной свободе связан с поиском истинного знания, в частности, знания добра. Все, в одинаковой степени ищут добро, но многие не знают в чем, оно заключается.

Этика Платона, как утверждал русский философ, основывается на этих сократовских положениях. В тоже время, Платон, предпринял попытку высказать мысль, что зло является следствием, не только низменных желаний человека, но и не знания им законов, нравственных норм, устанавливаемых обществом.

Аристотель, как считал Соловьев, внес в решение проблемы свободы воли, некоторые преобразования. Предметом свободы воли, не является то что исходит от разума. Поступки человека не всегда разумны и могут рассматриваться как результат действия или влияния его страстной души. Поэтому, для древнегреческого философа, свобода воли обусловлена несовершенством человеческой природы, отсутствием логики действий.

Решительным приверженцем свободы воли, русский философ, назвал

Эпикура. Соловьев писал: «Эпикур хотел освободить человеческую душу от непреложной судьбы, которое, вызывая в одних мрачное состояние, а в других – скорбную резигнацию, ни кому не дает радостного удовлетворения. Против этого Эпикур утверждает, что мы способны к самопроизвольности и не подчинены никакой судьбе или предопределению, метафизическим основанием такого утверждения служит взятый им у Демокрита, но видоизмененный атомизм. Атомы, по Эпикуру, не представляют строго – механистической системы движений, так как каждый из них имеет в себе силу колебаний или отклонения в том, или другом направлении». [3, с. 235]

Поэтому, человеческая душа, как состоящая из атомов, также произвольна в своих действиях и не связана с каким – либо воздействием со стороны универсума, свободна от него.

Противоположную точку зрения, по мнению русского философа, занимали стоики. Вселенная – это мыслящий разум, предающий всему существующему единство. Поэтому в мире все предопределено, а свободная воля является проявлением низменных влечений духа, не контролируемых со стороны разума.

В целом, как подчеркивал, Соловьев, вопрос о свободе воли в древней философии проявлялся в стремлении ограничить детерминизм целого над частью, освободить индивидуальное бытие от влияния социальных норм или универсального разума, как условия разумных действий людей.

Принципиально новое решение данной проблемы внесло христианство и средневековая философия, поставив вопрос о сущности Богочеловека, единства человеческого и божественного начал. Это единство, явно проявляется, только в Боге. А у человека, единство выступает, как стремление, цель. Необходимость, окружающая человека, перестает быть границами его бытия, а свобода, проявляется в активной, духовной деятельности.

Первоначально, как отмечал русский философ, проблема свободы воли решалась в рамках анализа вопроса о взаимодействии и противоположности между абсолютной свободой Бога и относительной, нравственной самоопределенностью человека. С, одной стороны, придерживаясь тезиса о божественной предопределенности мира, богословы не отрицали утверждение, что все в мире и, в том числе жизнь человека, зависит от воли Бога. С другой стороны, божественная благодать и право выбора являются достаточным условием для положения о возможности утверждать, что нечто зависит и от человека. Пелагий подчеркивал, что судьба человека определяется его волей. Августин, признавая естественную природу человеческой свободы, отмечал, что она является основанием оценки нравственных действий и поведения человека. Воля, по Августину, как считал Соловьев, это духовное движение ни чем и ни как не принуждаемое, целью которого является осознание добра. Достижение добра, возможно, только через постижение божественной благодати, которая, в свою очередь, является условием преодоления негативных стремлений воли и желания грешить.

Более близкой, для отечественного философа, является позиция Фомы Аквинского. Цель человеческой жизни – достижение блага. Свобода и проявление воли заключается в выборе средств и способов достижения этой цели. Неправильный выбор является следствием незнания. Соловьев отмечал: » Сам Фома допускает, что те или другие системы средств, или пути к высшей цели, не могут быть безразличны, и что в каждом данном случае есть один наилучший путь, и если мы его не избираем, то лишь по незнанию; следовательно, при совершенном знании единой абсолютной цели выбор одного наилучшего пути к ней есть дело необходимости». [4,с.430] Таким образом, как сделал вывод русский философ, добро, для разумного существа, по Фоме, необходимо, а зло невозможно.

Развивая, эту точку зрения, другой представитель схоластики Дунс Скотт утверждал, что воля, а не ум является началом действий и основанием человеческих желаний.

Для философии Нового времени, вопрос о свободе воли трансформировался в проблему соотношения свободы и необходимости. Протестантский детерми-

низм, по мнению Соловьева, указывал, что поступки человека зависят от высшей абсолютной воли. Люди грешат по необходимости, а причиной их греха и заключается в воле. Воля пассивна, так как действия людей определены и различаются, только, по проявлению в них добра или зла.

В период 17 – 18 веков, как отмечал русский философ, зарождаются две противоположные точки зрения. Первая, янсенизм, утверждающая, что люди свободны только в выборе между видами греха, но степень греховности всегда одна и та же. Вторая точка зрения, квиетизм. В ее основе лежат положения о подчинении человеческой воли божественной благодати, что, в конечном итоге,

приводит к ее отрицанию.

Сложность решения проблемы свободы воли не могла ни отразиться и на различии подходов к ней в социальной философии 17 -19 веков. Спиноза отрицал свободу воли, утверждая, что все желания человека и его поступки являются следствием единой абсолютной необходимости. Лейбниц признавал свободу, как свойство жизнедеятельного существа. Но, свободные действия носят ограниченный характер, так как зависят от наилучшего согласования всех возможных действий, определяемых принципом предустановленной гармонии. По мнению Соловьева, детерминизм Лейбница имеет более мягкую форму, чем подход Спинозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О русской философии. / Н.А. Бердяев. – Свердловск: Изд – во Урал. ун -та, 1991, т.2 – 240 с.
2. Соловьев В.С. Избранные статьи и письма / В.С. Соловьев. – М.: ЭКСМО, 2001. – 654 с.
3. Соловьев В.С. Избранные статьи. / В.С. Соловьев – Киев: изд. «Атлас», 2001. – 620с.
4. Соловьев В.С. Избранные философские произведения. / В.С. Соловьев. – Харьков: АСТ, 1996 – 758 с.

© Чугунов Сергей Владимирович (serzh.chugunov.62@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Севастопольский государственный университет

Наши авторы

Our authors

Andreev V. – Graduate student, Institute for Psychology of Creativity

Atabieva Z. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Bidordinova K. – lecturer, Bauman Moscow State Technical University

Bokachev I. – Doctor of Philosophy, professor, North-Caucasus federal university, Stavropol.

Borovik M. – graduate student, Krasnodar State Institute of Culture

Budaud K. – Postgraduate student, Kazan Federal University

Bulov I. – Post-graduate student, Institute of Philosophy RAS

Chugunov S. – kand. philos. Sci., Sevastopol state University

Fu Zhongfeng – Professor, Heihe University, Heihe City (China)

Gutova T. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Kuban State Medical University, Krasnodar

Hubiev B. – Doctor of Philosophy, Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Jiang Dongmei – Lecturer, Heihe University, Heihe City (China),

Kononov S. – Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer, Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky.

Kosolap A. – Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev National Guard troops Russian Federation

Kryukova L. – candidate of philological sciences, associate professor, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Moscow)

Lastochkin O. – Lecturer, St. Petersburg Technical College of Management and Commerce

Leonova E. – Postgraduate student, Udmurt State University (Izhevsk); Lecturer, Izhevsk State Medical Academy

Makoeva Z. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Markova O. – senior teacher, Bauman Moscow State Technical University

Nasirov M. – PhD, Associate Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal affairs of Russia, Nizhny Novgorod

Neznamova I. – PhD in Philosophy, Stavropol branch of Moscow humanities and economics university, Stavropol.

Pidshmorga Yu. – Candidate of Cultural Studies, Kuban State Medical University, Krasnodar

Rybakova I. – Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IP RAS)

Shoranova Z. – Candidate of historical ones Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Sorokina E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Institute of Creative Psychology

Sysa N. – PhD applicant, Russian State Social University

Tetenkov N. – Candidate of philosophy, Associate professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk

Torubarova T. – Doctor of Philosophy, Professor, Kursk State University

Tsyganenko O. – senior teacher, Bauman Moscow State Technical University

Valishin E. – PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Velichko T. – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Bauman Moscow State Technical University

Vetlinskaya M. – Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University

Vislova A. – Doctor of Psychological Sciences, Leading Researcher of the Federal Research center of the Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian academy of sciences (Nalchik)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).